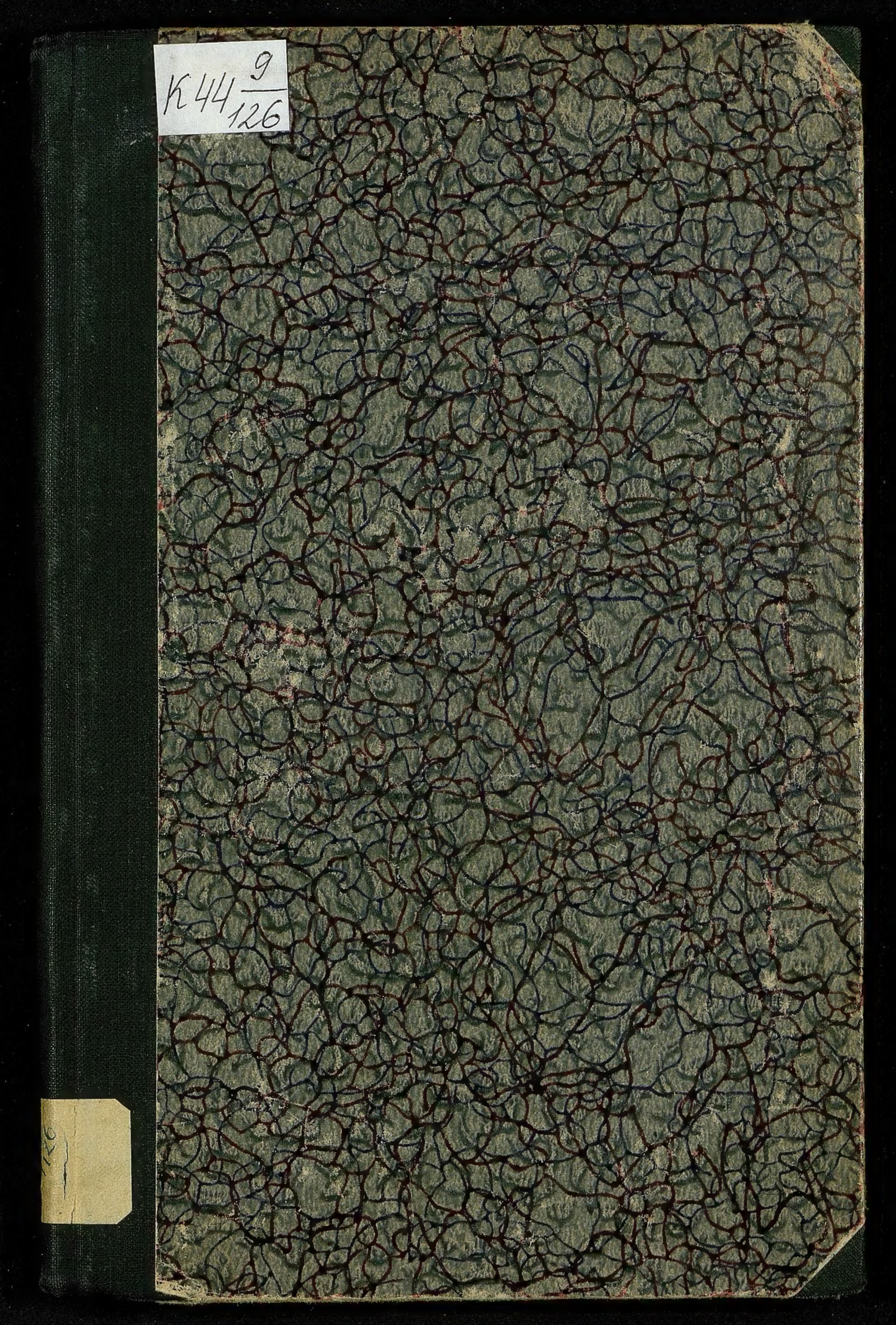
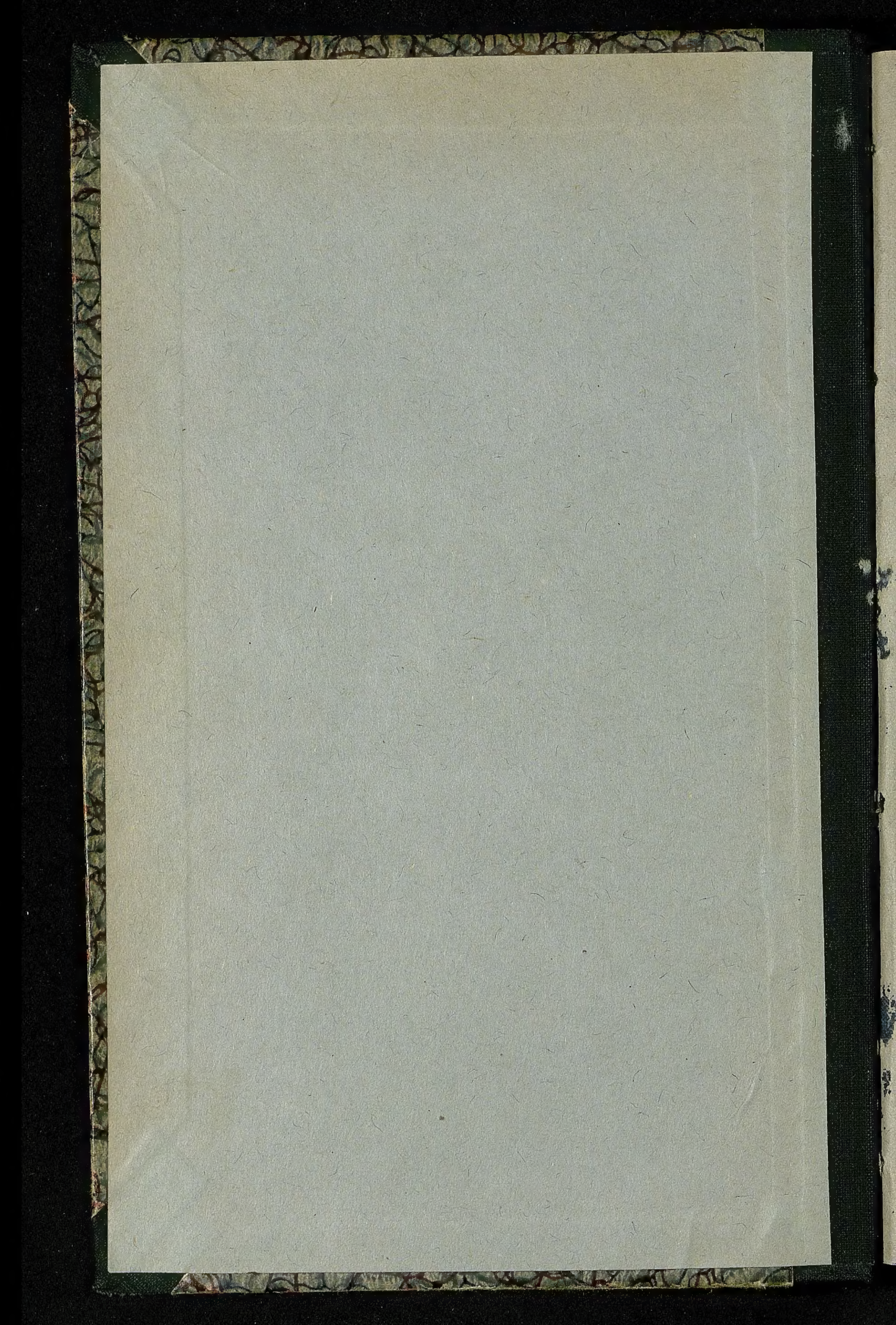

К 44 9/126

Н. Н. СЕРГІЕВСКІЙ.

ЗАПИСКИ ПЛѢННИКА.

ДВА СЪ ПОЛОВИНОЙ МѢСЯЦА ВЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе журнала „НАША СТАРИНА".
1915.

Н. Н. Сергіевскій.

ЗАПИСКИ ПЛѢННИКА.

Два съ половиной мѣсяца въ плѣну у нѣмцевъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе журнала „НАША СТАРИНА“.
1915.

Типографія „Сельскаго Вѣстника“, Мойка, 32.

Вмѣсто предисловія.

„Разсказъ о бѣдствіи, постигшемъ въ 1854 г. семейства князей Орбеліани и Чавчавадзе, есть не что иное, какъ яркая картина тѣхъ послѣдствій, которыми всегда сопровождаются временныя торжества всякаго невѣжества надъ просвѣщеніемъ“...—писали мы во вступленіи къ „невымышленной повѣсти“ г. Вердеревскаго „Въ плѣну у Шамиля“, напечатанной въ книжкахъ нашего журнала въ минувшемъ году *).

Писали мы это въ іюнѣ мѣсяцѣ. Тогда призракъ войны еще не виталъ надъ Европой. Обстоятельства плѣненія беззащитныхъ мирныхъ людей горцами, жизнь княгинь въ плѣну, лишенія, ими въ плѣну испытанныя,—казались намъ, современнымъ людямъ культуры, страшнымъ сномъ. Казалось, подобныя явленія, возможныя лишь въ давно прошедшія времена у дикихъ жителей горъ, ушли и никогда не повторятся въ наше культурное время. И вотъ, не успѣла разразиться война, какъ мы стали свидѣтелями еще большихъ жестокостей, которымъ подвергали мирныхъ, беззащитныхъ, больныхъ людей нѣмцы, гордящіеся пресловутой своей культурой. И это тоже — „не что иное, какъ яркая картина тѣхъ послѣдствій, которыми всегда сопровождаются временныя торжества невѣжества надъ просвѣщеніемъ“... Война доказала, что нѣмцы, гордящіеся своей культурой и имѣющіе, въ самомъ дѣлѣ, основаніе гордиться культурой внѣшняго порядка жизни,—по скольку дѣло касается внутреннихъ духовныхъ сторонъ жизни, оказались совершенными дикарями. Золотое время расцвѣта духовной жизни Германіи ушло и врядъ ли вернется. „Порядокъ вещь хорошая,—сказалъ когда-то Ж. Ж. Руссо,—но съ нимъ надо обращаться осторожно: вѣдь порядокъ есть и на кладбищахъ“. И такой безжизненный порядокъ, образцово заведенный у нѣмцевъ, и погубилъ всю ихъ культуру духа. Мы же богаты именно тѣми свойствами чисто-русскихъ души и сердца, которыя служатъ залогомъ богатой культуры духовной, а культура внѣшняя у насъ не за горами. Въ культурѣ духовной—мощь народа, культура внѣшняя — лишь придатокъ къ первой. Для счастья жизни

*) Журналъ „Наша Старина“. 1914 г. №№ 6—12.

первая куда важнѣе. Нѣмцы, погубивъ первую, увлеклись второй, и вотъ именно въ этомъ смыслѣ многія современныя событія и являются слѣдствіемъ „временнаго торжества невѣжества надъ просвѣщеніемъ".

Въ параллель „невымышленной повѣсти" объ испытаніяхъ, пережитыхъ мирными людьми, захваченными три четверти вѣка тому назадъ въ плѣнъ дикими горцами, я изложу свою невымышленную повѣсть объ испытаніяхъ, пережитыхъ въ плѣну у культурныхъ варваровъ захваченными ими въ плѣнъ мирными, беззащитными, больными людьми, женщинами и дѣтьми. Дневникъ звѣрствъ, чинимыхъ нѣмцами надъ русскими людьми, богатъ вопіющими фактами. Лично мнѣ наблюдать проявленій крайнихъ звѣрствъ не приходилось. Слышалъ я о нихъ въ бытность въ Германіи не мало, но я не буду передавать непровѣренныхъ фактовъ. Я вкратцѣ изложу вполнѣ объективно то лишь, что мнѣ лично пришлось пережить, чему пришлось быть свидѣтелемъ или чему у меня были вполнѣ точныя доказательства, и этихъ скромныхъ фактовъ уже будетъ достаточно для характеристики нравовъ культурныхъ варваровъ. Конечно, факты эти блѣднѣютъ въ сравненіи съ ужасами войны. Но тамъ война съ ея крайностями, а тутъ глумленіе и издѣвательство надъ мирными людьми.

I.

Передъ грозой.

Когда, въ концѣ іюня мѣсяца, я направился за границу — въ Лейпцигъ на его всемірную международную выставку книжной промышленности, печатнаго дѣла и графическихъ искусствъ, сильно привлекавшую меня, и потомъ въ Швейцарію, чтобы полѣчиться,—ничто, казалось, не предвѣщало близости готовой бурно вспыхнуть міровой военной грозы. Правда, общественная и политическая мысль Европы была смущена недавнимъ убійствомъ австрійскаго эрцгерцога и тѣмъ значеніемъ, какое приписывалось этому событію злонамѣренной Австріей, но крѣпко вѣрилось, что миролюбіе Русскаго Государя и на сей разъ восторжествуетъ надъ воинственной враждебностью хищно настроенной злокозненной Австріи, давно готовой воспользоваться первымъ предлогомъ, чтобъ безразсудно забряцать оружіемъ.

Въ Германіи жизнь, казалось, шла обычнымъ размѣреннымъ машиннымъ темпомъ. Дѣловой торговый Берлинъ съ его нервной суетливой уличной жизнью кипѣлъ, какъ котелъ, поглощалъ ежедневно сотни новыхъ пріѣзжихъ русскихъ, основательно прополаскивалъ въ своемъ торговомъ котлѣ карманы довѣрчивыхъ туристовъ, охочихъ до пресловутой

берлинской дешевки, и, изрядно пообчиститвъ карманы нашихъ добродушныхъ простаковъ, направлялъ ихъ тысячами, для окончательной чистки, далѣе на свои теплыя воды, до которыхъ мы, на наше несчастье, были издавна такъ падки.

Послѣ несносной суеты „Гросъ-Берлина“ съ его назойливо выказывающимися въ каждомъ проявленіи жизни торгашескими инстинктами, мелочностью, тупымъ чванливымъ себялюбіемъ насквозь пропахнувшихъ пивомъ и сигарами берлинцевъ, отрадно было отдохнуть, на пути въ Лейпцигъ, въ тихомъ саксонскомъ Дрезденѣ съ его картинными галлереями, гдѣ вѣчная красота искусства старыхъ мастеровъ поглощала безпокойныя житейскія мысли, заставляла забывать всякую политику австрійцевъ и нѣмцевъ, ласкала и умиротворяла душу.

Въ Лейпцигѣ тоже было не до политики. Обычно тихій городокъ кипѣлъ въ эту пору повышенной жизнью: всемірная выставка привлекала сотни тысячъ пріѣзжихъ. Изумительный интересъ, который представляла эта выставка, показавшая чудеса прогресса современнаго искусства всѣхъ странъ и народовъ въ области печатнаго дѣла, въ этой области высшаго проявленія культурнаго человѣческаго генія, окончательно отвлекалъ мысль отъ назрѣвавшихъ политическихъ событій. И думать не хотѣлось о войнѣ предъ лицомъ этой картины торжества духовной мощи человѣка, картины его огромныхъ мирныхъ завоеваній въ области духовной культуры, на стражѣ мира которой, казалось, стоялъ высившійся возлѣ выставки, воздвигнутый годомъ ранѣе знаменитый памятникъ „Битвы народовъ“, памятникъ величію русскаго народа, сто лѣтъ тому назадъ пролившаго кровь сотенъ тысячъ своихъ сыновъ ради мира всей Европы.

Изъ Лейпцига я перекинулся въ Кельнъ на его тогда только что открывшуюся выставку общетехническаго дѣла. Настроеніе газетъ нѣмецкихъ и французскихъ становилось тревожнѣе. Въ вагонѣ, на пароходѣ, въ городѣ—все чаще слышались толки о возможности сербо-австрійской войны. Высказывались тревожныя опасенія, но высказывались и ободряющія недежды. Роковая вѣсть объ объявленіи Австріей Сербіи войны застигла меня въ пути по Рейну. Какъ ни чревато было это событіе политическими послѣдствіями,—настойчиво успокаивала мысль, что безразсудная Австрія одумается, не рѣшится довести дѣло до международнаго пожара. Возможность общеевропейской войны казалась чудовищной.

Въ Швейцаріи, въ маленькомъ лѣчебномъ мѣстечкѣ Рагацѣ, гдѣ я предполагалъ полѣчиться съ мѣсяцъ, въ сообщеніяхъ мѣстныхъ швейцарскихъ газетъ, весьма различно настроенныхъ по отношенію къ Россіи и Германіи, разобраться было трудно. Осторожные телеграфные запросы о дѣстви-

тельномъ положенiи политическихъ дѣлъ, посланные знакомымъ въ Петроградъ, остались безъ отвѣта. Сожители по гостинницѣ получали съ родины—изъ Францiи и Германiи разнорѣчивыя свѣдѣнiя. Подъ влiянiемъ ихъ, одни торопились покинуть Рагацъ, другiе продолжали мирно лѣчиться, успокоенные, какъ и я, газетными извѣстiями объ искреннихъ старанiяхъ Россiи спасти мiръ отъ надвигавшейся бранной бѣды. Вообще же мысль о возможности всеобщаго несчастiя настолько захватывала всѣ остальныя мысли, что соображенiя о личной безопасности какъ-то отходили на заднiй планъ. И казалось, что въ возможности возратиться на родину сомнѣнiй быть не можетъ, либо черезъ Италiю, куда я послѣ лѣченiя намѣревался проѣхать, либо даже черезъ Германiю: мысль, что меня съ женой, людей мирныхъ, возращающихся съ курорта нѣмцы могутъ взять въ плѣнъ—и въ голову не приходила. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Памятенъ мнѣ день 17-го iюля. Послѣ нѣсколькихъ сырыхъ прохладныхъ, дождливыхъ дней наступило теплое утро. Надъ исполинскими горами низко нависли тяжелыя облака, точно клубами ваты окутывая ихъ до половины. Но чувствовалось, что на этотъ разъ жаркое солнце справится съ громоздкими ватными чудовищами, прогонитъ ихъ съ отроговъ горъ, дастъ давно-жданный погожiй день.

Рано утромъ, полный бодрости послѣ живительной ванны въ водѣ горячаго источника, я рѣшилъ предпринять далекую горную прогулку. Въ душѣ царило спокойствiе. Два часа пути во влажномъ туманѣ облаковъ, все еще окутывавшихъ горы—и я достигъ высокой вершины одной изъ нихъ. Нѣсколько минутъ спустя, выглянуло солнце, облака мало-по-малу растаяли, и предо мной развернулась дивная картина красавицъ-горъ, ярко сверкавшихъ на солнцѣ уходившими въ синеву неба увѣнчанными снѣжными глыбами вершинами. Горный воздухъ пьянилъ. Все существо охватывала жажда жизни. Испарялись, таяли, забывались земныя тревоги. Отрадный покой проникалъ въ душу. Царило великое, почти таинственное безмолвiе горъ, прiятно нарушавшееся чуть слышными звуками музыки, игравшей по обыкновенiю на верандѣ, гдѣ больные пьютъ минеральную воду, да глухимъ рокотомъ рѣки Тамины, свергающейся цѣлымъ рядомъ бурныхъ водоскатовъ, одинъ красивѣе другого, изъ находящагося верстахъ въ 4 отъ Рагаца знаменитаго ущелья, посмотрѣть на которое съѣзжаются туристы со всего мiра, гдѣ вода рѣки съ невѣроятнымъ шумомъ прорывается подъ нависшими исполинскими, чудовищными скалами, таящими въ себѣ гротъ съ цѣлебнымъ, горячимъ источникомъ.

Когда я, полный тихаго, мирнаго настроенiя, спустился съ горъ, я, въ полномъ смыслѣ этого выраженiя,—упалъ съ

неба на землю: меня встрѣтила растревоженная жена, сообщившая, что чета нашихъ спутчиковъ, съ которыми мы вмѣстѣ путешествовали, неожиданно рѣшила возвращаться въ Россію, спѣшно укладывается и вечеромъ уѣзжаетъ.

Я кинулся къ пріятелю. На немъ, какъ говорится, лица не было.

— Въ чемъ дѣло? Новыя телеграммы? Война?

— Нѣтъ, телеграммъ еще нѣтъ, — сказалъ онъ, — но говорятъ, что по телефону получены изъ Берна тревожныя свѣдѣнія о мобилизаціи въ Германіи. Я безповоротно рѣшилъ ѣхать.

— Если слухи о мобилизаціи подтвердятся, — возразилъ я, — ѣхать, конечно, надо. Но ѣхать черезъ Германію, въ особенности въ первые часы мобилизаціи, въ первые часы всеобщаго возбужденія — безразсудно. Я предпочелъ бы свободный путь черезъ Италію. Во всякомъ же случаѣ, если мы переждемъ подтвержденія телефонныхъ свѣдѣній, мы всегда сможемъ свободно уѣхать: мы мирные, больные люди, насъ никто не въ правѣ задержать. Того же мнѣнія даже нѣмцы, здѣсь живущіе.

Но пріятель подтвердилъ, что онъ твердо рѣшилъ ѣхать, что бы ни случилось: онъ слишкомъ былъ взволнованъ и не находилъ силъ справиться со своимъ волненіемъ въ бездѣятельномъ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ. Мы условились, что въ пути онъ узнаетъ, каково истинное положеніе вещей, и, руководствуясь вполнѣ опредѣленными данными, дастъ мнѣ по телеграфу рѣшительный совѣтъ.

Когда, проводивъ пріятеля, я возвращался съ вокзала, переполохъ, начавшійся на улицахъ, привлекъ мое вниманіе. Около купальнаго заведенія, гдѣ обычно вывѣшивались телеграммы, стояла большая толпа. Тревожныхъ телеграммъ теперь вывѣшено еще не было, но одинъ изъ служащихъ при ваннахъ сообщилъ, будто въ телеграфномъ отдѣленіи получена депеша о начавшейся въ Германіи мобилизаціи и даже о состоявшемся уже объявленіи войны Германіей Россіи. Попытки услышать подтвержденіе этихъ слуховъ въ телеграфномъ отдѣленіи не увѣнчались успѣхомъ. Подъ вліяніемъ неизвѣстности волненіе въ городкѣ съ каждой минутой росло. Такое же волненіе царило въ пансіонѣ, гдѣ я жилъ. Постояльцы спѣшно укладывались и требовали счета.

Не успѣлъ я подняться въ свою комнату, какъ со стороны городской площади неожиданно раздались звуки барабаннаго боя. Непривычно-странно и страшно звучалъ этотъ воинственный барабанный бой въ этомъ мирномъ уголкѣ, надежно, казалось бы, укрывшемся на вѣчныя времена среди исполинскихъ горъ отъ грозъ бури бранной. Я побѣжалъ

на площадь. Тамъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, собралось все населеніе Рагаца. Волненіе царило необычайное. Возлѣ ратуши какой-то мирный житель, съ видомъ вовсе не воинственнымъ, непривычными руками старательно выбивалъ барабанныя трели. Толпа все росла. Тревога, испугъ, недоумѣніе читались на лицахъ собравшихся.

— Мобилизація? Война? — коротко спрашивали другъ-друга. Но опредѣленнаго отвѣта никто дать не могъ.

Наконецъ, на ступенькахъ крыльца ратуши показался представитель общины. Среди наступившей жуткой тишины онъ прочелъ полученныя изъ Берна распоряженія объ объявленіи всеобщаго ландштурма (мобилизаціи для охраны границъ). И хотя опредѣленныхъ извѣстій о войнѣ, о мобилизаціи въ Германіи все еще не было, но несомнѣннымъ стало, что гроза надвигается. Я прислушался къ толкамъ въ толпѣ на площади: изъ устъ пріѣзжихъ нѣмцевъ, жившихъ въ Рагацѣ въ большомъ количествѣ, раздавались уже ѣдкія насмѣшки по адресу „варваровъ-русскихъ“, слышались чванливыя угрозы, вспоминались неудачи Японской войны.

„Посмотримъ!“ — подумалъ я, возвращаясь домой.

На главной улицѣ мнѣ уже повстрѣчался молоденькій швейцарецъ въ новой, съ иголочки, офицерской формѣ: юноша, видимо, былъ очень счастливъ обновить мундиръ, который съ непривычки онъ не приспособился еще носить. Жена или невѣста шла подъ руку съ нимъ, гордая всеобщимъ вниманіемъ, которое привлекала его блестящая воинственная форма, производившая опереточное впечатлѣніе и такъ не вязавшаяся съ окружающей обстановкой мирнаго, невоинственнаго швейцарскаго уголка.

Дома меня уже ждала депеша. „Выѣзжай немедленно на Берлинъ“, — телеграфировалъ вполнѣ опредѣленно пріятель.

Мы начали укладываться. Пока жена заканчивала сборы, я вышелъ на балконъ. Спали окутанныя мглистой дымкой исполинскія горы. Ярко горѣли крупныя звѣзды. Миръ и тишина царили кругомъ. Среди этого мирнаго вѣкового покоя величавой прекрасной природы, чудовищно-страшной показалась мысль, что гдѣ-то тамъ, на рубежѣ двухъ, а, можетъ быть, уже и четырехъ странъ, въ эту прекрасную, тихую, звѣздную ночь льются потоки человѣческой крови.

Мы собрались уѣхать съ первымъ утреннимъ поѣздомъ. Дѣла за ночь, повидимому, приняли, дѣйствительно, очень серьезный оборотъ: на вокзалѣ билетовъ непосредственно на Берлинъ намъ уже не выдали, сказавъ, что Германія только что оповѣстила швейцарскую желѣзнодорожную администрацію объ отказѣ принимать швейцарскіе поѣзда.

— Я могу выдать вамъ билеты только до Базеля, — сказалъ кассиръ.

— А дальше—через Германскую границу намъ удастся проѣхать?

— Не знаю,—пожалъ онъ плечами,—попытайтесь. Тамъ виднѣе будетъ.

Съ трудомъ сдавъ багажъ, мы съ еще большимъ трудомъ достали мѣста въ вагонѣ. Начиналось всеобщее бѣгство, мѣста брали съ бою.

Въ Цюрихѣ, откуда до Базеля оставалось всего часа два ѣзды, я вышелъ на перронъ вокзала, запруженный тысячной толпой, среди которой виднѣлось множество военныхъ, и обратился къ дежурному агенту съ вопросомъ о томъ, будетъ ли поѣздъ на Берлинъ.

— Да, вечеромъ отойдетъ послѣднiй поѣздъ,—послѣдовалъ отвѣтъ,—но непосредственно отсюда. Вашъ поѣздъ дальше не пойдетъ.

— А билеты?

— Запасайтесь скорѣй...—указалъ онъ краснорѣчивымъ движенiемъ руки на тысячную толпу.

Стало жутко: чтобы вмѣстить эту толпу, потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, пять поѣздовъ.

Съ трудомъ добывъ вещи, я устремился къ кассѣ. Хотя поѣздъ на Берлинъ отходилъ черезъ 6—7 часовъ, тамъ стоялъ уже хвостъ неимовѣрной длины. Легко представить себѣ, съ какимъ нетерпѣнiемъ стали мы ждать съ женой очереди подойти къ окошку кассы, чтобы запастись билетами на *послѣднiй* поѣздъ. На наше счастье пара билетовъ для насъ еще нашлась. Я протянулъ кассиру два стофранковыхъ швейцарскихъ билета.

— Не мѣняю!—рѣшительно отрѣзалъ онъ, возвращая мнѣ деньги.—Потрудитесь дать серебромъ или золотомъ.

— Но у меня ихъ нѣтъ,—возразилъ я.—Вѣдь это же ваши швейцарскiя деньги, почему вы не желаете ихъ принять?

— Таково распоряженiе правительства по случаю ландштурма.

— Гдѣ же я могу произвести размѣнъ?

— Въ банкѣ, въ городѣ.

— Но пока я схожу въ банкъ, всѣ билеты будутъ распроданы.

Кассиръ пожалъ плечами.

Дѣлать нечего; мы сдали вещи на храненiе и устремились въ банкъ. Помимо размѣна денегъ, мнѣ необходимо было запастись германскими деньгами по аккредитиву. Эти два стофранковыхъ билета представляли всю мою денежную наличность; путевые расходы по переѣзду изъ Берлина въ Россiю предстояли не малые, на полученiе же денегъ въ берлинскомъ банкѣ, въ случаѣ начала военныхъ дѣйствiй, конечно, нечего было разсчитывать. Велики были мое разочарованiе и унынiе, когда въ мѣстномъ отдѣленiи одного

изъ крупнѣйшихъ швейцарскихъ банковъ, на который у меня имѣлся аккредитивъ, мнѣ было рѣшительно отказано не только въ выплатѣ нѣмецкихъ денегъ по аккредитиву, но и въ размѣнѣ швейцарскихъ.

— Что за причина? — освѣдомился я.

— Ландштурмъ, — былъ отвѣтъ. — Повремените дня два-три, быть можетъ, положеніе вещей измѣнится.

Но на это, повидимому, было уже трудно разсчитывать и временить не приходилось. Уныло побродили мы по улицамъ красиваго города, пообѣдали въ первомъ попавшемся ресторанѣ и просидѣли остававшіеся до открытія вокзальной кассы 3-4 часа на набережной Цюрихскаго озера, отдохнули въ прохладѣ, пріободрились. Это былъ послѣдній нашъ обѣдъ передъ плѣненіемъ, это были послѣдніе часы, спокойно проведенные на свободѣ. Съ тяжелымъ сердцемъ направились мы на вокзалъ, совершенно не увѣренные, удастся ли убѣдить кассира выдать намъ билеты. По дорогѣ на вокзалъ прочли мы телеграммы о начавшейся въ Россіи мобилизаціи и объ объявленіи Германіи на военномъ положеніи. Подъ вліяніемъ этихъ извѣстій на вокзалѣ царила уже настоящая паника...

II.

Бѣгство.

Вскорѣ окошко кассы открылось, и снова начались пререкательства по поводу моихъ злополучныхъ стофранковыхъ билетовъ. Наконецъ, кассиръ смилостивился. Сердце, какъ говорится, взыграло, когда я получилъ спасительные, казалось, билеты, и къ тому же едва ли не послѣдніе.

Мы устремились на платформу. Огромнѣйшая толпа пассажировъ и многочисленный багажъ ихъ ждали прихода поѣзда. Лишь только онъ подошелъ и разгрузилъ пріѣхавшую публику — давка началась невообразимая. Поѣздъ положительно брали штурмомъ. Многіе, въ ужасѣ, выскакивали обратно изъ вагоновъ, устрашенные давкой.

Когда поѣздъ тронулся, и мы оглядѣлись, наше положеніе представилось болѣе или менѣе сноснымъ: въ шестимѣстномъ отдѣленіи насъ было всего восемь человѣкъ: насъ двое, инженеръ г. Д., французскій подданный, но постоянный житель Петрограда, съ женой и тремя дѣтьми, и докторъ Т. изъ Москвы. Люди обязательные, предупредительные, милые, — они были намъ добрыми товарищами по путешествію. Потѣснившись, мы всѣ нашли для себя мѣста. Но блаженство наше продолжалось не долго: на первой же узловой станціи нашъ поѣздъ осадила новая толпа пассажировъ, снова началась невѣроятная давка, слышались крики, мольбы,

угрозы, и въ концѣ концовъ вагонъ нашъ наполнился до того, что не только сидѣть, но ужъ и стоять окончательно стало негдѣ. А вскорѣ прибавились новыя мытарства: не проѣхали мы нѣсколькихъ часовъ, какъ намъ объявили, что поѣздъ дальше не пойдетъ и что намъ нужно пересаживаться. Это повторялось нѣсколько разъ. При всякой пересадкѣ поднималась паника. Носильщиковъ не было. Приходилось самимъ таскать довольно многочисленный общій багажъ, помогая другъ другу. О томъ, чтобы попасть въ вагонъ второго класса или поспать ночью — нечего было и думать. Рады были возможности, хотя бы постоять въ коррридорѣ вагона третьяго класса. Поѣздъ летѣлъ то съ бѣшенной скоростью, то стоялъ на нѣкоторыхъ станціяхъ по нѣскольку часовъ. Такъ, напр., въ Шаффгаузенѣ мы простояли ночью что-то около шести часовъ, лишенные возможности не только помыться, но даже закусить: въ буфетѣ, переполненномъ публикой, все оказалось уже съѣденнымъ. А это былъ тотъ самый Шаффгаузенъ, въ нѣсколькихъ минутахъ отъ котораго расположенъ знаменитый Рейнскій водопадъ, который мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть. Стояла чудная лунная ночь, вдали, казалось, слышался грохотъ водопада, но, несмотря на долгую стоянку, разумѣется, и въ голову не приходило отправиться осмотрѣть это чудо природы. Было не до водопада!

Такъ ѣхали мы трое сутокъ, то пересаживаясь, то томясь, стоя въ корридорѣ, то присаживаясь на какой-нибудь чемоданъ. Забыли мы и о голодѣ, и о снѣ. Томила только жажда, которую не всегда удавалось удовлетворить.

Въ Берлинъ мы прибыли, съ огромнымъ опозданіемъ, что-то около 7-ми час. вечера. Въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ вокзала, поѣздъ нашъ былъ остановленъ. Простоявъ часа два, мы медленно тронулись, но, по какимъ-то соображеніямъ, были доставлены не на тотъ вокзалъ, куда слѣдовало, а на сосѣдній.

Съ волненіемъ ждали мы остановки поѣзда. Въ пути до насъ уже дошли слухи, что мобилизація началась, видали сами изъ окна вагона огромные транспорты солдатъ и лошадей, и думали, что, по случаю начавшихся или могущихъ начаться военныхъ дѣйствій, насъ встрѣтятъ на вокзалѣ военныя строгости, окружатъ солдаты, будутъ требовать паспорта и осматривать вещи. Но пока наши страхи оказались преждевременными.

О полученіи громоздкаго багажа нечего было и думать: намъ сообщили, что получить его въ лучшемъ случаѣ удастся дня черезъ три-четыре. Ждать, разумѣется, не приходилось, и мы помирились съ мыслью потерять его. Тутъ же на вокзалѣ мы узнали объ объявленіи войны. На вопросъ, какимъ путемъ намъ можно направиться въ Россію, мы получили

отвѣтъ: только черезъ Данію. Прямо таки съ бою взявъ два автомобиля, только что привезшихъ германскихъ офицеровъ, мы двинулись на Штетинскій вокзалъ, откуда поѣзда отправляются на Варнемюнде (приморскій германскій городъ) и слѣдуютъ далѣе черезъ море на паромѣпароходѣ непосредственно въ Копенгагенъ. По дорогѣ на вокзалъ я заѣхалъ въ ту гостиницу, гдѣ обѣщалъ подождать насъ мой пріятель, уѣхавшій днемъ раньше насъ изъ Рагаца, или гдѣ, во всякомъ случаѣ, онъ обѣщалъ оставить мнѣ письмо. Его я уже не засталъ, но письмо получилъ. Съ трудомъ разобралъ я наскоро, видимо, нацарапанныя строки. „Я въ такомъ волненіи, — сообщалъ онъ, — что едва въ состояніи писать. Такихъ ужасовъ я еще не переживалъ. Ежеминутно ждутъ объявленія войны (письмо было написано наканунѣ). По Берлину ходить невозможно, изъ дома совсѣмъ выходить нельзя—такая толпа и такія манифестаціи! Все это ужасно! Ждать тебя при такихъ обстоятельствахъ я не могъ. Выѣзжаю сегодня прямо на Эйдкуненъ. Бери немедленно билеты также на Эйдкуненъ. Черезъ Стокгольмъ ѣхать уже нельзя, паромъ больше не ходитъ. Багажъ бросилъ. Какъ самъ доберусь домой, одному Богу извѣстно. До багажа ли тутъ! Дай Богъ намъ всѣмъ цѣлыми и невредимыми попасть на родину. До свиданія дома".

Я прочелъ это письмо во время бѣшеной скачки автомобиля по ярко-освѣщеннымъ улицамъ Берлина, запруженнымъ огромнымъ множествомъ экипажей и людей. Письмо произвело жуткое впечатлѣніе.

— Да,—сказалъ я спутникамъ,—свѣдѣнія, полученныя нами на вокзалѣ, подтверждаются: путь черезъ Швецію закрытъ. На Эйдкуненъ, какъ намъ сказали, ѣхать уже невозможно. Слѣдовательно, остается только Данія.

Штетинскій вокзалъ былъ переполненъ тысячной толпой русскихъ. Кого я ни спрашивалъ, подтверждали: надо ѣхать черезъ Данію, это единственно возможный путь. Когда я освѣдомлялся, почему, собственно, всѣ въ этомъ убѣждены, мнѣ отвѣчали:

— Намъ сказали въ полиціи, намъ сказали въ посольствѣ, намъ сказали въ консульствѣ и т. д.

Вопросъ, такимъ образомъ, былъ исчерпанъ.

Волненіе на вокзалѣ, гдѣ всѣ находились подъ вліяніемъ напряженнаго нервнаго настроенія,—было неописуемое. Поѣздъ отходилъ черезъ 40 минутъ, времени терять было нельзя.

Уладивъ дѣло съ билетами, надо было позаботиться о пищѣ. Предстояла ночь въ пути, а въ теченіе послѣднихъ 3 дней мы кромѣ двухъ-трехъ бутербродовъ ничего не ѣли. Я протискался къ буфету, но кромѣ пары сосисекъ и бокала пива тамъ уже ничего невозможно было достать. Не было даже хлѣба.

Наконецъ, открылись двери, и публика хлынула на платформу. Тутъ начался уже настоящій адъ; всѣ мытарства во время прежнихъ пересадокъ показались въ сравненіи съ этимъ адомъ сущими пустяками.

Паника царила въ полномъ смыслѣ слова ужасная. Женщины падали въ обморокъ, слышались истерическіе вопли, родители разыскивали затерявшихся дѣтей, и надъ всѣмъ гамомъ возбужденныхъ голосовъ стоялъ страшный душу леденившій вопль обезумѣвшей отъ отчаянія матери или жены, которая, какъ помѣшанная, бѣгала по платформѣ и, надрываясь, звала: „Ми-ша, Ми-ша"!..

Публика въ нѣсколько мгновеній не только наполнила вагоны, но висѣла на буферахъ, лѣзла въ окна, готовая разбить оконныя стекла. Ухватившись за жену, боясь потерять ее, я бѣгалъ отъ вагона къ вагону, молилъ пропустить насъ, но проникнуть въ вагоны не было уже ни малѣйшей возможности: тамъ положительно яблоку негдѣ было упасть. Наконецъ, отъ напряженія и волненія мы оба обезсилѣли. Ясно стало, что мы напрасно будемъ ломиться. Пассажировъ, висѣвшихъ на ступенькахъ лѣстницъ, сталкивали, окна запирали, шторы на нихъ спускали, кое гдѣ мелькали угрожающіе кулаки,—словомъ, доступа не было.

— Я больше не могу,—сказала жена:—мнѣ кажется, я сойду сейчасъ съ ума.

Я усадилъ ее на чемоданъ. Страшные вопли обезумѣвшей женщины, звавшей Мишу, то стихали, то вновь поднимались. Возлѣ насъ на полу билась въ истерикѣ какая-то нарядно одѣтая дама. Кто-то молилъ кондуктора найти дѣтей. И всѣ, не нашедшіе мѣста въ поѣздѣ, какъ полупомѣшанные, съ безумно напряженными лицами, безцѣльно бѣгали взадъ и впередъ. Я самъ начиналъ терять разсудокъ.

Немного отдышавшись, мы стали совѣщаться. Удалось узнать, что утромъ въ половинѣ девятаго отойдетъ еще одинъ поѣздъ.

Оставалось ѣхать въ гостинницу. Тревожили слышанные на вокзалѣ разсказы о томъ, что русскихъ въ гостинницахъ арестовываютъ, подвергаютъ насиліямъ, направляютъ въ полицію для допроса, но дѣлать было нечего. Утомлены мы были до чрезвычайности, надо было искать пріюта.

Мы вышли на улицу. Извощика, автомобиля достать было невозможно. Какой-то добросердечный нѣмецъ, помогавшій намъ носить вещи (онъ не былъ носильщикомъ), отправился на поиски возницы. Послѣ долгихъ поисковъ ему удалось раздобыть какое-то странное, очень высокое сооруженіе, что-то въ родѣ шестимѣстнаго шарабана, едва ли не частный экипажъ, кучеръ или владѣлецъ котораго взялся довезти насъ до гостинницы.

Кажется, никогда не забуду я этого ночного переѣзда по улицамъ Берлина, въ эту первую ночь по объявленіи войны. Волны возбужденнаго народнаго моря заливали улицы. Какимъ-то холоднымъ, страшнымъ блескомъ отливалъ гладкій асфальтъ улицъ подъ свѣтомъ электрическихъ фонарей. Царилъ пьяный разгулъ. Мелькали автомобили съ пьяными офицерами, очевидно, возвращавшимися съ кутежей, наряженными въ женскія шляпки, и хмельными кокотками въ офицерскихъ каскахъ, пронзительно оравшими: „Deutschland, Deutschland über alles“ и махавшими флагами. Мѣстами проѣхать было невозможно. Возвышаясь надъ толпой на нашемъ высокомъ шарабанѣ, мы обращали на себя вниманіе. Намъ что-то кричали, кто-то угрожалъ. Въ нашихъ дорожныхъ костюмахъ, съ грудой вещей, мы, естественно, казались подозрительными буйно настроеннымъ нѣмцамъ. Однако, мы благополучно доѣхали до гостиницы ‚Russicher Hof“, знакомой намъ по прежнимъ остановкамъ. Номеръ нашелся. За нѣсколько часовъ сна съ насъ содрали за него 15 марокъ. Но торгаваться не приходилось.

Усталые, грязные послѣ трехдневнаго скитанія въ вагонахъ безъ возможности помыться, нервно измученные, съ наслажденіемъ помылись мы и легли въ чистыя постели подъ нелѣпые мѣшки-перины, чтобъ поспать всего три-четыре часа.

III.

Ловушка.

Штетинскій вокзалъ, куда мы пріѣхали въ 8-омъ часу утра, въ сравненіи съ минувшей ночью значительно измѣнилъ свою физіономію. Пассажировъ было много, но куда меньше прежняго, суетни, сутолоки не чувствовалось. Безъ спѣха сдали мы вещи, безъ спѣшки же вышли на платформу, и, къ удивленію нашему, совершенно свободно нашли мѣста въ отдѣленіи второго класса, гдѣ, кромѣ насъ, оказалось только двѣ датчанки. Это была уже настоящая роскошь.

Поѣздъ во время отошелъ. Мы не вѣрили своему счастью. Казалось просто невѣроятнымъ, послѣ пережитыхъ ужасовъ, что мы такъ спокойно нашли удобныя мѣста, не арестованы, не обысканы, и спокойно ѣдемъ въ Данію. Мы разговорились съ датчанками, оказавшимися очень привѣтливыми особами. Забывъ минувшія тревоги, мы съ любопытствомъ разспрашивали о Копенгагенѣ, о гостинницахъ, ресторанахъ, и т. д. Кондуктора и другіе пассажиры, къ которымъ мы обращались съ разспросами, вполнѣ опредѣленно подтверждали, что мы, несомнѣнно, доѣдемъ до Копенгагена. Казалось, можно было окончательно успокоиться. Но сердце

нѣтъ-нѣтъ да понывало. Тревога не покидала, словно предчувствовалась бѣда.

До моря, т. е. до Варнемюнде, оставался только часъ ѣзды. Мы уже разсчитали время пріѣзда въ Копенгагенъ, набрались настолько храбрости, что обсуждали, въ которомъ часу пообѣдать, какъ вдругъ, во время остановки на станціи Гюстровъ, гдѣ поѣздъ стоялъ минутъ 10, жена встревоженно выглянула въ окно

— Что-то не ладно,—сказала она,—солдатъ много съ ружьями и обнаженными шашками. Будто не то ловятъ, не то арестуютъ кого-то...

— Успокойся,—сказалъ я:—подъ вліяніемъ нервнаго состоянія намъ во всемъ чудятся страхи. Поѣздъ сейчасъ тронется.

Но не успѣлъ я проговорить этихъ словъ, какъ дверь отдѣленія рѣзко распахнулась, и передъ нами предсталъ нѣмецкій солдатъ въ каскѣ и съ обнаженнымъ палашомъ.

— Русскіе есть?—вызывающе спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Alle Russen,'raus! *)—свирѣпо крикнулъ нѣмецъ противнымъ лающимъ голосомъ, грозно махнувъ палашомъ.

Сердце дрогнуло. Мы стали собирать пожитки, въ чемъ намъ помогли датчанки. Добрыя женщины расчувствовались, прощаясь съ нами.

Какъ я тотчасъ же узналъ, съ нами обошлись еще сравнительно куда какъ ласково. Въ хвостовыхъ же вагонахъ поѣзда третьяго класса произошло слѣдующее. Какой-то ретивый полковникъ, заподозривъ одного изъ русскихъ въ томъ, что онъ шпіонъ и везетъ бомбы, схватилъ его за шиворотъ и вытолкалъ изъ вагона. Были побиты и другіе пассажиры, даже женщины. Полковникъ кричалъ солдатамъ:

— Сначала отнимите у нихъ деньги, а потомъ пристрѣлите ихъ, этихъ подлыхъ русскихъ шпіоновъ!".

Когда мы были окружены солдатами, тотъ же полковникъ вызывающе спрашивалъ солдатъ: „Достаточно ли остро отточены у васъ шашки? Глядите въ оба!

Насъ повели подъ конвоемъ по улицамъ небольшого городка. Улицы были запружены народомъ, съ любопытствомъ и съ ненавистью глазѣвшимъ на насъ. Послѣ пятнадцатиминутной ходьбы, мы вошли во дворъ казармъ. Насъ встрѣтилъ молодой кавалерійскій офицеръ, единственный вѣжливый офицеръ, котораго мнѣ пришлось встрѣтить за все долгое время плѣненія. Какъ говорили, желая сгладить впечатлѣніе о безообразно-грубомъ и мерзкомъ обращеніи военныхъ чиновъ съ нами на вокзалѣ, этотъ офицеръ (оказавшійся какимъ-то графомъ) старался быть преувеличенно

*) „Всѣ русскіе—вонъ!".

вѣжливымъ и приличнымъ. Онъ насъ успокоилъ, сказалъ, что насъ обыщутъ, осмотрятъ паспорта и, буде не окажется ничего подозрительнаго,—съ миромъ отпустятъ. Отъ солдатъ мы узнали причину нашего ареста: по ихъ словамъ, ночью какой-то русскій пассажиръ будто убилъ на вокзалѣ унтеръ-офицера, а въ окрестностяхъ Гюстрова поймано было нѣсколько русскихъ шпіоновъ съ бомбами. Все это оказалось ложью. Со страху и въ воинственномъ азартѣ нѣмцамъ въ то время въ каждомъ мирномъ русскомъ подданномъ, возвращавшемся съ курорта, чудился шпіонъ, вооруженный бомбами. Этотъ страхъ шпіоновъ и бомбъ доходилъ до смѣшного.

Пока пріѣхали наши пожитки, на казарменный дворъ прикатилъ автомобиль. Намъ объяснили, что это привезли шпіона японца, пойманнаго будто бы съ поличнымъ, что его сейчасъ допросятъ и отвезутъ на разстрѣлъ. Дѣйствительно, въ автомобилѣ какъ будто сидѣлъ японецъ. Лицо его было безжизненно. На вопросы (которыхъ мы, впрочемъ, не слышали) онъ, какъ можно было судить по выраженію его лица, отвѣчалъ вяло, равнодушно. Послѣ короткаго допроса его увезли.

Пока мы ждали нашихъ пожитковъ, смѣтливая жена какого-то мѣстнаго солдата сообразила, что мы голодны, и не замедлила воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы расторговаться. На дворѣ появился столъ, уставленный бутербродами и кружками съ пивомъ и морсомъ. Ловкая нѣмка, дѣйствительно, расторговалась на славу.

Наконецъ, пріѣхалъ нашъ ручной багажъ. Мы разобрались въ немъ, вооружились своими пожитками, и насъ разставили въ шеренгу, каждаго возлѣ его саквояжей. Затѣмъ, насъ стали обыскивать.

Ждать очереди пришлось долго. Во время этого ожиданія ко мнѣ подошелъ одинъ изъ солдатъ и, безъ всякаго повода съ моей стороны, вступилъ со мной въ бесѣду.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—добродушно спросилъ онъ.

Я спокойно отвѣтилъ, что чувствую себя такъ, какъ можно себя чувствовать въ подобномъ положеніи.

— Напрасно вы торопитесь уѣхать, васъ на родинѣ ждетъ много горя,—убѣжденно сказалъ мой непрошенный собесѣдникъ.—Вѣдь вамъ, русскимъ, не сдобровать. Вотъ мы только одинъ день воюемъ, а наша эскадра вчера уже разрушила Либаву, а сегодня ночью сожгла Кронштадтъ и приближается къ Петербургу. Утромъ намъ начальство объявило.

Я промолчалъ. Нелѣпость этого сообщенія была очевидна.

Подошелъ другой солдатъ, тоже довольно добродушный по виду.

— Намъ съ вами воевать долго не придется,—вставилъ и онъ свое слово.—Для насъ Россія не страшна. Мы сначала примемся за французовъ, раздѣлаемся съ ними, потомъ разокъ-другой съ вами сразимся, и дѣлу конецъ.

Все это говорилось добродушно и такъ самоувѣренно, что даже злость не брала, просто смѣшно стало, и я улыбнулся. Но тутъ, вдругъ, картина нашей мирной бесѣды рѣзко измѣнилась. Тѣснѣе пододвинулся прислушивавшійся къ нашимъ словамъ третій солдатъ, непріязненно глядѣвшій на меня изъ-подъ насупленныхъ бровей, и зло замѣтилъ:

— Французы—французами. А съ русскими тоже пора окончательно раздѣлаться. О, знаю я этихъ варваровъ! Живалъ по сосѣдству съ границей, случалось дѣла имѣть. Такихъ мерзавцевъ!..

— Ну, у всякаго народа есть хорошіе и плохіе люди,—примирительно перебилъ второй солдатъ.

— А лучше нѣмецкаго народа ни одного на свѣтѣ нѣтъ,—самоувѣренно заключилъ третій солдатъ. — Да, именно: „Deutschland, Deutschland über alles!"...*).

Стало невтерпежъ. Я отошелъ.

Вещи, между тѣмъ, были осмотрѣны и подозрительнаго ни у кого ничего найдено не было. Тогда насъ стали подзывать къ офицеру, который возвращалъ намъ обратно паспорта, дѣлая предварительно въ каждомъ изъ нихъ надпись о томъ, что мы обысканы, подозрѣній не внушаемъ и можемъ быть свободно пропущены черезъ границу. Впрочемъ, изъ числа насъ было задержано около десяти человѣкъ молодыхъ людей призывного возраста. Какъ ни молили они, ихъ не отпустили и повели въ казарму. Всѣхъ насъ остальныхъ офицеръ собралъ въ кучу, объявилъ намъ, что мы свободны, предупредилъ, что населеніе города сильно возбуждено, что насъ поэтому до вокзала будетъ сопровождать конвой, но что большого количества солдатъ онъ отпустить не можетъ, а поэтому предлагаетъ идти тѣснымъ строемъ, взявшись за руки, и отнюдь не выступать въ сторону. Иначе, офицеръ не ручался за нашу безопасность.

Взявшись подъ руки по четыре человѣка въ рядъ, мы направились на вокзалъ. Дѣйствительно, мѣстные жители встрѣчали и провожали насъ злыми, вызывающими взглядами. Если бы не конвой, многимъ, пожалуй, пришлось бы не сдобровать. На вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда намъ пришлось простоять часа два. Мимо насъ то и дѣло мелькали воинскіе поѣзда. Нѣмцы, толпившіеся на вокзалѣ, привѣтствовали своихъ воиновъ, уѣзжавшихъ на войну, радостными криками, наша же многочисленная толпа своей молчаливостью вызывала недоумѣніе проѣзжавшихъ солдатъ. Узнавъ,

---

*) „Германія выше всего!".

что мы русскіе, они не стѣснялись отпускать по нашему адресу глупыя шутки.

Наконецъ, намъ подали поѣздъ.

Когда онъ тронулся, отъ сердца немного отлегло: до конечной германской станціи оставалось всего около часа ѣзды и, кромѣ того, мы были снабжены пропусками военнаго начальства.

Казалось, бояться уже было нечего.

Уже достигли мы предпослѣдней станціи—Ростока, до Варнемюнде оставалось всего десять минутъ ѣзды. Мы считали минуты. Вотъ-вотъ поѣздъ тронется И вдругъ, подъ окнами вагона снова раздался противный лающій голосъ нѣмецкаго унтера:

— Alle Russen, raus!

Подошелъ офицеръ съ блѣднымъ, какъ бумага, непріятнымъ, хмурымъ, какимъ-то птичьимъ лицомъ и велѣлъ солдатамъ насъ окружить. Нѣкоторые изъ насъ пытались объяснить, что мы были уже задержаны въ Гюстровѣ и отпущены на свободу, въ подтвержденіе чего показывали свои паспорта. Но офицеръ объявилъ, что данные намъ пропуски не имѣютъ для него никакого значенія и отобралъ у всѣхъ паспорта. Затѣмъ, всѣ мы были пересчитаны, человѣкъ десять людей пожилого возраста были собраны въ отдѣльную группу, а остальные всѣ были отведены въ сторону, и офицеръ обратился къ намъ съ рѣчью.

— Вы всѣ арестованы, господа,—сказалъ онъ.—Тѣ нѣсколько человѣкъ, что стоятъ въ сторонѣ, признаны мною лицами въ возрастѣ свыше пятидесяти лѣтъ, т. е. явно не подлежащими призыву, и будутъ отпущены на свободу. Дамы и дѣти могутъ сейчасъ же уѣхать. Мало того, я требую, чтобы вы убѣдили вашихъ матерей, женъ, сестеръ и дочерей разстаться съ вами. Ваша жизнь будетъ очень сурова. Полное лишеній существованіе ожидаетъ вашихъ дамъ. Убѣдите же ихъ уѣхать. Обстановка казарменной жизни въ военное время покажется имъ суровой и неприглядной. Впрочемъ, желающія могутъ остаться, но онѣ мною предупреждены.

Начались душу раздирающія сцены. Жены не хотѣли разставаться съ мужьями, цѣплялись за нихъ, обнимали, мужья пытались ихъ уговорить, но уговаривали не убѣдительно, не зная, что ждетъ женщинъ впереди, пока онѣ доѣдутъ до родины. У большинства не было денегъ, многія жены были вписаны въ паспорта своихъ мужей, а паспорта оказались отобранными. Люди одинокіе, тѣ, что потрусливѣе, рѣшительно убѣждали женщинъ уѣхать, доказывая, что обстановка казарменной жизни среди солдатъ грозитъ жестокимъ обращеніемъ и другими крайностями...

— Уѣзжайте,—себялюбиво уговаривали подобные господа:—и вамъ будетъ плохо, и насъ вы погубите. Васъ солдаты обидятъ, наши мужчины за васъ заступаться станутъ и насъ разстрѣляютъ.

Слышались рыданія, начинались истерики. Плакали испуганныя дѣти. Картина была потрясающая. Многіе солдаты и тѣ, видимо, расчувствовались.

— Скажите по совѣсти, вполнѣ откровенно,—спросилъ я проходившаго мимо унтеръ-офицера, съ лицомъ болѣе или менѣе привѣтливымъ: — можемъ ли мы быть спокойны за безопасность нашихъ женщинъ, если онѣ останутся?..

— О, да, господинъ,—убѣжденно отвѣтилъ онъ:—женщины могутъ быть совершенно спокойны. Ни одинъ волосъ не упадетъ съ ихъ головы. Вы вѣдь въ культурной странѣ.

Четверть часа, данная намъ на размышленіе, прошла. Всѣ жены, бывшія тутъ съ мужьями, рѣшили остаться. Уѣхать согласились лишь двѣ-три одинокихъ дамы съ дѣтьми.

Насъ заставили взять свои пожитки и подъ сильнымъ конвоемъ повели по улицамъ Ростока, запруженнымъ толпами народа, пришедшаго съ наслажденіемъ полюбоваться на нашъ позоръ и униженіе.

— А долго ли придется намъ погостить тутъ?—обратился кто-то съ вопросомъ къ офицеру, поравнявшись съ нимъ.

— До конца войны,—отрубилъ тотъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Какъ же это такъ? Берлинскія власти уговаривали насъ избрать именно этотъ путь для выѣзда на родину, убѣждая, что никто не будетъ чинить намъ препятствій.

Отвѣта не послѣдовало.

— Что ужъ тутъ спрашивать,—раздался изъ толпы нашихъ плѣнныхъ чей-то насмѣшливый голосъ:—устроили намъ нѣмцы ловушку, загнали въ западню, вотъ вамъ и отвѣтъ на вопросъ!..

Наступали сумерки. Подъ полными ненависти взглядами нѣмцевъ, угрюмо шли мы по улицамъ Ростока. Царило молчаніе, не хотѣлось говорить. Сумрачно было на душѣ. Нежданно, негаданно, мы, въ большинствѣ больные люди, ѣхавшіе съ курортовъ, люди мирные, такъ сказать, гости нѣмецкіе, попали къ нѣмцамъ въ плѣнъ...

IV.

Тюрьма въ школѣ.

— Живѣй шагать, не отставать! Кто отстанетъ или въ сторону шагнетъ — стрѣлять будутъ!

Такъ подбадривалъ насъ лающій голосъ нѣмецкаго офицера, когда мы шагали къ мѣсту нашего заключенія. При-

ходилось почти бѣжать. Путь былъ не близкій. Нервно измученный и усталый, я напрягъ послѣднія усилія, чтобы не кинуть два тяжелыхъ чемодана, которые я едва влачилъ, и подъ тяжестью которыхъ отекли мои руки. Со стороны, съ точки зрѣнія наблюдавшихъ насъ со злорадствомъ и изумленіемъ нѣмцевъ, сплошной стѣной стоявшихъ вдоль улицъ, — видъ и у меня, и у всѣхъ моихъ товарищей по несчастью былъ, несомнѣнно, смѣшной. Съ трудомъ плелись подъ тяжестью вещей дамы, изящные наряды которыхъ болѣе или менѣе растрепались, и шляпки съѣхали съ положенныхъ имъ мѣстъ. Получалась такая картина, будто то идутъ не приличные, мирные люди, люди, къ тому же, въ большинствѣ больные, а личности подозрительнаго свойства, преступники, пойманные съ поличнымъ и ведомые въ полицейскую часть или въ тюрьму. Да, въ сущности, такъ и думали глазѣвшіе на насъ нѣмцы: мы въ ихъ глазахъ были преступниками, подлыми шпіонами, ловко схваченными военной властью. Понятно поэтому, что напрасно стали бы мы искать въ толпѣ зѣвакъ сочувственныхъ взглядовъ; куда ни устремлялся взглядъ, всюду виднѣлись лица злобныя и негодущія, глаза съ презрѣніемъ и насмѣшкой устремленные на насъ, слышались глупыя насмѣшки и колкости, поднимались руки, показывавшія намъ жестами, что насъ надо повѣсить или разстрѣлять. И вдругъ, въ толпѣ этихъ безжалостныхъ, безсердечныхъ звѣрей нашлось два маленькихъ сердечка, пожалѣвшихъ меня, и это было такъ трогательно, такъ отрадно. Изъ толпы зѣвакъ шмыгнулъ незамѣтно для нашего конвоя мальчикъ лѣтъ 14-ти, въ фуражкѣ школьника, подошелъ ко мнѣ и схватился за тяжелый чемоданъ.

— Позвольте, я вамъ помогу, вы устали, — робко сказалъ мальчуганъ.

— Пожалуйста, милый мальчикъ, я буду тебѣ очень благодаренъ, — отвѣтилъ я, и сердце мое согрѣлось тепломъ проявленннаго мнѣ вниманія.

Мальчуганъ этотъ оказался положительно героемъ. На него со стороны и взрослыхъ уличныхъ зѣвакъ, и сверстниковъ — товарищей по школѣ, посыпался градъ издѣвательствъ и угрозъ.

— Брось чемоданы! — угрожающе кричали нѣмцы. — Негодяй, измѣнникъ, прихвостень русскихъ шпіоновъ! Попадись намъ послѣ — попомнишь!

Эти угрозы привлекли вниманіе солдата.

— Прочь! — грозно крикнулъ онъ на мальчугана. — Подлый мальчишка!

Но тотъ не испугался и юркнулъ въ середину толпы плѣнныхъ.

— Не сердитесь на мальчика, — сказалъ я солдату: — онъ ничего плохого не дѣлаетъ. Его поступокъ, напротивъ,

доказываетъ, что и среди нѣмецкихъ мальчиковъ имѣются честныя, благородныя сердца. Вѣдь всѣ мы — люди!

Солдатъ что-то проворчалъ, но оставилъ мальчика въ покоѣ и пошелъ дальше.

Немного погодя, я случайно замѣтилъ въ толпѣ нѣмцевъ еще одного мальчугана, съ участіемъ глядѣвшаго на меня. Я отвѣтилъ ему ласковой улыбкой. Мальчуганъ, насколько это было возможно, приблизился къ намъ и со скорбнымъ выраженіемъ лица тихо сказалъ:

— Я васъ очень жалѣю.

Это было трогательно до слезъ.

Стемнѣло, когда мы приблизились къ мѣсту, предназначенному для нашего заключенія. Это было большое, трехэтажное, кирпичное зданіе, мрачное на видъ. Оно оказалось городской школой для мальчиковъ, превращенной теперь въ тюрьму для русскихъ плѣнныхъ. У подъѣзда толпилась несмѣтная толпа нѣмцевъ и нѣмокъ, сквозь которую мы едва прошли. Жители Ростока съ такой жадностью глазѣли на насъ — первыхъ безкровныхъ жертвъ войны, столь побѣдоносно захваченныхъ нѣмецкими вояками, что даже грозные окрики солдатъ не могли разогнать ихъ.

Мальчуганъ, выбившійся уже изъ силъ подъ тяжестью моего чемодана, вручилъ мнѣ его. Я сердечно поблагодарилъ его и подалъ ему марку. Мальчикъ отрицательно покачалъ головой.

— Возьми, возьми, милый мальчикъ, — настойчиво сказалъ я. — Купи себѣ конфектъ на память обо мнѣ.

Онъ нерѣшительно протянулъ руку.

Насъ ввели въ школу. На площадкѣ, на лѣстницѣ въ проходахъ валялись на полу на соломѣ сотни русскихъ — мужчины, женщины и дѣти, захваченные въ этотъ же день нѣсколькими часами раньше насъ. Всѣ классныя комнаты обширной школы были переполнены плѣнниками. Меня съ женой и нѣсколькими другими спутниками повели въ одну изъ классныхъ комнатъ, расположенныхъ въ 3-емъ этажѣ. Въ этой довольно большой комнатѣ въ три окна толпилось уже человѣкъ 30, преимущественно евреевъ. Посреди комнаты стояли сдвинутыми нѣсколько дѣтскихъ школьныхъ скамеекъ, на которыхъ взрослымъ мудрено было расположиться, а на полу возлѣ стѣнъ лежали кучи соломы. Не успѣли мы придти въ себя и оглядѣться, какъ изъ-за этой соломы начались ссоры и споры: плѣнные, водворенные раньше насъ, считавшіе себя уже какъ бы хозяевами комнаты, неохотно уступали вновь прибывшимъ свои логовища изъ соломы, устроенныя въ мѣстахъ болѣе удобныхъ: возлѣ стѣнъ и въ углахъ. Огорошенные всей этой необычной обстановкой, измученные впечатлѣніями дня, мы съ женой

сложили куда попало вещи, сѣли на столъ школьной скамейки и стали наблюдать нашихъ будущихъ сожителей. Подъ слабымъ приспущеннымъ свѣтомъ огня въ газовомъ рожкѣ картина представилась намъ довольно-таки неприглядная. Люди, сбитые съ толку неожиданной перемѣной въ ихъ жизни, не знавшіе, что ихъ ожидаетъ, взволнованно бродили взадъ и впередъ. Многіе переживали острое чувство отчаянія. Кое-гдѣ на соломѣ спали уже свалившіяся съ ногъ отъ утомленія женщины и дѣти. Было душно, и стоялъ запахъ несвѣжей соломы.

Мы познакомились и разговорились съ тремя сотоварищами, сидѣвшими возлѣ насъ на столѣ той же скамейки. Это были: молодая супружеская еврейская чета С., ѣхавшая изъ Лейпцига (гдѣ г. С. только что окончилъ курсъ университета и гдѣ жена его училась въ консерваторіи), и г. Я—въ, основательный мужчина лѣтъ 47, съ просѣдью, истый русакъ, съ характернѣйшимъ русскимъ обликомъ казацкой складки, съ крупной головой и большими черными усами. Г. Я—въ, управляющій фермой въ Ливадіи, ѣхалъ изъ Швейцаріи, куда онъ былъ командированъ для закупки коровъ. Наши новые знакомые оказались очень милыми людьми, мы разговорились, подѣлились разсказами о томъ, при какихъ обстоятельствахъ всѣхъ насъ арестовали; г. Я—въ, обладавшій большимъ запасомъ природнаго юмора, потѣшалъ насъ мѣткими остротами надъ нѣмцами, молодой студентъ С., весельчакъ и балагуръ, не менѣе остроумно подчеркнулъ смѣшныя стороны нашего положенія, и не прошло получаса, какъ мы притерпѣлись къ необычайности нашего плѣненія: на людяхъ, какъ говорится, и смерть красна!

Былъ уже 9-й часъ на исходѣ. Надо было укладываться спать. Но хотѣлось ѣсть, пить и курить. Узнавъ, что у школьнаго сторожа можно раздобыться бутербродами и даже пивомъ, мы спустились внизъ, подкрѣпились, покурили (какъ оказалось — въ послѣдній разъ!) съ г. Я—вымъ во дворѣ школы, вернувшись въ наше неприглядное жилище, нашли, что оно, въ сущности, не такъ ужъ плохо, и окончательно успокоили себя мыслью, что въ жизни слѣдуетъ все испытать.

— Вотъ ужъ именно,—заключилъ г. Я—въ:—справедлива русская поговорка: отъ сумы да отъ тюрьмы не отрекайся!

Рядышкомъ впятеромъ мы заняли мѣста на соломѣ. Хлопотливыя наши хозяйки устроили съ помощью дорожныхъ пледовъ подобіе постелей съ изголовьями, и мы легли на нихъ, какъ были, одѣтыми. Скоро камера наша угомонилась, и подъ шумъ доносившихся съ улицы голосовъ толпы зѣвакъ, не расходившихся до поздней ночи, мы, измученные множествомъ пережитыхъ впечатлѣній, заснули мертвымъ сномъ.

Но этотъ сонъ былъ не дологъ. Не прошло и часу, какъ на улицѣ раздалось громкое пѣніе: то нескончаемой вереницей проходили съ пѣніемъ нѣмецкія войска — пѣхота, кавалерія и артиллерія, а толпа зѣвакъ ихъ бурно привѣтствовала. Вѣроятно, узнавъ, что въ школѣ содержатся русскіе плѣнные, нѣмецкіе воины съ особеннымъ подъемомъ выкрикивали, проходя мимо насъ, свои патріотическія пѣсни, и, вѣроятно, не одинъ кулакъ грозно протягивался въ сторону школы, гдѣ на соломѣ, какъ псы, валялись беззащитные русскіе больные люди, женщины и дѣти.

Подъ вліяніемъ этого бурнаго прохожденія войскъ, нервы снова напряглись, и сонъ бѣжалъ отъ насъ. Не успѣли мы успокоиться, какъ снова началось на улицѣ движеніе: привели новую толпу плѣнныхъ, которыхъ стали размѣщать въ нашихъ комнатахъ, и безъ того уже переполненныхъ. Тутъ съ одной дамой, женой петроградскаго чиновника и богатаго домовладѣльца, г-жей Г. (которая была арестована вмѣстѣ съ мужемъ и дочерью), произошелъ слѣдующій тяжелый случай. Когда ее водворили въ одну изъ камеръ, и она увидала неприглядную картину, какую представлялъ собой видъ въ повалку лежавшихъ на соломѣ плѣнныхъ, съ ней сдѣлалось дурно. Былъ позванъ военный врачъ, штабсъ-арцтъ (старшій военный врачъ) Сальке, приведшій ее въ сознаніе. Но успокоиться бѣдная женщина не могла. Она въ отчаяніи рыдала и твердила, что что бы съ ней ни сдѣлали, она въ этой ужаснувшей ее обстановкѣ не останется.

Докторъ, человѣкъ гуманный (впослѣдствіи мы были ему многимъ обязаны), сжалился надъ ней и предложилъ переночевать на своей квартирѣ, на что военное начальство милостиво изъявило согласіе, и г-жу Г., подъ конвоемъ солдатъ, вооруженныхъ заряженными ружьями, повели на квартиру добросердечнаго врача (тамъ г-жѣ Г., подъ охраной караула, удалось провести только одну ночь; несмотря на всѣ ея мольбы, утромъ ее привели къ намъ обратно).

Былъ уже на исходѣ первый часъ ночи, когда волненіе въ нашихъ камерахъ успокоилось. Пытались мы заснуть, но сонъ былъ тревоженъ: то и дѣло входилъ военный караулъ, гремѣвшій сапогами, или появлялся пожарный, наблюдавшій за газомъ. Не успѣли мы подъ утро заснуть, какъ въ 6 часовъ насъ разбудилъ рѣзкій окрикъ унтеръ-офицера, противный окрикъ, будившій насъ впослѣдствіи ежедневно:

— Aufstehen (вставать)!

Тяжелая была картина этого перваго пробужденія въ плѣну. Воздухъ въ нашей камерѣ, насыщенный испареніями четырехъ десятковъ спавшихъ въ одеждѣ людей и запахомъ несвѣжей соломы, былъ невѣроятный. Тяжело было смотрѣть на валявшихся въ кучѣ по полу бѣдныхъ дѣтей и

женщинъ, растрепавшихся за ночь. Благодаря неспокойной ночи, самочувствiе было подавленное, и грядущее казалось мрачнымъ.

На площадкахъ у лѣстницы картина была еще непригляднѣе: тамъ плѣнные, преимущественно польскiе рабочiе, спали на голомъ полу; воздухъ, казалось, совершенно уже отсутствовалъ. Мы вышли во дворъ, гдѣ намъ предстояло мыться надъ жестянымъ желобомъ, почти рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ, расположеннымъ вблизи въ отдѣльномъ зданiи, распространявшимъ подчасъ нестерпимое зловонiе (несмотря на пресловутую культуру, канализацiи въ Ростокѣ — значительномъ университетскомъ городѣ — до сихъ поръ нѣтъ, а отхожiя мѣста очищаются попросту выгребнымъ порядкомъ). Вообще мытье подъ общимъ умывальникомъ являлось чрезвычайно непрiятнымъ, благодаря тому, что мыться случалось въ сосѣдствѣ съ людьми весьма мало чистоплотными и опрятными или больными заразными и нехорошими болѣзнями (были больные съ запущеннымъ сифилисомъ, съ туберкулезомъ гортани и т. п.).

Кое-какъ помывшись, мы вернулись въ камеру, гдѣ намъ приказано было дожидаться утренняго завтрака, Прошло часа три, пока принесли ведро съ какимъ-то слабымъ подобiемъ кофе: это было чуть теплое пойло изъ молока, свареннаго съ цикорiемъ и безъ сахару. Къ кружкѣ этого пойла выдавался ломтикъ ситника, жидко смазаннаго маргариновымъ масломъ.

Таковъ былъ утреннiй „завтракъ!“ Выдавался онъ подъ наблюденiемъ пожарныхъ, зорко считавшихъ каждую кружку и каждый ломтикъ ситника, боясь, чтобы кому-нибудь изъ плѣнныхъ не досталась двойная порцiя. Какъ оказалось, мы, находясь подъ верховнымъ надзоромъ военныхъ властей, въ административно-хозяйственномъ отношенiи были подчинены пожарнымъ. Это объяснялось, вѣроятно, тѣмъ, что непосредственно противъ нашей школы помѣщалась пожарная часть, и чтобы занять свободное время пожарниковъ, имъ порученъ былъ надзоръ за нами, причемъ высшимъ нашимъ административнымъ начальствомъ являлся брандъмаiоръ, или, какъ этотъ чинъ тамъ называется, брандъинспекторъ, старикашка изъ отставныхъ офицеровъ, лѣтъ 50, съ бульдогообразной внѣшностью и подстриженными сѣдыми усами, человѣкъ глупый, фальшивый, двуличный, корыстный и несомнѣнный взяточникъ, въ чемъ мы впослѣдствiи убѣдились.

Позавтракавъ, т. е. выпивъ кружку противнаго пойла, мы вышли во дворъ школы, гдѣ, подъ надзоромъ солдатъ съ ружьями, собрались всѣ плѣнные, чтобы отдышаться послѣ ночи, проведенной въ духотѣ спертаго воздуха классныхъ комнатъ. Кого только тутъ не было!

Подавляющее большинство плѣнныхъ составляли преимущественно польскіе крестьяне и крестьянки, схваченные въ окрестныхъ имѣніяхъ, гдѣ они работали лѣтомъ на отхожемъ промыслѣ. Затѣмъ были тутъ представители самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній: сановники, генералы, профессора, члены Государственной Думы, лица съ громкими титулами, врачи, писатели, инженеры, фабриканты, учителя, студенты, курсистки и т. д. Были милліонеры, богатѣи-купцы, была и бѣднота, ѣздившая лѣчиться въ Германію на послѣдніе гроши. Были тяжело больные старики, едва влачившіе ноги, были грудныя, дѣти, была дѣвочка-еврейка лѣтъ 12, недавно перенесшая тяжелую операцію, которую отецъ носилъ на рукахъ, такъ какъ обѣ ноги у нея были въ лубкахъ. Были, наконецъ, новобрачные, отправившіеся въ свадебнее путешествіе и попавшіе въ тюрьму!

Вся эта пестрая толпа, въ количествѣ около 450 человѣкъ, вышла посидѣть или побродить на нашемъ школьномъ, или, вѣрнѣе, тюремномъ дворѣ, представляя рѣдкое зрѣлище для нѣмцевъ, во множествѣ собравшихся около воротъ и съ жадностью разглядывавшихъ насъ сквозь рѣшетку воротъ, словно дикихъ звѣрей.

Мы, плѣнные, стали другъ съ другомъ знакомиться, дѣлясь разсказами о томъ, при какихъ обстоятельствахъ мы были задержаны. Пришлось услышать много возмутительнаго. Разскажу нѣкоторые случаи.

Тайный совѣтникъ г. З., занимающій видное мѣсто въ одномъ изъ нашихъ Министерствъ, почтенный старикъ съ блѣднымъ, больнымъ, землистаго цвѣта лицомъ (у него была серьезная болѣзнь печени, отъ которой онъ впослѣдствіи едва не умеръ тутъ же въ Ростокѣ, благодаря отвратительнымъ условіямъ жизни въ плѣну), спасался изъ Германіи, направляясь на Эйдкуненъ. Когда выяснилось, что проѣхать черезъ Эйдкуненъ нельзя, онъ направился на Штетинъ, чтобы оттуда дальше проѣхать моремъ. Это тоже оказалось невозможнымъ и пришлось свернуть на Варнемюнде, чтобы оттуда, подобно намъ, проѣхать въ Данію. Когда кондукторъ въ пути изъ Штетина спросилъ билетъ, г. З. далъ по ошибкѣ билетъ на Эйдкуненъ, оставшійся неиспользованнымъ. Наличность этого билета являлась достаточнымъ поводомъ для нѣмцевъ, чтобы заподозрѣть въ почтенномъ старикѣ шпіона. Его грубо высадили изъ вагона на одной изъ промежуточныхъ станцій и учинили допросъ такого рода, что г. З. былъ въ полномъ убѣжденіи, что допросъ завершится разстрѣломъ. Къ счастью, нѣмцы повѣрили его чистосердечію, отпустили со слѣдующимъ поѣздомъ, но въ Ростокѣ г. З. былъ снова арестованъ. Случайныя спутницы его, также попавшія въ плѣнъ, разсказывали, что, когда г. З. схватили въ вагонѣ, въ качествѣ шпіона, послѣ недоразу-

мѣнія съ билетомъ; онѣ были въ полной увѣренности, что нѣмцы живымъ его не выпустятъ, до того они были звѣрски-озлоблены. Выходъ несчастнаго старика изъ вагона, когда онъ простился со своими спутницами и просилъ ихъ передать привѣтъ женѣ, произвелъ самое тягостное впечатлѣніе.

Молодой человѣкъ, лѣтъ 24, нѣкій г. Карасюкъ, обращавшій на себя всеобщее вниманіе своей почти сплошь забинтованной головой, повидимому вполнѣ правдиво, разсказалъ слѣдующее. Онъ жилъ съ женой въ Мюнхенѣ, гдѣ учился въ мѣстномъ университетѣ. Наканунѣ объявленія войны онъ направился въ Россію черезъ Берлинъ. Не имѣя денегъ на дорогу, онъ зашелъ въ Берлинѣ въ русское посольство, которое снабдило его и другихъ обратившихся за помощью студентовъ — русскихъ подданныхъ — нѣкоторыми средствами. Въ то время, когда г. Карасюкъ съ женой и 20-ю другими студентами вышелъ изъ посольства на улицу, какая-то нѣмка крикнула: „русскіе!“ Быстро собралась буйно настроенная толпа. Предчувствуя недоброе, г. Карасюкъ свернулъ съ улицы „Подъ Липами“, гдѣ расположено посольство, и устремился въ первый переулокъ, надѣясь, что въ какомъ-нибудь ближайшемъ домѣ онъ найдетъ спасеніе.

Толпа погналась за нимъ съ криками: „это русскій шпіонъ!“ Онъ кинулся въ подъѣздъ какой-то гостиницы, но швейцаръ вышвырнулъ его за дверь прямо въ толпу, которая повалила его и стала бить. Тщетно кричалъ г. Карасюкъ, взывая къ близъ стоявшему полицейскому, что онъ вовсе не шпіонъ, а мирный студентъ,—полицейскій не обратилъ вниманія на его мольбы. Когда же все возраставшая толпа запрудила улицу и приняла угрожающіе размѣры, подошли трое полицейскихъ, выхватили его изъ толпы и повлекли въ участокъ. По дорогѣ толпа не переставала бить его и глумиться надъ нимъ, но полицейскіе и не пытались его защищать. Въ участкѣ г. Карасюка посадили на лавку, гдѣ онъ просидѣлъ съ часъ. Полицейскіе, вплоть до высшихъ мѣстныхъ чиновъ, и другіе нѣмцы подходили къ нему съ площадной бранью и плевали ему въ лицо, причемъ онъ даже не успѣвалъ вытираться. Наглумившись надъ нимъ вдоволь, его повели въ полицейское управленіе („Полицей-Президіумъ“), затѣмъ въ госпиталь, гдѣ ему обмыли окровавленное лицо и сдѣлали перевязку, а затѣмъ на вокзалъ, гдѣ онъ пролежалъ всю ночь на полу.

Лишь подъ утро нашла его тутъ жена, затерявшаяся во время его избіенія на улицѣ въ толпѣ. Легко себѣ представить, что пережили и самъ К., и его молодая жена въ эту страшную ночь! Разсказъ этотъ переданъ мною безъ всякаго преувеличенія.

Братья Тростенецкіе, изъ коихъ одинъ врачъ, разсказывали, что, когда ихъ наканунѣ задержали въ Гюстровѣ и когда одинъ изъ нихъ, выйдя изъ вагона безъ багажа, узналъ, что необходимо выгрузить багажъ, собрался вернуться въ вагонъ, то солдатъ выгналъ его изъ вагона ударомъ приклада. Въ это время г. Т. услыхалъ, какъ офицеръ кричалъ: „этихъ русскихъ необходимо разстрѣлять сегодня же!“

Одна женщина, высаженная изъ вагона на вокзалѣ въ Штетинѣ, увидавъ, какъ грубо нѣмцы обращаются съ русскими, придя въ отчаяніе, неудержимо разрыдалась. На нее налетѣлъ унтеръ-офицеръ, ударилъ и приказалъ замолчать. Но, не въ силахъ совладать съ собой, женщина продолжала рыдать. Тогда взбѣшенный унтеръ-офицеръ взвелъ курокъ револьвера и прицѣлился въ нее. Его руку отвелъ какой-то подбѣжавшій нѣмецъ, крикнувшій при этомъ, что солдаты не имѣютъ права разстрѣливать беззащитныхъ женщинъ. Окончательно разсвирѣпѣвшій унтеръ-офицеръ готовъ былъ пристрѣлить женщину и своего же нѣмца, но, къ счастью, во-время подоспѣлъ офицеръ, тотчасъ же убравшій не въ мѣру ретиваго унтеръ-офицера съ дежурства на вокзалѣ. Все это подтвердили очевидцы.

Я могъ бы вспомнить еще много случаевъ безчеловѣчно-грубаго отношенія нѣмцевъ съ своими врасплохъ попавшимися курортными гостями. Но полагаю, что для нагляднаго представленія объ этомъ достаточно и разсказаннаго.

Итакъ, „позавтракавъ“ кружкой кофейнаго пойла, мы расположились на школьномъ дворѣ,—благо, погода была хорошая,—знакомились, дѣлились впечатлѣніями. Нѣсколько разъ выходило къ намъ наше ближайшее административное начальство—брандъ-инспекторъ въ синемъ военнаго покроя сюртукѣ съ плоскими бѣлыми металлическими пуговицами и жгутами-погонами. Ехидный старичокъ старался быть любезнымъ, скалилъ зубы и изображалъ пріятную улыбку на своемъ бульдогообразномъ съ подстриженными усами лицѣ. На всѣ вопросы о нашей судьбѣ онъ отвѣчалъ невѣдѣніемъ.

— Не знаю, ничего, господа, не знаю. Вотъ пріѣдетъ комендантъ, и все выяснится.

И вотъ грозное наше военное начальство въ лицѣ коменданта Ростока явилось. Это былъ, ставшій впослѣдствіи знаменитымъ своимъ звѣрскимъ обращеніемъ съ русскими плѣнными, полковникъ Трескоу. Имя его теперь широко извѣстно у насъ въ Россіи по газетнымъ сообщеніямъ.

Съ минуты вступленія коменданта въ школу, началась буря. Дѣло въ томъ, что о запретѣ куренія вообще пока рѣчи не было. Мы были лишь предварены, что курить мы

можемъ на дворѣ; въ зданіи же школы куреніе воспрещалось. Плѣнные не успѣли еще привыкнуть къ дисциплинѣ, и кто-то вошелъ въ школу со двора, продолжая курить. На курящаго налетѣлъ комендантъ:

— Не смѣть курить! Бросить папиросу!

Курильщикъ, не зная, что предъ нимъ само всемогущее военное начальство, въ лицѣ коменданта, началъ было доказывать, что вообще курить не запрещено. Разумѣется, споръ былъ неумѣстенъ. Послѣдовало: „Молчать! Руки по швамъ!"—и поѣхало.

Затѣмъ взбѣшенный комендантъ выскочилъ къ намъ на дворъ. Мгновенно толпа сгрудилась возлѣ него.

— Вы тамъ у себя въ Россіи къ порядку не привыкли, такъ я васъ пріучу къ порядку! — раздались обычнымъ лающимъ командныМъ голосомъ слова привѣтственной рѣчи.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ запретовъ, угрозъ и предписаній. Курить—нельзя, кто будетъ замѣченъ съ папиросой—разстрѣлять. Если въ школѣ почему-либо начнется пожаръ—стрѣльба пачками по окнамъ, живымъ никто не уйдетъ. Безпрекословное подчиненіе унтеръ-офицеру, за малѣйшее непослушаніе—строжайшее наказаніе вплоть до разстрѣла. Такое же безпрекословное подчиненіе пожарнымъ властямъ. О выходѣ въ городъ и помышлять не смѣть. За продовольствіе—платить, кто не въ состояніи платить—на общественныя работы. Вставать въ 6 часовъ, со двора въ школу въ 9 вечера. Спать—при полномъ освѣщеніи. Въ уборную съ наступленіемъ темноты ходить по одиночкѣ съ разрѣшенія караула, въ противномъ случаѣ, если соберутся нѣсколько человѣкъ одновременно—стрѣлять, и т. д.

Все это выкрикивалось рѣзко, коротко, опредѣленно.

Тотчасъ же одному изъ караульныхъ солдатъ съ заряженнымъ ружьемъ приказано было достать лѣстницу и взобраться на крышу навѣса надъ выходившей во дворъ школьной дверью для лучшаго наблюденія сверху за нашимъ поведеніемъ.

— Ну, знаете, дѣло дрянь!—обратился ко мнѣ московскій купецъ, г. Я—сонъ, когда комендантъ окончилъ свою рѣчь:—не выйти намъ живыми отсюда. Всѣхъ перестрѣляютъ. Предлогъ придумать не мудрено.

Въ сущности, подъ гнетомъ этой мысли мы всѣ жили первые дни плѣна. Я самъ далеко не былъ убѣжденъ, что выберусь живымъ. Но я пытался, здраво разсуждая, ободрять другихъ:

— Нашъ арестъ сплошное недоразумѣніе. Мы не военноплѣнные, а мирные люди, возвращавшіеся съ курортовъ; по международному обычаю насъ не имѣли права задержать. Нѣмцы обязаны были дать намъ срокъ на выѣздъ. Подвер-

гать насъ насиліямъ при такихъ условіяхъ военная власть тѣмъ болѣе не въ правѣ.

— А очень имъ нужно право, — возражалъ особенно мрачно настроенный вышеупомянутый г. Я-сонъ (онъ чувствовалъ себя очень плохо подъ вліяніемъ сильной сердечной болѣзни, отъ которой ѣздилъ лѣчиться въ Наугеймъ).— Вы взгляните на эту звѣрскую солдатскую рожу: насторожился, каналья, и только ждетъ удобнаго случая, какъ бы пальнуть.

Дѣйствительно, среди караульныхъ солдатъ попадались звѣрскія рожи, которыя такъ и шныряли и впивались глазами въ плѣнныхъ, держа наготовѣ ружье. Напряженно-тяжело чувствовали мы себя подъ гнетомъ непрестаннаго наблюденія нашего военнаго караула, пока не привыкли къ нему.

Вскорѣ послѣ отъѣзда коменданта намъ приказано было разойтись по своимъ камерамъ и дожидаться обѣда, который обѣщали дать около часу дня. Но напрасно ждала наша камера: обѣда мы въ этотъ первый день вовсе не получили; уже часовъ въ пять пожарники утѣшили насъ сообщеніемъ, что на первый разъ вышло недоразумѣніе, заказанныхъ обѣдовъ не хватило, но зато на слѣдующій день нашей камерѣ обѣды будутъ выданы въ первую очередь. Дѣйствительно, на слѣдующій день около часу по полудни пожарники, въ сопровожденіи толстаго нѣмца—хозяина ближайшаго ресторана — и двухъ нѣмокъ-прислугъ, торжественно ввалились съ ведромъ какого-то кушанья. Велико же было наше разочарованіе, когда вмѣсто обѣда, хотя бы въ самомъ скромномъ понятіи этого слова, мы получили по небольшой мискѣ ягоднаго навара съ плававшими въ немъ нѣсколькими вишнями. По выраженію нѣмцевъ, этотъ наваръ назывался „фруктовымъ супомъ". Но на супъ онъ былъ такъ же похожъ, какъ плававшія въ немъ вишни—на мясо. Впослѣдствіи намъ стали давать болѣе или менѣе настоящій супъ, но, въ большинствѣ случаевъ, онъ представлялъ такую мерзкую бурду изъ, несомнѣнно, гнилого, разложившагося мяса (что безусловно было удостовѣрено нашими врачами) въ видѣ красныхъ волоконъ съ кусочками стеаринообразнаго жира, что питаться имъ многіе не могли.

Какъ ни печальна была мысль, что намъ, быть можетъ, совсѣмъ не выбраться или, въ лучшемъ случаѣ, долго не выбраться изъ плѣна, надо было смириться, привыкать къ новой обстановкѣ, заводить опредѣленный порядокъ жизни: позаботиться о чистомъ воздухѣ, о возможности самимъ пріобрѣтать пищу, хотя бы въ видѣ молока, яицъ и колбасы, установить при содѣйствіи врачей, бывшихъ среди насъ, правильную медицинскую помощь и т. д. Наша камера подала въ этомъ отношеніи примѣръ всѣмъ остальнымъ: уже

на второй день плѣна мы выбрали старосту въ лицѣ извѣстнаго петроградскаго врача г. Г—ни, бывшаго въ нашей камерѣ съ женой и дѣтьми, и вручили ему административныя бразды правленія. Быстро былъ налаженъ порядокъ: солома, служившая намъ для спанья, валявшаяся по всей комнатѣ и загрязнявшаяся отъ ходьбы по ней, была нами собрана въ кучи, при чемъ получилось подобіе клумбъ съ проложенными между ними дорожками, каждая клумба была разсчитана на опредѣленное количество человѣкъ, изъ которыхъ каждый получалъ свое мѣсто, заведены были дежурные по уборкѣ камеры, установленъ порядокъ освѣженія воздуха, улаженъ вопросъ о пріобрѣтеніи изъ города необходимыхъ припасовъ и т. д. Наша камера получила названіе „образцовой", и другія стали брать съ насъ примѣръ. Къ сожалѣнію, черезъ 3—4 дня пришлось проститься съ г. Г—ни, котораго мы очень жалѣли, какъ опытнаго врача.

Дѣло въ томъ, что, въ виду явной тѣсноты въ школѣ, женщинамъ, семейнымъ и больнымъ людямъ въ, числѣ до 60—70 человѣкъ, предложено было перебраться въ другое помѣщеніе—въ „навигаціонную школу", гдѣ, какъ намъ сказали, насъ ожидали болѣе сносныя условія жизни. По поводу этого переселенія начались страшныя волненія. Многимъ хотѣлось перейти, но останавливала боязнь отдѣлиться отъ общей массы своихъ, иные полагали, что нѣмцы готовятъ семейнымъ людямъ ловушку—разрѣшатъ перейти мужьямъ вмѣстѣ съ женами, а затѣмъ, подъ предлогомъ недостатка мѣста, мужей вернутъ и разлучатъ съ женами. Иные, наоборотъ, всячески стремились перейти—здоровые, въ ущербъ интересамъ дѣйствительно больныхъ, записывались въ число ихъ, люди одинокіе „приписывались" къ семействамъ знакомыхъ въ видѣ родственниковъ, и т. д. Послѣ цѣлаго ряда треволненій, какъ то поздно вечеромъ толпу человѣкъ около 100 увели подъ конвоемъ. Какъ мы потомъ узнали, отдѣлившихся отъ насъ въ новомъ помѣщеніи ждали такія же неприглядныя условія жизни. Развѣ только обѣдъ-супъ стали отпускать немногимъ лучше. Но зато эта партія плѣнныхъ лишилась двора, котораго при навигаціонной школѣ не имѣлось (ихъ выпускали гулять на крышу). Насъ же возможность быть цѣлый день на воздухѣ только и спасала.

Съ уходомъ нашихъ товарищей стало посвободнѣе. Выбрали новаго старосту, стали заводить новые порядки. Они ознаменовались тѣмъ, что мы рѣшили пріобрѣсти вскладчину за свой счетъ мѣшки для соломы. Таковые были заказаны мѣстному отдѣленію пресловутой берлинской фирмы Вертхеймъ *).

*) У этой фирмы въ Берлинѣ и большинствѣ крупныхъ городовъ Германіи огромные магазины съ тысячами служащихъ, гдѣ можно купить рѣшительно все; товары дешевы и приглядны на видъ, но

Когда солома была уложена въ мѣшки, послѣдніе разложены правильными рядами, мусоръ вынесенъ и пыль вытерта—камера преобразилась до неузнаваемости. Къ намъ потянулись сосѣди, чтобы полюбоваться нашимъ порядкомъ и взять съ насъ примѣръ. Вскорѣ рѣшено было завести мѣшки для всѣхъ камеръ, неимущимъ, въ томъ числѣ крестьянамъ, купить таковые за счетъ имущихъ. Сладко выспались мы въ первую ночь на нашихъ новыхъ ложахъ. Правда, дешевые мѣшки (они стоили что-то около 70 коп. штука) были коротки, достаточно жестки и пылили невѣроятно, благодаря рѣдинѣ холста, но все же лежать на нихъ стало куда опрятнѣе, чѣмъ на голой соломѣ. Скоро обзавелись мы дешевыми простынями, одѣялами и подушками изъ ваты и устроились такимъ образомъ (очень, конечно, относительно) прилично. Спать мѣшали только яркій свѣтъ газа, горѣвшаго, въ цѣляхъ наблюденія за нами, всю ночь, и частое хожденіе карауловъ и пожарныхъ, да невѣроятный храпъ многихъ сосѣдей. Но въ защиту отъ яркаго свѣта газа нѣкоторые стали спать подъ зонтиками, а въ защиту отъ шума, производимаго приходами караула, и отъ храпа—мы съ сосѣдомъ завели себѣ резиновыя затычки для ушей (нѣмецъ гораздъ на выдумку!), пріобрѣтенныя у того же Вертхейма.

Постепенно попривыкли мы къ новой жизни. Завелось у насъ немудреное хозяйство—ложки и плошки для супа (другихъ блюдъ къ обѣду намъ не давали), полотенца для вытиранія посуды, завели покупавшіеся вскладчину чай и сахаръ (то и другое въ Германіи очень плохого качества), хлѣбъ, яйца, колбасы (пресловутая „колбасная" страна напрасно славится своими колбасами и ветчиной—то и другое у насъ въ Россіи куда лучше!) и проч. Но подобный порядокъ далеко не такъ скоро завелся въ другихъ камерахъ; наша камера оказалась одной изъ самыхъ, такъ сказать, „домовитыхъ". Въ то время, какъ мы спали на тюфякахъ, въ другихъ камерахъ долго не могли завести ихъ. Тяжело было видѣть почтенныхъ старцевъ, пожилыхъ дамъ, лежавшихъ на кучахъ соломы, постепенно пріобрѣвшей очень неряшливый видъ. Къ слову сказать, по поводу нашихъ дамъ: несмотря на ужасающія условія и неудобства жизни, онѣ всѣ, за малыми исключеніями, ухитрялись слѣдить за своей внѣшностью, и хотя многія, потерявъ поклажу, обладали всего однимъ платьемъ, которое носили сплошь, не снимая даже ночью, тѣмъ не менѣе онѣ продолжали соблюдать пригляд-

---

на самомъ дѣлѣ эта пресловутая вертхеймовская дешевка весьма низкопробна, по пословицѣ „дешево, да гнило"; хороши лишь грошовыя вещи хозяйственнаго обихода, отъ которыхъ не требуется особаго качества матеріала и выдѣлки; платье же, напримѣръ, крайне дешевое и красивое на видъ, никуда не годится; оно быстро изнашивается, благодаря низкопробному матеріалу).

ный видъ, и примѣръ ихъ въ этомъ отношеніи вліялъ благотворно на мужчинъ, которые, не будь дамъ, быстро опустились бы. Хотя отношенія между всѣми плѣнными установились самыя товарищескія, но стѣсненій мы другъ другу отнюдь не чинили. Даже самые щекотливые вопросы уладились какъ-то сами собой... Всѣ были равны, но дамы наши пользовались полнымъ уваженіемъ, мужчины, елико возможно, старались щадить ихъ скромность.

День распредѣлялся такимъ образомъ: вставали въ 5—6 часовъ, бѣжали во дворъ (въ которомъ росло нѣсколько деревьевъ) подышать чистымъ съ утра воздухомъ, часовъ до 8 продолжалось умыванье, благодаря длинной очереди у умывальника, потомъ—кофейное пойло, а затѣмъ утро посвящалось стиркѣ и сушкѣ бѣлья во дворѣ (чѣмъ занимались безъ исключенія всѣ дамы и мужчины, независимо отъ своего общественнаго положенія, возраста и званія), въ часъ—жалкій обѣдъ, въ видѣ миски мерзкаго супа, затѣмъ послѣобѣденный отдыхъ, совѣщанія нашихъ старостъ во дворѣ по разнаго рода вопросамъ общественной нашей жизни, часовъ въ шесть—кружка кофе, и вечеромъ до 9—всеобщее гулянье. Да, это бывали настоящія гулянья, точно въ городскомъ саду: дамы наши, какъ могли, прихорашивались мужчины одѣвали воротнички и галстухи, заводились новыя знакомства, слышались шутки, смѣхъ, между молодежью обоего пола завязывалось невинное ухаживаніе—каждый утѣшался, какъ могъ. Бывали на подобныхъ гуляньяхъ любопытные случаи. Помню, какъ-то въ воскресный день появился аккуратный нѣмчикъ съ цилиндромъ на головѣ *). Оказалось, что онъ былъ нѣмецъ—русскій подданный, возвращавшійся въ Россію съ невѣстой—нѣмецкой подданной, и оба попали въ плѣнъ. Такъ вотъ, чтобы не измѣнять воскресному германскому обычаю, аккуратный нѣмецъ напялилъ на голову цилиндръ. Но на этотъ столь неумѣстный при нашей арестантской обстановкѣ головной уборъ устремилось столько любопытныхъ взглядовъ, что цилиндръ быстро исчезъ.

Въ 9 часовъ вечера голосъ грубаго унтера гналъ насъ спать, и тутъ-то начиналось самое тяжелое время: наступала для многихъ безконечно долгая безсонная ночь, когда вспоминались родина, ужасы войны, вспоминались близкіе люди, оставшіеся на произволъ судьбы, страдавшіе душой за насъ въ полной неизвѣстности, что ста-

*) Въ Германіи по праздникамъ всякій уважающій себя нѣмецъ, будь онъ сапожникъ или мастеровой, украшаетъ себя допотопнымъ цилиндромъ, пріобрѣтая видъ факельщика. Любопытно замѣтить, что въ Ростокѣ цилиндръ представляетъ неизмѣнный каждодневный головной уборъ трубочистовъ, которые къ тому же всѣ ѣздятъ на велосипедахъ. Трубочистъ на велосипедѣ съ цилиндромъ на головѣ, съ черными отъ сажи лицомъ и руками, съ метлой, ведромъ и гирями за спиной—зрѣлище довольно занятное.

лось съ нами. Особенно страдали семейные люди, разлученные съ семьями. Страдали и душой, и тѣломъ глубокіе старцы и тяжело больные люди, иной разъ всю ночь не смыкавшіе глазъ. И сколько разъ случалось: заснешь, водворится въ камерѣ тишина, и вдругъ чей-нибудь отчаянный крикъ или судорожныя рыданія жутко нарушатъ покой: то вспомнились кому-либо на яву или привидѣлись во снѣ семья, родина, домъ, и долго бѣдняга не можетъ успокоиться.

А подъ окнами на улицѣ—гулъ голосовъ огромной толпы нѣмцевъ, не расходившихся до поздней ночи. Днемъ, съ утра до сумерекъ, они любовались на насъ сквозь рѣшетку въ воротахъ, а вечеромъ устраивали гулянья подъ нашими окнами. Какъ мы потомъ узнали, ростокскіе нѣмцы были въ полномъ убѣжденіи, что всѣ мы шпіоны и преступники, и что рано или поздно насъ поведутъ на разстрѣлъ. И, простаивая долгіе часы, они съ нетерпѣніемъ ждали рѣдкаго зрѣлища. Къ счастью для насъ, имъ не удалось его дождаться.

А то, бывало, тишину ночи рѣзко нарушатъ воинственныя пѣсни проходящихъ по улицѣ войскъ. Для насъ солдаты изобрѣли нарочитую пѣсенку на музыку извѣстной излюбленной оперетки, шедшей весной повсюду въ нѣмецкихъ театрахъ. Слова этой пѣсни были переиначены слѣдующимъ образомъ:

Русскіе всѣ—преступники,
Страна ихъ—поганое мѣсто,
Французы лучше ихъ немногимъ,
Но по шеямъ получатъ они тоже.

Такой пошлой пѣсенкой весьма часто угощали насъ во время плѣна наши „культурные“ враги! Распѣвалась эта пѣсенка очень воинственно-побѣдно. Нѣмцы торжествовали свою грубую власть надъ нами, беззащитными плѣнниками!

Вообще, въ первые дни войны настроеніе у нихъ было чрезвычайно приподнятое. Въ честь побѣдъ въ Бельгіи чуть ли не ежедневно трезвонили колокола, и этотъ побѣдоносный оглушительный трезвонъ, раздававшійся съ колокольни кирки, сосѣдней со школой, производилъ на насъ, плѣнныхъ, удручающее впечатлѣніе. Газетъ намъ не разрѣшали читать, но всѣ новости, выгодныя для нѣмцевъ, намъ сообщали пожарники. Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ, сообщался вздоръ. Такъ, однажды, пожарный вахтеръ (помощникъ брандъ-инспектора), крайне возбужденно-радостно настроенный, принесъ намъ послѣднюю новость, вычитанную въ мѣстномъ „Ростокскомъ Вѣстникѣ“, будто Англія и Японія объявили Россіи войну.

— О, иначе и быть не можетъ,—самодовольно-увѣренно говорилъ нашъ вахтеръ, весьма похожій на Вильгельма, бла-

годаря высокому росту и приподнятымъ кверху тараканьимъ усамъ:—англичане, а въ особенности японцы—о, это наши друзья!

Дѣйствительно, передъ началомъ войны нѣмцы носились съ японцами чрезвычайно, шумно чествовали ихъ на улицахъ, въ ресторанахъ и т. д. Послѣ сообщенія вахтера, намъ случайно удалось достать тотъ номеръ „Ростокскаго Вѣстника“, въ которомъ говорилось объ объявленін Японіей войны Россіи. Въ заголовкѣ номера жирными буквами, съ вершокъ величиною, красовалось сообщеніе: „Японія объявила Россіи войну!“ Велико же было смущеніе нѣмцевъ, когда стало опредѣленно извѣстно, что не только Англія, но даже Японія объявила войну имъ же, а не Россіи. Даже нашъ вахтеръ потерялъ свой бравый, самоувѣренный видъ, напившись съ горя.

Такъ изо дня въ день тянулась наша подневольная жизнь въ Ростокской школѣ-тюрьмѣ. Будущее было безпросвѣтно. Ходили самые разнообразные слухи, плодившіеся ежедневно во множествѣ, но правды эти слухи рѣшительно въ себѣ не заключали, представляя, въ большинствѣ случаевъ, сплошные вымыслы нашихъ сотоварищей: одинъ выскажетъ догадку, другой прибавитъ къ ней заключеніе, третій передастъ ее уже въ видѣ достовѣрнаго извѣстія, и всѣ волнуются, обращаясь другъ другу съ вопросомъ: „Вы слышали? Говорятъ...“ Это „вы слышали? говорятъ...“ стало положительно страшнымъ для насъ зломъ: не было возможности уединиться, уйти въ себя хоть на нѣсколько минутъ, прочесть страницу книги (таковыя кое-у-кого имѣлись)—ежеминутно къ вамъ подходили, ежеминутно, разстраивая себя и васъ, задавали ненавистный вопросъ и дѣлились нелѣпыми, ни на чемъ не основанными, слухами. Нервы напрягались до чрезвычайности. Подъ вліяніемъ этой нервной напряженности, увеличивавшейся для курильщиковъ лишеніемъ возможности курить, подъ вліяніемъ недоѣданія и плохого сна всѣ мы худѣли, выцвѣтали, начинали хворать. Были уже два случая подозрительныхъ заболѣваній тифознаго свойства. Необходимость спать, почти не раздѣваясь, невозможность вымыться, хоть сколько-нибудь сносно, неопрятность нашихъ спальныхъ помѣщеній, спертый душный воздухъ въ нихъ, недоброкачественная пища—все это сулило возможность эпидемическихъ заболѣваній, составляло предметъ сильныхъ тревогъ нашихъ врачей, заставляло призадуматься и штабсъ-арцта Сальке, ежедневно навѣщавшаго насъ и, надо отдать ему справедливость, относившагося къ намъ достаточно внимательно.

Прошло недѣли двѣ, и неожиданно въ нашей жизни наступила перемѣна. Мы узнали, что ненавистный комендантъ Трескоу ушелъ на войну, и что назначенъ новый комендантъ. Первое появленіе его среди насъ было въ высокой

степени забавнымъ. Полковникъ этотъ (видимо, призванный изъ отставныхъ) представлялъ высоченнаго роста старика, достаточно уже дряхлаго, съ дряблымъ лицомъ багроваго цвѣта, украшеннымъ краснымъ носомъ съ грушевиднымъ нарощеніемъ къ концу багрово-сизаго цвѣта, свидѣтельствовавшимъ, что обладатель его, какъ говорится, „весьма не дуракъ выпить“. Появленіе его было картинно-театральнымъ. Желая нагнать на насъ страху, воинственный старикъ обрушился на насъ съ громомъ и молніями своихъ рѣчей, приказаній и ругательствъ. Но... никто его не испугался. Очень ужъ у него былъ забавный опереточный видъ; чувствовалось, что вовсе онъ не такъ грозенъ, какъ хотѣлъ казаться.

Началась суета невѣроятная: насъ считали, пересчитывали, выстраивали, перестраивали, гоняли съ одной стороны двора на другую. Комендантъ ругался и кричалъ, обращаясь къ мужчинамъ; умильно улыбался, любезничалъ и шутилъ, обращаясь къ дамамъ. А вообще, всѣ его распоряженія были удивительно сумбурны. Наконецъ, насъ раздѣлили на три группы: въ первую вошли всѣ плѣнные въ возрастѣ до 45 лѣтъ, во вторую—свыше 45 лѣтъ, третья группа состояла изъ людей всѣхъ возрастовъ, считавшихъ себя больными или по болѣзни неспособными къ военной службѣ. Этотъ разрядъ оказался наиболѣе многочисленнымъ. Комендантъ подходилъ къ каждому изъ числа этой группы, задавалъ краткій вопросъ, *на глазъ* опредѣлялъ наличность той или иной болѣзни и величественнымъ мановеніемъ руки гналъ допрошеннаго: либо „одесную“, въ разрядъ людей, признанныхъ больными, либо „ошую“, въ разрядъ признанныхъ здоровыми. Послѣднихъ оказалось, разумѣется, подавляющее большинство. Бывали любопытные случаи. Третьимъ отъ меня стоялъ англичанинъ (въ то время стали брать въ плѣнъ и англичанъ), мистеръ Вильсонъ, техникъ по ремеслу, малый коренастый, здоровякъ, истый англійскій человѣкъ удивительной выдержки, хладнокровія и самообладанія.

— Чѣмъ боленъ?—грозно воззрился на него комендантъ.

Ни звука не понимая по-нѣмецки, мистеръ что-то отвѣтилъ по-англійски.

— Къ чорту—собачій языкъ!—вдругъ разсвирѣпѣлъ комендантъ.—По-нѣмецки говорить, „швейнехундъ“! Доннервэттеръ, тысяча чертей *)!

Мистеръ спокойно произнесъ еще нѣсколько словъ.

— Молчать, свиная собака,—схватилъ его комендантъ за плечо.—Вонъ, прочь, долой!

Мистеръ смѣрилъ разсвирѣпѣвшаго, брызгавшаго слюной, потѣшнаго въ своемъ гнѣвѣ старика холодно-презри-

*) Швейнехундъ—въ переводѣ свиная собака, излюбленное ругательство, съ которымъ къ намъ обращались офицеры. Доннервэттеръ—приблизительно значитъ: громъ и молнія.

тельнымъ взглядомъ, ступилъ 3—4 шага въ сторону, сплюнулъ и направился дальше.

— Вы?—налетѣлъ комендантъ на слѣдующаго.

Это былъ еврейчикъ. Бѣдняга дрожалъ отъ страха.

—Я—съ курорта...—пролепеталъ онъ.—У меня: сердце печень и легкія...

— Ха-ха!—обрадовался комендантъ.—Прибавьте еще: почки, желудокъ и мозгъ. У меня тоже, у меня тоже все это имѣется. Вонъ, прочь, долой!..

Несчастливецъ поплелся „ошую".

Наступила моя очередь.

— Вы?

— Хроническій ревматизмъ, болѣзнь сердца, катарръ желудка,—послѣдовалъ внушительный отвѣтъ, сопровождаемый мрачнымъ взглядомъ.

Строгій взглядъ воззрился на мое лицо, мгновенье и—величественное мановеніе руки направило меня „одесную".

Скоро своеобразный медицинскій осмотръ былъ конченъ. Счастливцы, попавшіе въ число больныхъ, волновались, ожидая рѣшенія участи, надѣясь, не отпустятъ-ли ихъ. Но положительныхъ результатовъ этотъ смотръ рѣшительно никакихъ не имѣлъ.

Нашумѣвъ и накричавъ вдоволь, грозный нашъ комендантъ разсыпался въ любезностяхъ передъ нашими дамами, вдругъ смягчился и неожиданно объявилъ, что всѣ желающіе могутъ... выйти на свободу, т. е. поселиться на частныхъ квартирахъ въ городѣ. Желающимъ приказано было подходить къ коменданту для полученія разрѣшительныхъ свидѣтельствъ. Милость эта, столь неожиданно на насъ свалившаяся, такъ не вязалась со всѣми предшествовавшими угрозами, строгостями, съ этими разными нелѣпыми сортировками по возрасту, полу и проч., что многіе отнеслись къ разрѣшенію поселиться въ городѣ какъ-то недовѣрчиво. Кромѣ того, у большинства не было денегъ для жизни въ гостиницахъ или на частныхъ квартирахъ (въ школѣ за продовольствіе денегъ пока еще не взыскивали), да и страшно было выходить на свободу, зная, насколько враждебно отношеніе къ намъ ростокскихъ нѣмцевъ. Поэтому сравнительно небольшое число плѣнныхъ воспользовалось объявленной милостью и запаслось разрѣшительными надписями на наскоро написанныхъ заявленіяхъ или визитныхъ карточкахъ. Разрѣшенія сыпались щедрой рукой: ихъ получали и больные и здоровые, и мужчины и женщины, и пожилые и молодые.

Когда комендантъ уѣхалъ, начались всеобщія волненія. Старосты наши тотчасъ собрались для рѣшенія жгучаго вопроса: разумно ли воспользоваться разрѣшеніемъ выйти въ городъ, въ виду того, что осуществить это право могли,

вслѣдствіе отсутствія средствъ и по другимъ соображеніямъ, далеко не многіе. Вынесено было такое рѣшеніе: изъ чувства товарищества разъединяться не слѣдуетъ; пока мы будемъ вмѣстѣ, на нашей сторонѣ будетъ больше силы; если уйдутъ люди состоятельные, люди высокихъ положеній (съ ними нѣмцы какъ-никакъ считались)—положеніе оставшихся, несомнѣнно, ухудшится; добиваться свободы намъ нужно сообща, а не въ разбродъ; уходить въ городъ людямъ имущимъ не слѣдуетъ еще и потому, что право выхода на свободу имъ разрѣшено при условіи уплаты брандъ-инспектору сполна денегъ за продовольствіе въ школѣ, почему, съ уходомъ имущихъ и уплатой ими этихъ денегъ, люди неимущіе попадутъ окончательно въ кабалу нѣмцевъ (брандъ-инспекторъ постановилъ взыскивать съ каждаго плѣннаго, въ томъ числѣ съ дѣтей, по 3 марки, т. е. 1 р. 56 к. въ день—безсовѣстная плата, принимая во вниманіе наше скотское содержаніе, которое не могло обходиться дороже 15—20 коп.).

Въ первыя минуты съ этимъ рѣшеніемъ согласились всѣ: желавшимъ свободы неловко было идти наперекоръ мнѣнію большинства. Но прошелъ часъ-другой, себялюбіе восторжествовало, и въ тотъ же день многіе насъ покинули. Первыми ушли наши милліонеры и, вообще, люди состоятельные, имѣвшіе при себѣ значительныя суммы денегъ. На радостяхъ они безпрекословно уплачивали брандъ-инспектору изрядную сумму за продовольствіе.

Въ теченіе ближайшихъ двухъ-трехъ дней ушло человѣкъ полтораста. На первыхъ порахъ къ намъ доходили слухи, что живется имъ и на свободѣ плохо, что нѣмцы относятся къ нимъ враждебно, что въ одной гостинницѣ нѣмцы-офицеры, подъ угрозой скандала, потребовали у хозяина выселенія всѣхъ поселившихся тамъ русскихъ, что въ другой гостинницѣ были будто бы выбиты стекла въ окнахъ. Но постепенно слухи эти улеглись, и мы узнали, что большинству счастливцевъ, вырвавшихся на свободу, живется болѣе или менѣе сносно. Въ виду того, что съ постепеннымъ уходомъ большого количества сотоварищей—почти всѣхъ имущихъ—сплоченность наша сама собой распадалась, уйти въ городъ рѣшили и всѣ остальные сколько-нибудь имущіе плѣнные, въ особенности, люди женатые. Жизнь на частной квартирѣ, возможность какъ слѣдуетъ вымыться, скинуть залоснившееся платье и надѣть другое, по-человѣчески выспаться на кровати и прилично поѣсть за столомъ—представлялось неимовѣрнымъ счастьемъ! Но, когда на четвертый день я подалъ нашему брандъ-инспектору заявленіе о желаніи выйти изъ школы-тюрьмы и поселиться съ женой въ гостинницѣ—я и другіе мои сотоварищи получили рѣшительный отказъ. Мы опоздали! Какъ мы потомъ узнали, комендантъ, давъ, подъ вліяніемъ вспышки добродушія, разрѣшеніе всѣмъ выходить въ городъ,

превысилъ власть и получилъ жестокій нагоняй отъ высшаго своего начальства изъ г. Альтоны (городъ на берегу Эльбы, гдѣ сосредоточена высшая окружная военнная власть, которой подвѣдомственъ былъ и Ростокъ). Подъ вліяніемъ этой нахлобучки, комендантъ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ плѣннымъ, отмѣнилъ право дальнѣйшаго выхода изъ школы въ городъ, и въ отношеніи успѣвшихъ воспользоваться этимъ правомъ установилъ всякія строгости, предписавъ, чтобы живущіе въ гостиницахъ и на частныхъ квартирахъ безвыходно сидѣли дома въ теченіе круглыхъ сутокъ, за исключеніемъ одного часа времени между 10 и 11 ч. утра, въ теченіе какового времени имъ разрѣшалось выходить въ городъ для покупокъ. Впослѣдствіи оказалось, что, какъ ни тяжко намъ жилось среди всяческихъ лишеній и испытаній въ неволѣ, которой суждено было еще долго продолжаться, но многіе наши товарищи, поселившіеся на частныхъ квартирахъ, намъ позавидовали: живя въ одиночку, какъ бы подъ домашнимъ арестомъ, они изнывали и томились подъ гнетомъ тоски, подавленнаго, постоянно тревожнаго настроенія, при полной почти невозможности получать извѣстія со стороны, впадали въ уныніе, ничѣмъ не могли заняться, тогда какъ мы, привыкнувъ, болѣе или менѣе, къ жестокимъ лишеніямъ, жили обширнымъ обществомъ вмѣстѣ. Обстановка жизни была ужасна, вскорѣ она стала еще хуже, но на людяхъ, какъ говорится, и смерть красна!

Нѣкоторую надежду принесло извѣстіе, что плѣннымъ, заявившимъ себя больными, будетъ учиненъ настоящій медицинскій осмотръ. Дѣйствительно, докторъ Сальке ежедневно внимательно осматривалъ насъ по-очереди, заносилъ больныхъ въ списки съ перечисленіемъ обнаруженныхъ болѣзней и съ отмѣтками—годенъ ли тотъ или иной больной къ несенію военной службы, но составленіе этихъ списковъ ровно ни къ чему не повело. Оно только прибавило намъ лишнія волненія (вообще, съ этого времени началось кропотливое составленіе всевозможныхъ, самыхъ разнообразныхъ списковъ: по вѣроисповѣданію, національности, возрасту, и т. д., и вся эта кропотливая работа, которая изматывала наши нервы, ни къ чему не привела; распоряженія нашихъ властей были удивительно нелѣпы, сумбурны, въ большинствѣ случаевъ противорѣчили одно другому). Даже людей старыхъ, опасно больныхъ, несмотря на старанія доктора Сальке, комендантъ не разрѣшалъ отпускать жить въ городѣ, въ то время, какъ здоровая молодежь жила на свободѣ. Здоровье тяжелобольныхъ рѣзко ухудшалось, нервы напрягались и раздражались до послѣдней степени, слѣдствіемъ чего являлись иной разъ рѣзкія столкновенія съ начальствомъ.

Былъ, между прочимъ, такой случай.

На третьей недѣлѣ плѣна, въ нашу камеру, гдѣ было

нѣсколько посвободнѣе, чѣмъ въ другихъ, перебрался одинъ кавказскій человѣкъ, который почему-то получилъ среди насъ прозвище Карузо. Онъ съ трудомъ ходилъ и жаловался на сильный туберкулезъ ногъ, что подтвердилъ и врачебный осмотръ, причемъ докторъ Сальке тщетно старался добиться для него разрѣшенія жить на частной квартирѣ въ городѣ. Этотъ Карузо былъ прелюбопытный малый. Истый „восточный человѣкъ“, говорившій по-русски съ сильнымъ кавказскимъ акцентомъ, малый молодой и красивый, онъ былъ большой весельчакъ и балагуръ, довольно легко мирившійся съ тягостями нашей подневольной жизни. Море, какъ говорится, было ему по-колѣно, гораздъ онъ былъ на всякую штуку, способенъ на всякій отчаянный поступокъ. Несмотря на крайнія строгости, онъ умудрялся доставать коньякъ и папиросы, которыя ходилъ курить въ подвалъ школы, найдя тамъ укромный уголокъ. Большой ловеласъ, онъ уже намѣчалъ себѣ жертву среди краснощекихъ фрейлейнъ, носившихъ намъ обѣдъ, и съ одной изъ нихъ готовъ былъ уже завести интрижку.

— Помилуйте, Карузо,—убѣждали его,—какъ вы не боитесь: вѣдь поймаетъ васъ солдатъ—разстрѣляетъ.

— Меня поймаетъ?—ухмылялся онъ безпечно:—нѣтъ еще такого нѣмца, который бы меня въ чемъ-нибудь поймалъ. Я нѣмцевъ не боюсь. А вотъ они меня боятся—ого, какъ боятся! Сколько я ихъ уже поколотилъ.

И Карузо разсказывалъ, какъ, живя въ Берлинѣ и посѣщая ночныя кабарэ, онъ, сговорившись съ пріятелями, устраивалъ избіенія нѣмцевъ, почему-либо не пришедшихся ему по вкусу. Побоища эти, начатыя въ стѣнахъ кабарэ, нерѣдко завершались уличной дракой, вмѣшивалась полиція, но бѣдовый восточный человѣкъ, избивъ смертнымъ боемъ десятокъ нѣмцевъ, всегда выходилъ сухъ изъ воды. Жилъ онъ, какъ птица небесная: родители его, люди, видимо, состоятельные, посылали ему деньги съ Кавказа, которыя сынокъ съ легкой душой транжирилъ въ Берлинѣ, гдѣ жилъ все послѣднее время.

— А чѣмъ вы вообще занимаетесь, Карузо?—спросилъ я его однажды.

— На скачкахъ играю,—серьезно отвѣтилъ онъ.—На лошадей ставлю, которыя въ Парижѣ скачутъ.

— Какъ—въ Парижѣ? Вы же въ Берлинѣ живете?

— Ну, такъ что-жъ! Я по телефону играю. Такое бюро въ Берлинѣ есть. Случаются большіе выигрыши. Только тяжелая эта работа.

— Тяжелая?

— Понятно. Встанешь часовъ въ 10, часа три изучаешь по разнымъ справкамъ и записямъ лошадей, которыя скачутъ въ этотъ день, въ часъ идешь въ бюро къ телефону,

дѣлаешь въ Парижъ заказы на ставки, потомъ въ кофейной весь день проторчишь, вечеромъ по телефону узнаешь, успѣхъ или проигрышъ, на радостяхъ или съ горя весело пообѣдаешь, ну, потомъ ночью гдѣ-нибудь часовъ до 5. Тяжелая работа! Сюда я какъ бы на отдыхъ попалъ: чѣмъ не жизнь—лежишь цѣлый день, сходишь покуришь, погуляешь, съ разными людьми поговоришь. Мнѣ и свободы-то особенно не нужно: на что мнѣ она—вѣдь скачки съ наступленіемъ войны прекратились... Вотъ, только ноги болятъ.

Со своимъ туберкулезомъ ногъ, который, вѣроятно, онъ сильно запустилъ, благодаря нелѣпой жизни на свободѣ, безпечный кавказскій человѣкъ, обреченный, видимо, на тяжкія осложненія болѣзни, не унывалъ. Однако, подъ вліяніемъ болѣзни, ему стало невтерпежъ. Однажды, вечеромъ, онъ, въ присутствіи унтера, рѣзко сказалъ военному врачу:

— Я больше жить здѣсь не могу. Вы меня уморите. Вы всѣхъ насъ уморите. Развѣ мыслимо жить въ такой скотской обстановкѣ!

Это, конечно, была сущая правда. Унтеръ такъ и подскочилъ.

— А! Вы смѣете кричать, что мы васъ моримъ! Вы смѣете оскорблять насъ, культурныхъ людей, столь гуманно съ вами обращающихся! Вы забываете, что ваши варвары гноятъ нашихъ благородныхъ братьевъ въ тюрьмахъ и заставляютъ ихъ помирать съ голоду. Ну, такъ мы всѣмъ вамъ покажемъ!

Унтеръ махнулъ солдатамъ съ заряженными ружьями:

— Взять!

Карузо окружили. Мы испугались и за него, и за себя, за нашихъ женщинъ. Исторія, дѣйствительно, могла принять крайне непріятный оборотъ. Всѣмъ намъ велѣно было разойтись по камерамъ, запереть окна и сидѣть безвыходно. Нѣмцы стали невѣроятно грубы. То и дѣло, въ теченіе всей ночи, входили къ намъ солдаты съ заряженными ружьями и свирѣпо, съ звѣрскимъ выраженіемъ лицъ, всѣхъ насъ осматривали. Мы были готовы на все. Ночь прошла почти безъ сна.

Къ коменданту полетѣлъ рапортъ. Карузо отъ волненія слегъ. Ему-то, во всякомъ случаѣ, грозили суровыя послѣдствія. Но его спасъ военный врачъ: вслѣдъ рапорту, въ которомъ унтеръ-офицеръ, понятно, сгустилъ краски, докторъ Сальке послалъ о случившемся свой рапортъ. Вспышку Карузо онъ объяснилъ крайне нервнымъ состояніемъ его, подъ вліяніемъ ухудшившейся болѣзни, какъ слѣдствія дѣйствительно тяжелыхъ условій жизни, и снова настаивалъ на необходимости немедленнаго его освобожденія, какъ равно и всѣхъ тяжело больныхъ. Выпустить бѣднаго Карузо, конечно, не выпустили, какъ не выпустили и другихъ больныхъ, но онъ былъ спасенъ.

Кстати, скажу нѣсколько словъ вообще объ отношеніи къ намъ пожарныхъ и военныхъ, въ бытность нашу въ школѣ. Пожарные, въ общемъ, вели себя сносно и особенныхъ рѣзкостей не позволяли. Но, конечно, отношеніе было пренебрежительно-вѣжливое. А, въ случаѣ надобности, не стѣснялись они и явно проявлять свое пренебреженіе. Такъ, напр., былъ такой случай. Нѣкій г. Н., человѣкъ вполнѣ благовоспитанный, пошелъ въ уборную; за нимъ слѣдомъ направился пожарный. А надо замѣтить, что уборная представляла собой помѣщеніе вообще довольно-грязное, а нашей плѣнной публикой, изъ числа простонародья, приведенное въ довольно-таки неприличный видъ. Пожарники давно поговаривали о томъ, что надо насъ всѣхъ заставить ежедневно чистить уборную, но провести эту мѣру имъ не удавалось, и они были злы на насъ. И вотъ, одинъ изъ нихъ рѣшилъ вымѣстить свою злобу на г. Н. Дождавшись его выхода изъ уборной, пожарникъ молча указалъ ему на ведро и метелку и коротко приказалъ:—„Мыть!“—Н. возмущенно сталъ объяснять, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, но возраженія его были оставлены безъ вниманія, и вымыть уборную, расплатиться за чужіе грѣхи, ему-таки пришлось.

Послѣ этого случая бывали и повторные, когда плѣнныхъ посылали чистить уборную. Во избѣжаніе этого, мы старались во время прогулокъ по двору держаться подальше отъ нея, тѣмъ болѣе, что близкое сосѣдство съ этимъ зловоннымъ помѣщеніемъ, очищавшимся выгребнымъ порядкомъ, бывало не изъ пріятныхъ!

Отношенія къ намъ военныхъ, въ особенности унтеръ-офицеровъ, были уже явно возмутительны. Они были безобразно грубы (даже пускали въ ходъ кулаки, о чемъ разскажу позже), бранились и, что всего хуже, издѣвались надъ нами. Въ видѣ примѣра, приведу два случая.

Г. А—въ, состоятельный кишиневскій купецъ, человѣкъ весьма спокойный, невозмутимый и во всѣхъ отношеніяхъ безобидный, прилегъ однажды въ воскресный день, похлебавъ обѣденную гущу, вздремнуть на свой соломенникъ. Не успѣлъ онъ уснуть, какъ въ камеру ввалился нашъ постоянный унтеръ, подъ прозваніемъ „Пупсикъ“, и другой какой-то военный чинъ, совершенно пьяный. При входѣ одинъ изъ нихъ произнесъ слово „шпіонъ“.

Раздалась команда: „встать!“

Г. А—въ вскочилъ. Нѣмцы въ упоръ разглядывали его.

— Въ которомъ часу выѣхали изъ Берлина?—послѣдовалъ неожиданный вопросъ.

Съ того времени прошло уже болѣе 2 недѣль, и допрашиваемый растерялся.

— Въ восемь,—отвѣтилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, не въ восемь, а въ половинѣ девятаго,—грубо возразилъ допросчикъ.

— Да, кажется, въ половинѣ девятаго,—скромно согласился г. А—въ.

— А, вамъ—кажется!—насмѣшливо возразилъ допросчикъ и сталъ что-то записывать въ книжку.—Я васъ выучу, чтобы вамъ не казалось. Сколько пуговицъ на жилетѣ?

Г. А—въ окончательно растерялся при этомъ нелѣпомъ вопросѣ и безпомощно посмотрѣлъ на свой въ чемъ-то провинившійся жилетъ. Пьяный нѣмецъ вслухъ сосчиталъ пуговицы, записалъ счетъ ихъ въ книжку, какъ говорится, съѣлъ допрашиваемаго глазами и вышелъ, грозно хлопнувъ дверью. Все это было сплошнымъ издѣвательствомъ.

Вспомню еще случай. Однажды, когда одна изъ камеръ улеглась вечеромъ на покой, причемъ многіе не могли заснуть, благодаря сильному, яркому газовому свѣту, старшина камеры, г. Д-скій, по просьбѣ сосѣдей, немного приспустилъ огонь въ рожкахъ, настолько, впрочемъ, что въ камерѣ продолжало быть достаточно свѣтло. Вскорѣ вошелъ „Пупсикъ".

— Кто смѣлъ приспустить свѣтъ?—грозно крикнулъ онъ, не считаясь съ тѣмъ, что камера уже спала.

Старшина поднялся.

— Это я позволилъ себѣ сдѣлать, потому что рѣзкій свѣтъ не давалъ спать больнымъ и женщинамъ.

— А, вы?! Какъ фамилія?

Старшина назвалъ себя.

— Какъ?—переспросилъ Пупсикъ.

Г. Д-скій повторилъ.

Унтеръ подошелъ къ газовому рожку, пустилъ свѣтъ полнымъ пламенемъ и, проходя мимо старшины, въ 3-й разъ спросилъ.

— Какъ фамилія?

Возмущенный г. Д-скій, продолжая, однако, владѣть собой, спокойно сказалъ:

— Я вамъ уже два раза назвалъ свою фамилію.

— А, грубить?!—гнѣвно бросилъ Пупсикъ и вышелъ, хлопнувъ, по обыкновенію, дверью.

На слѣдующій день утромъ всѣмъ плѣннымъ приказано было собраться во дворѣ. Явилось начальство—сынъ коменданта Трескоу, молодой офицеръ, столь же непріятный, какъ и его отецъ. Послѣдовало распоряженіе внимательно прослушать чтеніе приказа коменданта. Трескоу прочелъ приказъ на нѣмецкомъ языкѣ, затѣмъ принудилъ двоихъ изъ плѣнныхъ объявить содержаніе этого приказа на русскомъ и польскомъ языкахъ. Приказъ гласилъ, что г. Д-скій, за крайне грубое обращеніе съ унтеръ-офицеромъ и явное

неповиновеніе ему, подвергается на первый разъ легкому взысканію—трехдневному „среднему“ аресту.

— Впредь же,—сказалъ въ заключеніе Трескоу,—за малѣйшее неповиновеніе унтеръ-офицеру, всякій, въ томъ провинившійся, будетъ подвергаться строжайшимъ взысканіямъ по законамъ военнаго времени.

Злополучнаго г. Д-скаго тотчасъ окружила стража, которая и отвела его подъ арестъ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что по дорогѣ и стража, и прохожіе издѣвались надъ нимъ; заперли его въ почти темное помѣщеніе, въ которомъ стояла только голая скамейка; пищу составляли кружка воды и кусокъ чернаго хлѣба утромъ и вечеромъ.

— Это вамъ по особой милости хлѣбъ даютъ два раза въ день,—объяснилъ узнику приставленный къ нему стражникъ:—по настоящему, при „среднемъ“ арестѣ, хлѣбъ полагается разъ въ сутки.

Черезъ три дня г. Д-скій вернулся къ намъ, нравственно совершенно измученный.

Къ счастью, какъ я выше упомянулъ, мы скоро освободились отъ власти коменданта Трескоу и его сына: они оба пошли на войну и были убиты въ первомъ же сраженіи. Пупсикъ же, къ несчастью, остался съ нами. Въ заключеніе настоящей главы, скажу нѣсколько словъ о немъ.

Молодой нѣмчикъ, лѣтъ 25-ти, онъ до призыва на войну служилъ корреспондентомъ въ какой-то экспортной конторѣ въ Швеціи, зналъ нѣсколько словъ на французскомъ, шведскомъ и русскомъ языкахъ и считалъ себя поэтому вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ, но эта интеллигентность была весьма дешеваго сорта. Нагло самоувѣренный, дерзкій, грубый, малый—крѣпышъ, съ „смазливымъ“ лицомъ, онъ импонировалъ женщинамъ и часто хвастался своими романами съ соотечественницами. И нѣкоторыя наши плѣнницы, изъ числа легкомысленныхъ, дарили его нѣкоторымъ вниманіемъ. Одна же, съ роскошнымъ парикомъ злато-рыжихъ волосъ, окончательно покорила его сердце, и нашъ унтеръ признавался, что, когда насъ отпустятъ на волю, онъ не снесетъ разлуки и бѣжитъ въ Россію вслѣдъ за очаровательницей. Но, повидимому, онъ излѣчился отъ своей, кажется, не совсѣмъ безнадежной страсти, когда одинъ злой язычекъ открылъ ему тайну красоты злато-рыжихъ волосъ...

За свою влюбчивость, нашъ легкомысленный херувимообразный унтеръ и получилъ прозвище „Пупсикъ“.

VI.

Недѣля въ загородномъ кафешантанѣ.

Третья пятница, которую мы проводили въ ростокской школѣ, была для насъ днемъ знаменательнымъ: въ этотъ

день (8 августа) наступила перемѣна въ нашемъ житьѣ-бытьѣ. Объ этой предстоявшей намъ перемѣнѣ настойчиво поговаривали всѣ послѣдніе дни. Говорили, что зданіе школы нужно нѣмцамъ для устройства въ немъ лазарета для раненыхъ и что поэтому насъ переведутъ въ другое мѣсто: кто говорилъ—въ какую-то глухую деревушку, кто—въ военный лагерь, кто—въ казармы.

Подняли насъ наканунѣ знаменательнаго дня раньше обыкновеннаго и приказали выстроиться во дворѣ. Часовъ въ 7 появилось новое начальственное лицо. Это былъ грузный офицеръ, съ толстымъ низколобымъ лицомъ чувственнаго выраженія, производившій общее впечатлѣніе тупого, ограниченнаго человѣка. Какъ мы тутъ же отъ солдатъ узнали, звали его лейтенантомъ Викерсомъ; онъ былъ призванъ изъ запаса, а до этого служилъ по полиціи, въ должности слѣдственнаго чиновника.

Вставъ на скамейку, лейтенантъ приказалъ приблизиться къ нему. Какъ-то непрерывно раскачиваясь, словно танцуя на пальцахъ ногъ, онъ обратился къ намъ съ рѣчью.

— Съ сегодняшняго дня вы выходите изъ-подъ власти гражданскаго пожарнаго начальства и вступаете исключительно подъ власть военнаго начальства, въ моемъ лицѣ. Надѣюсь, что, въ силу этого, жизнь ваша упорядочится. Завтра васъ переведутъ въ загородный локаль (помѣщеніе), гдѣ вамъ будетъ предоставлено больше свободы. Приму мѣры къ улучшенію вашего питанія. Возможно, что мнѣ даже удастся выхлопотать вамъ право курить. Всѣ мужчины будутъ помѣщаться вмѣстѣ, на нарахъ, въ одномъ общемъ залѣ, женщины—на нарахъ же въ отдѣльномъ помѣщеніи. Возможность спать на нарахъ, а не на полу, покажется вамъ, вѣроятно, пріятной. Днемъ вы будете сходиться для общей ѣды. Требую строжайшаго подчиненія. Завтра послѣ обѣда вы двинетесь въ путь. Вещи ваши могутъ быть перевезены на телѣгѣ за плату 50 пфенниговъ (25 коп.) за каждое мѣсто. За продовольствіе и помѣщеніе съ васъ будетъ взиматься полторы марки въ день (75 коп.). Неимущіе будутъ отправлены на общественныя работы.

Рѣчь эта была сказана въ довольно приличномъ тонѣ, и, хотя самъ Викерсъ производилъ впечатлѣніе грубаго и глупаго малаго, но намъ показалось, что съ нимъ можно будетъ ладить. Мы жестоко ошиблись.

Спозаранку поднялись мы въ слѣдующее утро: надо было уложить наши немудренныя пожитки, все благопріобрѣтенное тюремное хозяйство, весьма цѣнное въ нашемъ положеніи—всякія суповыя миски, тазы для умыванія, кружки, ложки, а, главное, перемѣтить и связать наши мѣшки, набитые соломой, т. к. намъ и впредь предстояло на нихъ спать.

Похлебавъ въ послѣдній разъ отвратительную суповую

гущу съ волокнами разложившагося мяса, мы вооружились нашими пожитками и стали ждать распоряженій. Вскорѣ намъ приказано было перейти въ сосѣдній пожарный дворъ, гдѣ мы должны были соединиться съ нашими товарищами, жившими въ навигаціонной школѣ. Появился Викерсъ, въ походной формѣ, въ сопровожденіи неизмѣннаго Пупсика. Велѣно было проходить мимо начальства съ пожитками и уплачивать за нихъ, по количеству мѣстъ. Какъ бы ни было мало мѣсто, за него брали 50 пфенниговъ. Большинству приходилось уплачивать въ среднемъ по $1^1/_2$—2 марки (75 к.—1 рубль). Это былъ явный грабежъ: какъ оказалось, до новаго мѣста нашего жительства было всего версты двѣ разстоянія, общая для всѣхъ пожитокъ телѣга не могла стоить дороже 10—15 марокъ (5—8 рублей), а собралъ съ насъ Викерсъ, вѣроятно, нѣсколько сотенъ марокъ. Вообще, этотъ „доблестный“ офицеръ оказался мастеромъ выколачивать деньги, и въ этомъ и заключались въ будущемъ главныя его обязанности. Съ жадно горѣвшими глазами, онъ осматривалъ багажъ каждаго плѣннаго, проходившаго мимо него, и, боясь просчитаться въ количествѣ пожитковъ, считалъ, пересчитывалъ, кипятился, оралъ, становился грубымъ звѣремъ. Одна изъ женщинъ, не понявшая, куда ей слѣдуетъ идти съ чемоданомъ и картонками, была вразумлена ударомъ кулака.

Наконецъ, пожитки наши были строго сосчитаны и насъ выстроили во дворѣ.

Тутъ неожиданно началась гроза, пошелъ страшный ливень. Викерсъ съ солдатами поторопился укрыться подъ крышу пожарнаго сарая, мы же и наши чемоданы, которыхъ не позаботились прикрыть, вымокли до того, что все наше платье, бывшее въ чемоданахъ, оказалось впослѣдствіи совершенно испорченнымъ, а сами чемоданы, насквозь промокшіе, стали ни на что не годны. Наконецъ, насъ догадались загнать въ сарай, но это было уже лишнее: мы насквозь промокли.

Когда гроза пронеслась и дождь стихъ, насъ снова выстроили во дворѣ, и намъ было сказано краткое, но вразумительное напутственное слово:

— Держаться другъ-друга тѣсно. Если кто шагнетъ въ сторону,—стрѣлять по всѣмъ безъ разбору. А вы—кивокъ въ сторону солдатъ—не зѣвать!

Защелкали ружейные затворы—солдаты особенно щеголевато и отчетливо въ устрашеніе насъ зарядили ружья. Это была глупая и пошлая комедія: кому изъ насъ—истощеннымъ, больнымъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами, могло придти въ голову бѣжать! Я лично, выйдя въ этотъ день впервые за предѣлы нашего двора, чувствовалъ себя такъ, точно вышелъ впервые на воздухъ послѣ дол-

гой изнурительной болѣзни: ноги подкашивались и сердце учащенно билось.

Жалкіе, промокшіе тронулись мы по улицамъ Ростока, доставляя огромное удовольствіе собравшимся поглазѣть на насъ нѣмцамъ. Впереди, торжествуя и издѣваясь, бѣжали мальчишки. Изъ оконъ кое-гдѣ боязливо выглядывали знакомыя лица нашихъ сотоварищей, жившихъ на свободѣ. Вѣроятно, зрѣлище нашего прохожденія производило весьма печальное впечатлѣніе: знакомые глядѣли на насъ съ состраданіемъ и, кивнувъ головой, торопились скрыться. Безпокоились они и за свою участь: пошли слухи, что всѣ, ранѣе освобожденные, будутъ снова подвергнуты заключенію вмѣстѣ съ нами.

Двадцать минутъ ходьбы—и мы въ новомъ нашемъ тюремномъ помѣщеніи. Это было большое одноэтажное кирпичное зданіе съ высокой четыреугольной башней, на верхушкѣ которой значилось названіе этого излюбленнаго загороднаго увеселительнаго мѣста ростокскихъ жителей. Называлось оно „Бель-вю“ (т. е. по-французски—„красивый видъ“). Въ тотъ же день это названіе было переименовано въ „Вильгельмсбургъ“—замокъ Вильгельма. И то, и другое названія были, въ сущности, вполнѣ удачными: видъ на пригородные луга, дѣйствительно, открывался красивый (если бы его не портили всюду торчавшія и зловонно чадившія фабричныя трубы); что касается второго названія, то нѣмцы, зная склонность своего кайзера къ пиву, достаточно удачно назвали его именемъ это злачное мѣсто. Мы имѣли удовольствіе тотчасъ по приходѣ полюбоваться слѣдующей любопытнѣйшей картинкой: на эстрадѣ, гдѣ въ дни гуляній игралъ оркестръ музыки, патріоты-нѣмцы воздвигли теперь бѣлый бюстъ своего Вильгельма, и для того, чтобы онъ торжественнѣе красовался, они не нашли ничего приличнѣе и остроумнѣе, какъ водрузить его, увѣнчавъ цвѣтами голову, на... пивную бочку, на высотѣ которой повелитель пивной страны горделиво красовался съ своими задранными кверху усами. Безъ смѣха мы не могли смотрѣть на это удивительно остроумное сооруженіе тупоголовыхъ патріотовъ...

Тотчасъ же, по нашемъ приходѣ, нѣмцы не замедлили постараться поразить насъ бурнымъ, но явно искусственнымъ проявленіемъ своихъ патріотическихъ чувствъ. Дѣло въ томъ, что въ самое зданіе предназначеннаго для насъ загороднаго—деликатно выражаясь—„локаля“ для танцевъ или, вѣрнѣе, кафешантана, каковой представлялъ собою „Бель-вю“, насъ не сразу впустили: тамъ заканчивалась постройка возводимыхъ для насъ наръ. Часа два намъ пришлось прождать въ небольшомъ саду, отдѣлявшемъ главное зданіе отъ стоявшаго напротивъ меньшаго, въ мирное время

предназначеннаго для игры въ кегли, а съ началомъ войны отведенное для постоя призванныхъ ландштурмистовъ, въ непосредственной близости съ которыми намъ, такимъ образомъ, предстояло жить: участь, показавшаяся весьма мало пріятной. Такъ вотъ, какъ только мы пришли, лейтенантъ Викерсъ поспѣшилъ прочесть солдатамъ послѣднія сообщенія мѣстной лживой газетки о какой то пустяшной, но раздутой до огромныхъ размѣровъ, побѣдѣ нѣмцевъ во Франціи. Викерсъ провозгласилъ „хохъ!"—полетѣли шапки, солдаты нестройно затянули какую-то національную пѣсню и къ вящему удовольствію горделиво глядѣвшаго съ высоты пивной бочки кайзера, заорали: „долой французовъ, долой англичанъ"! (русскихъ, во избѣжаніе недоразумѣній, Викерсъ запретилъ имъ поминать). Солдаты орали и махали шапками, но искренней воинственной настроенности въ этихъ вовсе невоинственныхъ ландштурмистахъ—людяхъ старыхъ, неохотно шедшихъ служить кайзеру, замѣтно не было. Вообще, какъ вскорѣ оказалось, наши опасенія по поводу сожительства съ ландштурмистами и могущихъ проистечь отсюда недоразумѣній—не оправдались: съ ними можно было ладить, они въ душѣ сознавали нелѣпость затѣянной Вильгельмомъ войны и, оторванные по произволу своего воинственнаго кайзера отъ семей и трудового порядка жизни, разсуждали здраво и не кичились мнимымъ несокрушимымъ могуществомъ своего фатерланда. Выйдешь, бывало, впослѣдствіи, на восходѣ солнца изъ душнаго кафешантана въ садъ, сядешь, устремивъ глаза въ сторону подернутыхъ дымкой тумана пригородныхъ луговъ, слышится жиханье натачиваемой косы, доносится свѣжій ароматъ сѣна, вспомнишь родину, близкихъ, взгрустнется, и, вдругъ, подойдетъ какой-нибудь пожилой брюханъ-ландштурмистъ, пойметъ настроеніе, имъ самимъ переживаемое, и, какъ человѣкъ къ человѣку, обратится:

— Живется какъ?.. Да, да, тяжело... Видно, семья, дѣти на родинѣ остались?... Какъ же это не поспѣли вернуться?... Лѣчились у насъ? Та-акъ!.. А у меня тоже вотъ жена, дѣти остались... Что-то будетъ!.. Да-да, суровое дѣло война...

Задумается, вздохнетъ и отойдетъ неохотно подъ лающій окрикъ ретиваго унтера изъ молодыхъ.

Однако, я уклонился отъ нити моего разсказа. Лишь только нѣмцы прокричали свое „долой французовъ и англичанъ", мы стали свидѣтелями незначительнаго, но любопытнаго случая.

Среди насъ, съ самаго начала плѣна, жилъ нѣкій Фраткинъ, личность чрезвычайно подозрительная, русско-еврейско-нѣмецкаго происхожденія. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ мерзко заискивалъ и низкопоклонничалъ передъ начальствомъ, явно льнулъ къ нѣмцамъ, шептался о чемъ-то

таинственно съ солдатами, унтерами, брандъ-инспекторомъ, съ которымъ дружилъ, и офицерами, а за спиной ругательски ругалъ ихъ. Не разъ мы ему намекали на недопустимость его поведенія, но Фраткинъ дѣлалъ видъ, что намековъ не понимаетъ и продолжалъ свою двойную игру. Мы считали его сыщикомъ, подосланнымъ къ намъ нѣмцами, и знакомства съ нимъ никто не водилъ. Плѣшивый, хотя и молодой, весь какой-то мерзенькій, съ лицомъ отталкивающаго вида, онъ везъ съ собою какую то молоденькую, весьма миловидную, стройную нѣмку, взятую имъ, какъ мы случайно узнали, въ невѣсты изъ пивного трактира, гдѣ она служила прислугой. Эта пара казалась чрезвычайно странной и своимъ несоотвѣтствіемъ производила гадкое впечатлѣніе. Фраткинъ былъ неразлученъ и приторно нѣженъ со своей спутницей; казалось, должны были существовать особыя условія, въ силу которыхъ эта свѣжая, миловидная дѣвушка не только терпѣла, но, по крайней мѣрѣ по видимости, поощряла слащавыя ухаживанія своего омерзительнаго спутника. Звали мы его „котелкомъ", каковое прозвище ему было дано, благодаря обращавшей на себя всеобщее вниманіе какой-то нелѣпой маленькой кургузой шляпѣ-котелку, смѣшно торчавшей на его громоздкой безволосой головѣ.

Такъ вотъ, лишь только нѣмцы прокричали свое „долой французовъ и англичанъ", Фраткинъ подошелъ къ нимъ, и многіе слышали, какъ онъ подобострастно говорилъ:

— Хорошо, значитъ, поколотили французовъ? Такъ имъ и надо. Дай Богъ скорѣй и до русскихъ добраться. Давно пора. Я, вѣдь, собственно не русскій, я всей душой на сторонѣ нѣмцевъ.

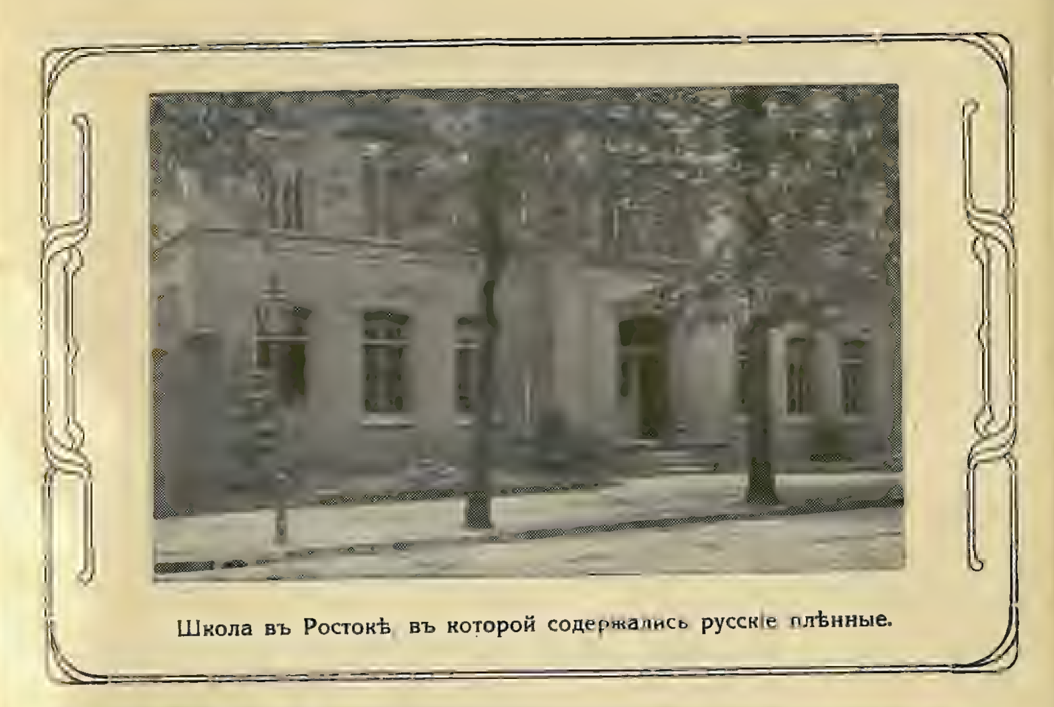
Затѣмъ, обернувшись къ намъ, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, заявилъ:

— Вотъ, мерзавцы-нѣмцы! Хвалятся, что скоро нашихъ русскихъ бить начнутъ. Ну, я имъ, конечно, отвѣтилъ, что нужно.

Мерзкая выходка эта сошла съ рукъ Фраткину потому, что намъ приказано было разбирать наши мѣшки-соломенники, прибывшіе на возу. Въ начавшейся тутъ невѣроятной суматохѣ снова произошелъ любопытный случай, но уже не съ самимъ „котелкомъ", а съ его спутницей: во время сумотохи она не во время попалась подъ руку суетливо распоряжавшемуся лейтенанту Викерсу, успѣвшему уже хватить нѣсколько рюмокъ коньяку и кружекъ пива, и онъ ударомъ кулака сшибъ ее съ ногъ, въ полной, конечно, увѣренности, что имѣетъ дѣло съ русской. Нѣмка подняла визгъ и плачъ.

— Я нѣмка!—кричала она.—Вы не имѣете права бить нѣмку!

Свой своя не познаша! Викерсъ поспѣшилъ извиниться, сказавъ, что, если бы онъ былъ освѣдомленъ о германскомъ

Школа въ Ростокѣ, въ которой содержались русскіе плѣнные.

Загородный кафе-шантанъ „Бель-вю“ въ Ростокѣ, въ которомъ содержались русскіе плѣнные.

происхожденіи пострадавшей, такъ, конечно, не оскорбилъ бы ея. Подбѣжавшій „женихъ", нисколько не обидѣвшись за свою „невѣсту", съ подобострастной улыбочкой на мерзенькомъ лицѣ разсыпался въ любезностяхъ, и вопросъ былъ исчерпанъ. Но германскій лейтенантъ какъ-никакъ попалъ въ глупое положеніе. Свою злость по этому поводу онъ не замедлилъ излить на одномъ пожиломъ, жалкомъ, безобиднomъ евреѣ, отцѣ несчастной больной 12-тилѣтней дѣвочки (перенесшей недавно тяжелую операцію), которую отцу постоянно приходилось носить на рукахъ: торопясь найти для дѣвочки мѣсто на нарахъ, еврей какъ-то не въ очередь направился разыскивать свой мѣшокъ-соломенникъ и получилъ за это увѣсистый ударъ по лицу. Германскій лейтенантъ могъ успокоиться: побитая нѣмка была отомщена, справедливость была возстановлена!

Со спокойной душой лейтенантъ направился въ буфетъ продолжать прерванное пьянство. Къ вечеру, когда мы разобрались въ вещахъ и нашли себѣ мѣста на нарахъ, нашъ начальникъ былъ совершенно пьянъ. Его достойный помощникъ, Пупсикъ, послѣдовалъ примѣру начальства: они бражничали вмѣстѣ.

VI.

Страшная ночь.

Новое мѣсто нашего заключенія представляло весьма любопытное помѣщеніе.

Это былъ очень обширный залъ съ рядомъ оконъ на верху, въ одномъ концѣ котораго находилась буфетная стойка съ продажей пива, вина и закусокъ, а въ противоположномъ концѣ — сцена съ спускавшимся надъ ней бархатнымъ занавѣсомъ. До нашего поселенія въ „Бель-вю", въ этомъ залѣ ростокскіе обыватели бражничали и плясали, на сценѣ играла музыка и происходили всякаго рода увеселенія. Теперь во всю длину зала, съ одной стороны ея, были воздвигнуты нары въ два яруса, и такія же нары въ 3 яруса были построены на самой сценѣ. Лежать на нихъ было чрезвычайно неудобно: онѣ были очень коротки, такъ что ноги сосѣда, лежавшаго сзади, упирались въ голову лежавшаго спереди, а ноги передняго свѣшивались за нары; онѣ были и очень узки: ночью сосѣди, лежавшіе съ боковъ, напирали съ двухъ сторонъ, положить вещей рѣшительно было некуда, и, въ довершеніе удовольствія, вся эта постройка, кое-какъ наспѣхъ сколоченная изъ тонкихъ досокъ, недостаточно прочно скрѣпленныхъ, качалась отъ малѣйшаго движенія, грозила рушиться и похоронить подъ собою плѣнныхъ, лежавшихъ въ нижнихъ ярусахъ.

Первая ночь нашей жизни въ Бель-вю прошла неспокойно. Часовъ до двухъ ночи къ буфетной стойкѣ то и дѣло подходили пить пиво солдаты, которые не стѣснялись громко разговаривать и курить зловонныя сигары. Отъ дыма этихъ сигаръ, пыли, поднятой вечеромъ при разборѣ и переноскѣ нашихъ мѣшковъ-соломенниковъ, и отъ пивного запаха воздухъ былъ такой, что въ немъ, какъ говорится, топоръ могъ висѣть.

Не въ лучшемъ положеніи оказались наши дамы: имъ были отведены въ башнѣ двѣ небольшихъ комнаты, гдѣ онѣ валялись на полу въ повалку, спина къ спинѣ. Обѣщанныя нары для нихъ не успѣли еще построить, и онѣ отъ постройки ихъ сами отказались, убѣдясь насколько опасное и неудобное сооруженіе сколочено было для мужчинъ.

Проснулись мы чуть свѣтъ. Начались новыя разочарованія. Оказалось, что на все множество плѣнныхъ имѣлся *одинъ* небольшой умывальникъ, помѣщавшійся въ одной комнатѣ съ отхожимъ мѣстомъ, разсчитаннымъ на два человѣка. Можно себѣ представить, какія, благодаря этому, проистекали неудобства! Мыться приходилось, въ лучшемъ случаѣ, кое-какъ, да и то дожидаться очереди иной разъ надо было часовъ по пяти. Не разъ, вставъ въ 5—6 часовъ утра, мнѣ случалось мыться уже днемъ, послѣ обѣда. Кромѣ того, благодаря тѣснотѣ въ умывальной-уборной, грязь тамъ бывала необычайная.

Всѣ эти и многія другія неудобства составили въ тотъ же день предметъ горячаго обсужденія нашихъ старостъ. Кстати замѣчу, что ко времени перехода въ Бель-вю наше выборное самоуправленіе вполнѣ наладилось: всѣми нашими дѣлами управлялъ совѣтъ старостъ подъ предсѣдательствомъ старшаго старосты — старшины, каковыя хлопотливыя обязанности принялъ на себя и непрерывно несъ въ теченіе всего времени нашего плѣненія очень дѣльный, энергичный человѣкъ, инженеръ и докторъ философіи, г. Каценельсонъ. Прекрасно владѣя нѣмецкимъ языкомъ, старшина велъ переговоры по всѣмъ нашимъ дѣламъ съ начальствомъ, былъ нашимъ предстателемъ и заступникомъ. Онъ былъ признанъ въ должности старшины военнымъ начальствомъ, которое по всякаго рода дѣламъ исключительно къ нему и обращалось. Хлопотъ у старшины было чрезвычайно много; въ этихъ хлопотахъ проходилъ у него весь день, съ утра до ночи.

Признанъ былъ оффиціально начальствомъ и совѣтъ старостъ. Совѣтъ собирался для обсужденія всевозможныхъ вопросовъ, касавшихся распорядка нашей внутренней жизни: установленія дежурныхъ по уборкѣ нашего помѣщенія, ночныхъ дежурствъ, сбору денегъ съ имущихъ для покупки хлѣба неимущимъ, установленія порядка при раздачѣ обѣдовъ, и т. п. Были старосты, несшіе особыя обязанности.

Такъ, директоръ русско-азіатскаго банка въ Харбинѣ, князь Кугушевъ, былъ нашимъ казначеемъ, завѣдывалъ сборомъ денегъ на всякія нужды, закупалъ хлѣбъ для неимущихъ и проч.; докторъ Розенцвейгъ (завѣдывавшій одной изъ земскихъ больницъ на югѣ Россіи), дѣльный, хорошій врачъ и сердечный человѣкъ, былъ нашимъ старшимъ врачомъ, завѣдывавшимъ при помощи другихъ сотоварищей-врачей нашей врачебно-санитарной частью, и т. д.

Въ первый же день жизни въ Бель-вю старшина обратилъ вниманіе лейтенанта Викерса на опасность, какую представляли качавшіяся при всякомъ движеніи нары, и на крайнія неудобства умывальной-уборной. Лейтенантъ обѣщалъ принять мѣры, построить новую просторную уборную и распорядился сколотить нары. Сколотили ихъ въ тотъ же день, но сдѣлали это тоже кое-какъ, и послѣдствія возмутительно небрежнаго обращенія къ столь важному вопросу не замедлили сказаться.

Случилось это, кажется, въ третью ночь нашего пребыванія въ Бель-вю. Эта ночь, страшная ночь, никогда, вѣроятно, не изгладится изъ памяти пережившихъ ее.

Былъ 10-ый часъ на исходѣ. Мы уже разлеглись по нашимъ нарамъ, съ каждымъ днемъ все больше качавшимся. Погасили электричество въ большой люстрѣ, висѣвшей посреди зала. Пора было спать, но мѣшалъ шумъ голосовъ, доносившійся отъ буфетной стойки, гдѣ бражничали нѣмцы-солдаты и одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ, нѣкій И-чъ, караимъ, кажется, одесситъ по происхожденію, недавно получившій, какъ говорили, крупное наслѣдство и поѣхавшій за границу спускать его. Это былъ человѣкъ неинтеллигентный, грубый, дерзкій, съ отталкивающей наружностью. Со времени перехода въ Бель-вю, пользуясь предоставленнымъ намъ правомъ пить пиво, онъ занимался пивопитіемъ съ ранняго утра, выпивалъ кружекъ до 50 въ день и къ вечеру становился буенъ и хмѣленъ. Наши старосты, обративъ вообще вниманіе увлекавшейся молодежи на недопустимость чрезмѣрнаго поглощенія пива, И-чу настойчиво предлагали остепениться, во избѣжаніе непріятныхъ для него послѣдствій. Несмотря на это предупрежденіе, И-чъ въ этотъ вечеръ снова напился. Такъ какъ часъ былъ поздній, то старшина подошелъ къ нему съ рѣшительнымъ требованіемъ окончить бражничанье. Тотъ не послушался. Волей-неволей, старшинѣ пришлось обратиться къ содѣйствію дежурнаго унтеръ-офицера, но И-чъ и того не послушался, сталъ дерзко возражать. Унтеръ-офицеръ выхватилъ револьверъ и выбилъ изъ рукъ И-ча кружку. Разсвирѣпѣвъ, И-чъ направился къ своимъ нарамъ. Несмотря на строгій запретъ курить въ помѣщеніи для спанья (съ переходомъ въ Бель-вю намъ разрѣшено было курить на дворѣ), И-чъ, улегшись на соломенникъ,

4*

сталъ закуривать папиросу. Въ виду явной опасности въ смыслѣ пожара, всѣ ближайшіе сосѣди повскакали и потребовали, чтобы И-чъ немедленно прекратилъ куреніе.

Все это произошло въ далекомъ отъ сцены (гдѣ я спалъ) концѣ продольнаго ряда наръ, и шумъ перебранки съ И-чемъ, по поводу закуренной имъ папиросы, до насъ не долетѣлъ. Мы уже начали засыпать. Вдругъ, среди наступившей тишины послышался во мракѣ ночи зловѣщій продолжительный трескъ. Мы, спавшіе на нарахъ на сценѣ, вскочили. Неудержимый страхъ овладѣлъ нами: сомнѣнія не могло быть — то рушился весь рядъ продольныхъ наръ. Раздался общій крикъ ужаса. Тотчасъ вбѣжали унтеръ-офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ и солдаты съ заряженными ружьями наперевѣсъ. Не зная, въ чемъ дѣло, предполагая, не бунтъ ли поднялся среди насъ, солдаты готовы были стрѣлять. Къ счастью, кто-то догадался зажечь электричество въ главной люстрѣ. Когда залъ освѣтился, раздался новый крикъ ужаса, картина представилась страшная: весь второй ярусъ наръ во всю огромную длину зала обрушился, придавивъ спавшихъ въ первомъ ярусѣ. Прибѣжали изъ своихъ комнатъ на смерть испуганныя, полуодѣтыя, простоволосыя дамы, которымъ кто-то успѣлъ сообщить ложный слухъ, будто солдаты насъ разстрѣливаютъ. Паника поднялась невообразимая. Женщины рыдали, теряли сознаніе.

Стали извлекать придавленныхъ нашихъ сотоварищей. Къ счастью, дѣло обошлось благополучно, раненыхъ оказалось не много. Случилось это потому, что, во время крушенія наръ, многіе еще не спали и успѣли соскочить. Случись это получасомъ позже, убитыхъ и искалѣченныхъ было бы множество. Какъ говорили, непосредственнымъ виновникомъ несчастья былъ закурившій папиросу И-чъ: когда сосѣди вскочили съ требованіемъ, чтобы онъ погасилъ папиросу, едва державшіяся крайнія нары не выдержали сотрясенія и рушились, увлекая весь слѣдующій рядъ. Понятно, будь нары сколько-нибудь сносно построены, ничего подобнаго не случилось бы.

Мы принялись извлекать пострадавшихъ, причемъ во множествѣ сбѣжавшіеся караульные солдаты не только не помогали намъ, но, равнодушно стоя въ сторонѣ, злорадно посмѣивались. Унтеръ-офицеръ и тотъ не предпринялъ рѣшительно никакихъ распорядительныхъ мѣръ. Наши же старосты, и въ особенности старшина, оказались на высотѣ призванія: хладнокровно, разумно, спокойно отдавали они распоряженія и личнымъ примѣромъ вліяли успокоительно на многихъ потерявшихъ самообладаніе плѣнныхъ.

Когда пострадавшимъ была подана первая помощь и наши дамы были приведены въ чувство и успокоены, нѣко-

торыя изъ нихъ заявили, что во время начавшейся паники, когда онѣ кинулись къ намъ, караульные солдаты устремились на женскую половину и, пользуясь давкой на лѣстницѣ, нѣсколькихъ женщинъ оскорбили, обнимая ихъ, и т. п.

Возмущенные до крайности мерзкимъ поведеніемъ нѣмцевъ во время всей этой страшной исторіи, не скоро мы успокоились. Наконецъ, старосты распорядились, чтобы мы разложили на полу всѣ мѣшки-соломенники, какъ снятые съ уцѣлѣвшихъ наръ, такъ и извлеченные изъ-подъ обрушившихся, и чтобы мы ложились спать. Но заснуть было мудрено. Пыль въ залѣ стояла столбомъ, на полу сильно дуло, лежать было неудобно. Однако, усталость взяла свое, мы стали засыпать.

И вотъ, только что я задремалъ, какъ въ наступившей тишинѣ послышалось, вдругъ, жуткое восклицаніе: „огонь, пожаръ!“ Я открылъ глаза. Дѣйствительно, въ высоко расположенномъ окнѣ показалось какое-то синеватое зловѣщее пламя. Сомнѣній не было—начинался пожаръ. Всѣ въ ужасѣ вскочили. Еще мгновеніе—и снова началась бы паника, которая на этотъ разъ могла бы окончиться страшнымъ несчастіемъ. Но раздался спокойный, раздѣльно-увѣренно произносившій слова голосъ нашего старшины:

— Господа, явной опасности пока нѣтъ. Не терять головы, выходить по одному, сквозняковъ не дѣлать!

Я вышелъ первымъ и опрометью кинулся наверхъ въ женскую половину успокоить женщинъ, осторожно предупредивъ ихъ о новой бѣдѣ. Начались опять волненія, снова сбѣжались солдаты съ ружьями. Къ счастью, Богъ насъ хранилъ: во-время замѣченный пожаръ вскорѣ былъ погашенъ. Какъ оказалось, загорѣлся электрическій вентиляторъ, пущенный въ ходъ послѣ крушенія наръ, въ виду поднявшейся пыли.

Остатокъ ночи прошелъ, разумѣется, почти безъ сна. Воздухъ въ залѣ былъ отчаянный: къ пыли примѣшался ѣдкій запахъ гари. Многіе не въ силахъ были заснуть въ убѣжденіи, что надъ нами стрясется еще какая-нибудь третья бѣда, что пережитыя нами бѣды являются слѣдствіемъ злонамѣренныхъ нѣмецкихъ каверзъ. Конечно, это было не такъ: явнаго злого умысла въ дѣлѣ крушенія наръ и въ начавшемся пожарѣ нѣмцы не проявили, но, повторяю, поведеніе ихъ по отношенію къ намъ въ эту злополучную ночь было во всѣхъ отношеніяхъ отвратительнымъ: они не только не проявили помощи или участія, но явно злорадствовали и даже позволили себѣ въ такія минуты оскорблять нашихъ женщинъ.

Вернусь къ крушенію наръ, чтобы отмѣтить одну любопытную подробность.

Англичанинъ, мистеръ Вильсонъ, о которомъ я уже упоминалъ, лежалъ на нижнемъ ярусѣ наръ. Когда произошло

крушеніе, онъ успѣлъ во время выскочить. Изумительно хладнокровный, съ присущей англичанамъ выдержкой, мистеръ нисколько не растерялся. Отойдя на нѣсколько шаговъ отъ мѣста крушенія, онъ, подперевъ руками бока, уставился глазами на нары, и затѣмъ, при видѣ выбѣжавшихъ нѣмецкихъ солдатъ, невозмутимо изрекъ по-англійски: „мэдъ инъ Джёрмани“, отвернулся и плюнулъ. Чтобы понять это въ высокой степени остроумное и язвительное выраженіе, надо его пояснить. Дѣло въ томъ, что, начавъ съ давняго времени соперничать съ англичанами въ дѣлѣ выработки всякаго рода дешевыхъ товаровъ, совершенствомъ выдѣлки которыхъ издавна славилась Англія, нѣмцы, гордясь своимъ производствомъ, стали выпускать на міровой рынокъ предметы своей промышленности съ клеймомъ „мэдъ инъ Джёрмани“, т. е.—„сдѣлано въ Германіи“. При помощи этого клейма нѣмцы кичливо удостовѣряли доброкачественность носившаго его издѣлія и какъ бы предостерегали покупателей отъ пріобрѣтенія подобныхъ издѣлій англійскаго производства. Это кичливое „мэдъ инъ Джёрмани“ не разъ давало пищу остроумію англичанъ. И теперь, взглянувъ на рушившіяся нары, мистеръ Вильсонъ весьма мѣтко и остроумно вспомнилъ это пресловутое „мэдъ инъ Джёрмани“. Надо было видѣть, съ какимъ великолѣпнымъ, спокойнымъ презрѣніемъ оно было сказано!

Утромъ, часовъ въ 9, явился лейтенантъ Викерсъ, которому ночью унтеръ-офицеромъ было доложено о случившемся. Войдя въ залъ, онъ равнодушно окинулъ мимолетнымъ взглядомъ мѣсто крушенія и, ничего не сказавъ, вышелъ. Нѣмцу, разумѣется, въ высокой степени было безразлично, что мы перечувствовали во время пережитаго несчастія; взяла его только досада, что несчастіе случилось по его недосмотру, за что его, вѣроятно, ждалъ нагоняй отъ коменданта (опять-таки не изъ сочувствія къ намъ, а въ силу того, что этотъ недосмотръ могъ явиться источникомъ нелестныхъ для нѣмцевъ слуховъ). Досаду свою Викерсъ выместилъ на И—чѣ, признавъ, что крушеніе случилось исключительно по его винѣ. Игрушечные же гвозди, которыми были сколочены нары, и тонкія подпорки, не выдержавшія тяжести ихъ, конечно, не были приняты во вниманіе (кстати, замѣчу, что, тотчасъ послѣ крушенія наръ, мѣстные лакеи торопливо стали уносить изъ зала куда-то на задній дворъ сломавшіяся подпорки, вѣроятно, чтобы скрыть этихъ главныхъ виновницъ крушенія). И—чъ былъ призванъ къ допросу. Викерсъ кричалъ на него, обращаясь на „ты“, бранился жестоко и распорядился тотчасъ отвести его подъ строгій арестъ на недѣлю. Наказаніе, правда, нѣсколько суровое, пошло, однако, на пользу нашему буяну: выйдя изъ-подъ ареста, онъ впослѣдствіи пересталъ бражничать.

Вмѣстѣ съ рапортомъ о крушеніи наръ и пожарѣ, Виккерсу пришлось представить коменданту еще крайне непріятный рапортъ объ оскорбленіи солдатами нашихъ дамъ, о чемъ, по общему нашему желанію, доложилъ ему нашъ старшина. Заявленіе это было принято Викерсомъ очень сухо. Вообще, онъ былъ нами недоволенъ, благодаря тому, что мы являлись невольными виновниками столькихъ для него хлопотъ. Это недовольство не замедлило отразиться на обращеніи съ нами.

— Чего они бѣгаютъ за мной, какъ собаки!—крикнулъ, между прочимъ, Викерсъ, указывая на столпившихся плѣнныхъ, которые съ понятнымъ любопытствомъ прислушивались къ докладу старшины по поводу ночныхъ происшествій. Впрочемъ, выраженіе „собаки“ было, пожалуй, менѣе обиднымъ, чѣмъ то, которое примѣнилъ въ то же утро унтеръ Пупсикъ, приглашая насъ всѣхъ выйти изъ помѣщенія на дворъ:

— Всё—вонъ изъ зала!—крикнулъ онъ.

Это „все“ какъ бы говорило, что мы недостойны считаться существами одушевленными.

Любопытная подробность: когда мы жаловались на бѣды, нами пережитыя, не только Пупсикъ, считавшій себя человѣкомъ образованнымъ, но даже и лейтенантъ Викерсъ, возражая намъ, проявили удивительное знаніе географіи Россіи.

— Мы съ вами обращаемся великолѣпно,—говорили они,—содержимъ въ хорошемъ сухомъ помѣщеніи, а ваши варвары угоняютъ нашихъ женъ и дѣтей въ глухую, студеную Сибирь—въ Симбирскъ и Архангельскъ, какъ было сказано въ газетахъ.

Тщетно мы возражали, что Симбирскъ и Архангельскъ ничего общаго съ Сибирью не имѣютъ, что въ Архангельскѣ климатическія условія настолько хороши, что тамъ существуетъ санаторія для туберкулезныхъ и что климатъ тамъ не суровѣе климата Финляндіи.

— Ну, вотъ и отлично,—обрадовались нѣмцы:—вы, вѣроятно, кстати сказать, еще не знаете, что Финляндія уже принадлежитъ намъ. Вотъ мы и убѣдимся, какой тамъ климатъ!

На нашъ недоумѣнный вопросъ, съ какихъ поръ Финляндія стала принадлежать Германіи, намъ разъяснили, что, по послѣднимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, поголовно возставшая Финляндія отпала отъ Россіи и завоевана Германіей. Эта дерзкая ложь вызвала только улыбку.

Вообще, нѣмцы были горазды лгать. Такъ, напр., газеты нагло лгали о революціи въ Одессѣ, Севастополѣ и другихъ городахъ, объ убійствѣ одесскаго градоначальника Сосновскаго и тому подобныя мерзкія выдумки. Го-

ворили еще о томъ, что Россія, устрашенная войной, охвачена съ горя поголовнымъ пьянствомъ. Наглые лгуны и не подозрѣвали, какой невыразимо-великій духовный подъемъ переживала на самомъ дѣлѣ Россія, какъ она, подъ вліяніемъ его, отрезвѣла въ нѣсколько дней, въ то время, какъ у нѣмцевъ, дѣйствительно, начался пьяный разгулъ. Я лично наблюдалъ этотъ разгулъ въ вечеръ перваго дня объявленія войны (о чемъ я уже разсказывалъ), я видалъ пьянаго полковника на станціи Гюстровъ, озвѣрѣвшаго и отъ вина, и отъ ненависти къ русскимъ, я видалъ хмельныхъ пожарныхъ въ ростокской школѣ, пьяныхъ солдатъ, навѣщавшихъ школу ради развлеченія въ воскресные дни, видалъ пьяныхъ унтеръ-офицеровъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей на дежурствѣ у насъ, видалъ, наконецъ, безобразно пьянымъ нашего лейтенанта Викерса, побившаго спьяна, какъ я уже отмѣтилъ, свою же нѣмку и жалкаго бѣдняка-еврея. Не правда ли, и этихъ наблюденій достаточно, чтобы сдѣлать изъ нихъ опредѣленный выводъ. А вотъ, что говоритъ по поводу пьянства въ арміи очевидецъ, полковой врачъ, докторъ В. С. П—ъ, пробывшій 2 мѣсяца въ плѣну у нѣмцевъ: „что поражаетъ среди нѣмцевъ, такъ это то, что ихъ войска идутъ въ бой пьяными до озвѣрѣнія. На моихъ глазахъ, на станціи Котовицы, когда нѣмцамъ пришлось отступать, два полка были пьяны вдребезги. Пьютъ коньякъ, корнъ (родъ водки), бѣлый ромъ. Для видимости печатаются приказы о недопущеніи среди войсковыхъ частей потребленія спиртныхъ напитковъ, но въ то же время алкоголь доставляется цѣлыми бочками".

Хороша культурность! Пьютъ „культурные" нѣмцы съ отчаянія, пропиваютъ честь, чувство человѣчности, звѣрѣютъ отъ пьянства. А мы пили-пили, да ума и чести не пропили. Нужно стало, и вмигъ отрезвѣла страна, подъ вліяніемъ всеобщаго духовнаго подъема. На чьей же сторонѣ дѣйствительная культура, культура духа?!

VII.

Изъ кафе-шантана—въ загородный ресторанъ.

Нѣмецкая военная власть отнеслась къ рапорту нашего старшины по поводу оскорбленій солдатами нашихъ дамъ, надо отдать справедливосгь, — внимательно: не прошло 2—3 часовъ послѣ подачи рапорта лейтенанту Викерсу, какъ къ намъ прикатилъ военный слѣдователь. Начался строгій допросъ. Одинъ изъ виновныхъ былъ обнаруженъ. Допросивъ дамъ, съ которыми слѣдователь обошелся вполнѣ вѣжливо, онъ объяснилъ имъ, что виновныхъ ждетъ, по законамъ военнаго времени, суровое наказаніе и предложилъ, не по-

желаютъ ли потерпѣвшія простить провинившихся солдатъ. Напуганныя всѣми формальностями допроса и боясь, какъ бы наказаніе обидчиковъ не вызвало отместки со стороны ихъ сотоварищей и всевластныхъ надъ нами унтеръ-офицеровъ, дамы охотно дали согласіе простить обидчиковъ, слѣдователь запротоколилъ это заявленіе, предложилъ дамамъ расписаться и вопросъ былъ исчерпанъ. Быстрое производство слѣдствія, видимо, произвело на солдатъ впечатлѣніе, они получили должную острастку. Впрочемъ, при переходѣ въ слѣдующее мѣсто заключенія, острастка эта была забыта, и пьяные солдаты позволили себѣ новыя мерзкія выходки,—но объ этомъ разскажу дальше.

Крушеніе нашихъ наръ, сопровождавшееся пожаромъ, надѣлало шуму въ городѣ. Пошли слухи, что нѣмцы поняли нелѣпость нашего плѣненія и что насъ будто бы скоро отпустятъ на свободу. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, лейтенантъ Викерсъ началъ усиленно выжимать у насъ деньги за продовольствіе, боясь, что мы уйдемъ, не заплативъ. Нашъ бравый офицеръ превратился въ бухгалтера-кассира: съ ранняго утра до вечера онъ сидѣлъ возлѣ столика, выставленнаго въ садъ, щелкалъ на счетахъ, принималъ деньги и, если сборъ ихъ шелъ неудачно,—вымещалъ на насъ свою злобу тѣмъ, что рвалъ, не читая, пересылавшіяся намъ черезъ комендатуру письма и телеграммы съ родины или отъ близкихъ и знакомыхъ, подобно намъ задержанныхъ въ плѣну въ Германіи. Въ душѣ, въ такихъ случаяхъ, кипѣла глухая злоба противъ этого „культурнаго“ негодяя. Съ жаднымъ нетерпѣніемъ ждало большинство изъ насъ вѣстей отъ родныхъ, отъ женъ, мужей, дѣтей, родителей, и эти столь долго жданныя вѣсти уничтожались на нашихъ глазахъ. Викерсъ въ этомъ отношеніи былъ, разумѣется, полновластенъ: въ каждомъ письмѣ онъ, конечно, могъ придраться къ любому выраженію, признавъ его, съ точки зрѣнія военной цензуры, подозрительнымъ. По этому поводу онъ однажды самъ откровенно высказался, съ большой неохотой выдавъ одному изъ плѣнныхъ открытое письмо, вполнѣ безобидное по содержанію, въ которомъ сообщалось, что дѣти здоровы.

— Почемъ я знаю, что это за дѣти!—совершенно серьезно сказалъ онъ.—Быть можетъ, это „дѣти здоровы“ обозначаетъ, что ваши знакомые готовятъ какое-нибудь покушеніе. Мостъ, что ли, хотятъ взорвать...

Между тѣмъ, слухи о томъ, что насъ отпустятъ, все крѣпли. Самъ Викерсъ подвердилъ возможность этого: когда однажды старшина обратился къ нему съ просьбой выхлопотать намъ разрѣшеніе сходить въ баню, въ виду того, что мы, какъ говорится, обросли грязью, онъ возразилъ:

— Потерпите, господа, помоетесь на свободѣ. Не долго осталось ждать, васъ скоро отпустятъ; это вопросъ

нѣсколькихъ дней. Вѣдь ваше пребываніе здѣсь, въ самомъ дѣлѣ,—полнѣйшая нелѣпость.

Понятно, какъ мы обрадовались этимъ многознаменательнымъ словамъ, потерявъ уже, было, всякую надежду на возможность освобожденія. Но хотя, такимъ образомъ, сама военная власть и сознавала явную нелѣпость нашей подневольной жизни въ невѣроятныхъ условіяхъ въ кафе-шантанѣ, превращенномъ въ тюрьму, въ то время, какъ большая часть нашихъ сотоварищей довольно сносно устроилась на свободѣ въ городѣ,—нашимъ надеждамъ быть освобожденными изъ неволи суждено было на этотъ разъ быстро угаснуть: неожиданно намъ было объявлено, что насъ снова переводятъ въ другое помѣщеніе—въ какой-то ресторанъ, расположенный въ лѣсу, за чертой города, который имѣется въ виду приспособить для зимняго жилья, такъ какъ предположено, что всю зиму намъ придется провести въ плѣну. Самъ Викерсъ недоумѣнно пожималъ плечами по поводу столь неожиданнаго рѣшенія нашей участи, а мы снова пали духомъ.

— Видно, комендантъ рѣшилъ дать поживиться на насъ всѣмъ загороднымъ ресторанамъ, чтобы никого изъ рестораторовъ не обидѣть,—замѣтилъ по этому поводу какой-то шутникъ.

— Ну, что-жъ, по крайней мѣрѣ изучимъ подробно всѣ ростокскія злачныя мѣста,—замѣтилъ другой изъ числа нашей неунывавшей холостой молодежи.

— Веселенькая жизнь!—сострилъ третій:—недѣлю въ кафе-шантанѣ пожили, въ ресторанѣ перезимуемъ, а весной, къ открытію лѣтняго сезона, снова, Богъ дастъ, въ кафешантанчикъ попадемъ!

Шутливое замѣчаніе по поводу того, что насъ отдаютъ на кормленіе разнымъ рестораторамъ, въ сущности говоря, похоже было на правду. Высказывалось даже резонное предположеніе, что неожиданное перемѣщеніе насъ въ новый ресторанъ не обошлось безъ взятки со стороны хозяина этого ресторана. Въ самомъ дѣлѣ, если нашъ переводъ, недѣлю тому назадъ, изъ ростокской школы въ загородный кафе-шантанъ можно было объяснить тѣмъ, что основательное и обширное зданіе школы могло, дѣйствительно, понадобиться подъ помѣщеніе для раненыхъ, то дрянное зданіе Бель-вю, повидимому, ни для какихъ военныхъ цѣлей пригодиться не могло. Впослѣдствіи такъ оно и оказалось: не только Бель-вю, но и школа, послѣ нашего ухода вплоть до нашего отъѣзда изъ Ростока, оставались не занятыми. Очевидно, хозяинъ новаго ресторана, куда насъ переводили, позавидовалъ владѣльцу Бельвю и принялъ должныя мѣры, чтобы заполучить выгодныхъ постояльцевъ. Дурная репутація, которою, какъ мы вскорѣ узнали, онъ пользовался въ городѣ, вполнѣ допускала возможность такого предположенія. А прибыль мы приносили

рестороновладѣльцу, дѣйствительно, не малую: насъ было свыше 300 человѣкъ, съ каждаго взималось за житье и продовольствіе $1^1/_2$ марки въ день, да столько же, если не больше, тратилъ, въ среднемъ, каждый на покупку въ буфетѣ папиросъ, сосисокъ, пива, хлѣба, молока, кипятку и проч., на каковые припасы цѣны назначены были изрядныя. Въ общемъ, въ день мы давали не менѣе 1000—1500 марокъ дохода—сумма для ресторатора весьма значительная, если принять во вниманіе наступившія плохія въ торговомъ отношеніи времена.

Итакъ, вопросъ о переводѣ насъ въ какой-то другой загородный ресторанъ былъ окончательно рѣшенъ. Вскорѣ узнали мы и названіе этого ресторана—„Кайзеръ-Павильонъ". Что ждетъ насъ въ новомъ мѣстѣ нашего заточенія, носившемъ столь громкое имя, будетъ ли новое помѣщеніе лучше или хуже Бель-вю—эти вопросы, естественно, сильно занимали насъ. Для разрѣшенія ихъ мы обратились къ нашему буфетчику—толстенному нѣмцу съ типичной пивной физіономіей и заплывшими глазами, весьма любовно къ намъ относившемуся, благодаря доходамъ, которые мы давали буфету, и къ нашему всезнающему Фигаро—юркому нѣмчику-парикмахеру, пріѣзжавшему ежедневно изъ города и также зашибавшему изрядную деньгу, не только благодаря исполненію прямыхъ обязанностей въ отношеніи нашихъ подбородковъ и головъ, но и путемъ приноса контрабанды, въ видѣ сигаръ, которыми онъ снабжалъ насъ по сходной цѣнѣ, потихоньку отъ буфетчика.

Послѣдняго предстоящій нашъ отъѣздъ чрезвычайно огорчилъ. О личности хозяина „Кайзеръ-Павильона" онъ высказалъ весьма опредѣленное мнѣніе:

— Самый плохой человѣкъ во всемъ Ростокѣ. О, это настоящій негодяй! Вы не разъ вспомните меня. Такого пива, такихъ сосисокъ, такихъ обѣдовъ вамъ больше не видать.

Фигаро, узнавъ, что насъ переводятъ въ „Кайзеръ-Павильонъ", выразительно чмокалъ губами и сокрушенно покачивалъ плѣшивой головкой.

— Но это совсѣмъ странно, что васъ переводятъ въ „Кайзеръ-Павильонъ",—говорилъ онъ;—это, конечно, очень красивое мѣсто, зелени много и воздухъ прекрасный, но помѣщенье... Тамъ нѣтъ никакого помѣщенія для жилья. Скоро наступятъ холода, здѣсь еще кое-какъ можно было бы перезимовать. Но тамъ... Лѣтній, холодный павильонъ. Да, это совсѣмъ непонятно, почему васъ переводятъ...

Но для насъ это было еще менѣе понятно. Разсуждать, однако, не приходилось...

Въ назначенный для отъѣзда день старосты предусмотрительно подняли насъ за-свѣтло, что-то въ пятомъ часу утра, и въ шесть, собравъ соломенники и немудреную поклажу, мы были готовы къ походу, чѣмъ доставили искреннее огор-

ченіе нашему лейтенанту Викерсу: онъ не выспался, явился злющій и, въ надеждѣ выместить свою злость на насъ, быстро влетѣлъ въ залъ, въ расчетѣ застать насъ еще спавшими. Къ великой досадѣ, расчетъ его не оправдался. Онъ даже лишенъ былъ удовольствія покуражиться надъ нами при сборѣ денегъ на проѣздъ въ трамваяхъ и за провозъ вещей до новаго мѣста нашего жилья, такъ какъ старосты, помня издѣвательства, какимъ мы подверглись при сборѣ денегъ въ день отправки изъ школы въ Бель-вю, предусмотрительно сами наканунѣ собрали съ насъ сполна потребную сумму, которую и вручили теперь Викерсу. Разогорченному лейтенанту, лишенному возможности въ чемъ бы то ни было придраться къ намъ, оставалось произнести грозную рѣчь съ предупрежденіемъ, что въ каждого, кто уклонится отъ порядка во время переѣзда, будутъ стрѣлять и т. д.; насъ снова окружили солдаты, защелкали замки заряжаемыхъ ружей,—словомъ, повторилась въ полномъ объемѣ достаточно знакомая намъ пошлая комедія, уже не производившая на насъ никакого устрашающаго впечатлѣнія.

Несмотря на перенесенныя бѣды въ „Вильгельмсбургѣ", покидали мы это мѣсто нашего восьмидневнаго заключенія съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ: хозяинъ ресторана оказался порядочнымъ человѣкомъ, продовольствовалъ онъ насъ довольно сносно и, во всякомъ случаѣ, куда добросовѣстнѣе, чѣмъ кормили насъ въ ростокской школѣ; былъ предупредителенъ къ намъ, въ чемъ можно, проявлялъ вниманіе. Такъ, напримѣръ, однажды намъ захотѣлось достать цвѣтовъ и тортъ по случаю дня рожденія—совершеннолѣтія одной славной дѣвушки, чтобы скрасить этотъ знаменательный въ жизни милой узницы день. Хозяинъ съ полной предупредительностью командировалъ своего брата въ городъ, тотъ быстро исполнилъ порученіе и пріобрѣлъ просимое чрезвычайно дешево. Отмѣчу также, что единственнымъ нѣмцемъ, изъ числа окружавшихъ насъ, искренно, повидимому, посочувствовавшимъ намъ по поводу крушенія наръ, былъ нашъ хозяинъ, и многіе, я думаю, вспомнятъ этого хорошаго человѣка добромъ.

Въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ „Вильгельмсбурга" насъ ждалъ поѣздъ изъ сцѣпленныхъ трамвайныхъ вагоновъ, площадки которыхъ заняли солдаты съ ружьями. Вѣроятно, впервые жителямъ Ростока,—правда, въ этотъ ранній часъ немногочисленнымъ,—пришлось видѣть на своихъ улицахъ такой большой своеобразный трамвайный поѣздъ. Чтобы не затруднять движенія трамваевъ, его предусмотрительно пустили до начала обычнаго утренняго движенія.

Минутъ черезъ 20 ѣзды мы достигли „Кайзеръ-павильона", переименованнаго ко времени нашего переѣзда (дабы наше присутствіе не осквернило имени кайзера!) въ

„Бисмарксъ-Зейле“ *). Иначе, это новое мѣсто нашего заключенія оффиціально было названо „Депо русскихъ“—такую вывѣску мы увидали на двери канцеляріи начальника нашего „депо“, или склада русскихъ.

„Кайзеръ-павильонъ“ представляетъ излюбленнѣйшую ростокцами пивную кофейную, расположенную за городомъ, дѣйствительно, въ прекрасномъ лѣсу, куда, преимущественно по праздничнымъ днямъ, они пріѣзжаютъ in's Grüne съ чадами и домочадцами веселиться, т. е. поглощать въ непомѣрномъ количествѣ довольно неважное мѣстное пиво, подъ звуки совершенно отвратительнаго оркестра и монотонное стрекотанье спицъ въ рукахъ своихъ благовѣрныхъ супругъ и неуклюжихъ дочекъ, цвѣту лица которыхъ могла бы позавидовать свекла.

Въ одной изъ комнатъ самого зданія ресторана—зданія кирпичнаго—помѣстили нашихъ дамъ и дѣтей, а въ сосѣдней съ ними комнатѣ—тяжело больныхъ. Дамская комната представляла довольно просторный залъ съ подобіемъ эстрады, и расположились въ ней наши дамы (разумѣется, на полу) болѣе или менѣе удобно, т. е. не тѣсно. Что касается нашего новаго жилья, то школа—первое мѣсто нашего заключенія въ Ростокѣ—по сравненію съ этимъ сараемъ-павильономъ, куда насъ—мужчинъ теперь помѣстили, могла казаться роскошнымъ дворцомъ. Павильонъ этотъ представлялъ очень длинную легкую лѣтнюю постройку, у которой передняя стѣна въ бо́льшую половину вышины состояла изъ стеклянныхъ рамъ, на подобіе тѣхъ, какія бываютъ у парниковъ. Въ центрѣ павильона—этой нашей спальни и столовой—нѣсколько ниже уровня пола находились мужская и женская уборныя весьма примитивнаго устройства, съ полнымъ отсутствіемъ вентиляціонныхъ приспособленій, и удобство этого благовоннаго сосѣдства мы не замедлили испытать въ первую же ночь... Для спанья были построены нары—невысокіе столы, мудро раздѣленные перегородками на небольшіе квадраты, удобные, быть можетъ, для спанья собакъ, но отнюдь не людей. Сколоченные изъ полудюймовыхъ, скрѣпленныхъ тонкими гвоздями досокъ, столы эти качались отъ всякаго движенія и, видимо, имѣли вполнѣ опредѣленное намѣреніе рухнуть въ самомъ ближайшемъ времени, что и удостовѣрила комиссія спеціалистовъ-инженеровъ изъ числа находившихся съ нами въ плѣну. Правда, особенной опасности для лежавшихъ на столахъ паденіе этихъ наръ не

---

*) Bismarcksaüle, т. е. столбъ Бисмарку. Такое названіе ресторану дано было вѣроятно, потому, что противъ ресторана стоитъ памятникъ Бисмарку, въ видѣ колонны.

Подобные памятники объединителю германскаго отечества, носящіе названіе Bismarcksaüle, воздвинуты въ большомъ количествѣ въ каждомъ городѣ Германіи.

представляло: дѣло могло бы ограничиться сильными ушибами и, въ худшемъ случаѣ, поломкой костей. Но лежавшимъ подъ нарами на полу паденіе ихъ угрожало уже явной опасностью для жизни. Кромѣ того, помимо перспективы быть раздавленными, лежавшимъ на грязномъ полу пришлось бы валяться въ пыли и мусорѣ, заносимыми сотнями ногъ со двора. Въ виду этого, мы рѣшили, какъ бы тѣсно ни пришлось, всѣмъ расположиться на столахъ, размѣстивъ подъ ними наши чемоданы, а также, въ видѣ подпорокъ,—садовые стулья и столы. Такимъ образомъ, на каждую клѣтушку-коробочку на нарахъ пришлось по два и даже по три человѣка и, слѣдовательно, о сколько-нибудь спокойномъ спаньѣ нечего было и помышлять.

Надо еще замѣтить, что столы-нары, стоявшіе посреди павильона, представляли нѣсколько бо̀льшія удобства, чѣмъ прокрустовы ложа, въ видѣ еще болѣе короткихъ клѣтушекъ, пристроенныхъ къ наружной стѣнѣ, состоявшей, какъ я выше упомянулъ, изъ стеклянныхъ рамъ, съ выбитыми коегдѣ стеклами, откуда ночью должно было невыносимо дуть. Поэтому, во избѣжаніе пререканій, рѣшено было тянуть на мѣста жребій. Пришлось расположиться въ перемежку съ рабочими—народомъ, весьма мало заботившимся о чистоплотности и потому сильно „пахучимъ“.

Разобравшись въ мѣстахъ, мы занялись разборкой привезенныхъ чемодановъ (изъ которыхъ многіе оказались совершенно испорченными и раздавленными, несмотря на высокую плату, которую съ насъ взяли за ихъ перевозку) и соломенниковъ и принялись выколачивать изъ нихъ цѣлыя облака пыли. Не успѣли мы покончить это занятіе, какъ распространился слухъ, что пріѣхалъ насъ провѣдать испанскій вице-консулъ Георгъ Манъ — мѣстный оффиціальный представитель интересовъ Россіи, вручившей, какъ извѣстно, заботу въ Германіи о своихъ подданныхъ испанскимъ властямъ. Разумѣется, сей представитель Испаніи въ Ростокѣ оказался чистѣйшимъ нѣмцемъ, носившимъ, какъ мы послѣ узнали, высокое званіе тайнаго коммерціи совѣтника, заслуженное имъ на поприщѣ служенія отечественному пивоваренію: Манъ являлся мѣстнымъ пивнымъ королемъ, владѣльцемъ наиболѣе крупныхъ пивоваренныхъ заводовъ въ Ростокѣ и нѣсколькихъ пивныхъ. Вѣсть о пріѣздѣ этого оффиціальнаго нашего пѣстуна и защитника показалась намъ весьма отрадной: какъ-никакъ онъ являлся представителемъ дружественной намъ Испаніи, намъ покровительствовавшей. Но послѣ первыхъ же словъ г. Мана, обращенныхъ къ нашему старшинѣ, пришлось оставить всякую надежду на покровительство намъ сего нѣмецкаго „гишпанца“.

— Прошу васъ принять во вниманіе, — съ мѣста заявилъ испанскій вице-консулъ, — что я, прежде всего, истинный

нѣмецкій патріотъ. Эта точка зрѣнія должна лечь въ основу нашихъ съ вами бесѣдъ и сношеній.

Разумѣется, послѣ такого заявленія говорить съ нашимъ покровителемъ было не о чемъ. Впрочемъ, ему было заявлено, что помѣщеніе, намъ отведенное, болѣе подходитъ для содержанія въ немъ скота, чѣмъ для человѣческаго жилья. Но, не потрудившись провѣрить это заявленіе и пропустивъ его мимо ушей, г. Манъ уѣхалъ, предварительно замѣтивъ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что условія нашей жизни будутъ, вѣроятно, вполнѣ пріятными, насколько это возможно въ плѣну, и что онъ вообще готовъ быть полезнымъ.

Мы не замедлили убѣдиться, насколько условія нашей жизни обѣщали быть пріятными: обѣдъ, вскорѣ намъ поданный, т. е. тарелка суповой бурды съ лохмотьями мяса, оказался не лучше, если не хуже знаменитыхъ обѣдовъ въ школѣ, а о сервировкѣ нечего и говорить: оловянные ножи, вилки и ложки были отвратительно грязны. Такимъ образомъ, буфетчикъ изъ Бель-вю оказался вполнѣ правымъ. Да и всякіе припасы, въ видѣ пива, бутербродовъ, сосисокъ и пр., покупаемые, конечно, за особую плату въ буфетѣ, оказались очень плохого качества, и брали съ насъ за нихъ большія деньги: напр., пара миніатюрныхъ сосисокъ, обычно недоваренныхъ и какихъ-то дряблыхъ, стоила 15 пфенниговъ. Буфетчикъ оказался не при чемъ: онъ былъ лишь приказчикомъ хозяина ресторана, наглаго, дерзкаго, противнаго по внѣшности нѣмца, съ которымъ впослѣдствіи неоднократно бывали бурныя столкновенія. Негодяй эксплоатировалъ насъ во всю, и за тѣ двѣ недѣли, что мы у него прожили, нажился на насъ основательно.

Первую ночь въ новомъ обиталищѣ я провелъ почти безъ сна: нары при каждомъ движеніи „тихо и плавно качались" и грозили рухнуть (на случай ихъ паденія и возможнаго переполоха мы, умудренные опытомъ, предупредили караульнаго унтера, чтобы солдаты съ дуру не принялись насъ разстрѣливать, какъ это едва не случилось въ Бель-вю), яркій электрическій фонарь, висѣвшій надъ головой, свѣтилъ прямо въ глаза, тѣло никакъ не могло приспособиться къ отведенной ему квадратной коробочкѣ, сосѣди поминутно напоминали о себѣ толчками со всѣхъ четырехъ сторонъ, и, къ довершенію удовольствія, наша уборная, а въ особенности лежавшіе въ перемежку съ нами рабочіе, распространяли столь крѣпкій духъ, что дышать, казалось, совершенно было нечѣмъ. Кромѣ того, безпокоила мысль о дамахъ, оставшихся ночью въ отдѣльномъ зданіи на произволъ солдатъ. И мысль эта тревожила не даромъ.

Дѣло въ томъ, что дамскую комнату отдѣляла отъ общаго помѣщенія ресторана наспѣхъ сколоченная перегородка, не доходившая до потолка. За перегородкой бражничали и

орали солдаты. И вотъ, лишь только дамы раздѣлись и улеглись на покой, двое подкутившихъ солдатъ вознамѣрились полюбопытствовать, что происходитъ въ дамской половинѣ, и полѣзли на перегородку. Первая изъ дамъ, замѣтившая ихъ, особа очень нервная, подняла крикъ, съ нею началась истерика. Солдаты ретировались, но ночь была испорчена и прошла въ тревогѣ.

Утромъ, въ 6 часовъ, насъ и нашихъ дамъ разбудилъ обычный лающій окрикъ „aufstehen", и началась новая унылая череда жизни, полная недосыпанья, недоѣданья, ноющей тоски и мучительныхъ тревогъ, смѣнявшихся полной апатіей.

Военное начальство у насъ перемѣнилось. Лейтенантъ Викерсъ, проводивъ насъ изъ Бель-вю, больше не показывался. Его обязанности по завѣдыванію нами были возложены на унтеръ-офицера, нѣкоего Кеслера, служившаго до призыва таможеннымъ чиновникомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 32, довольно интеллигентный и достаточно въ обращеніи съ нами корректный. Обязанности по завѣдыванію „депо русскихъ" совмѣщалъ съ нимъ фельдфебель, фамиліи котораго не помню, человѣкъ также весьма порядочный, относившійся къ намъ очень предупредительно. Хотя онъ былъ чиномъ старше Кеслера, но почему-то являлся какъ бы помощникомъ его, больше, къ тому же, по административно-канцелярской части, и касательства къ намъ имѣлъ мало. И Кеслеръ, и фельдфебель— оба были призваны изъ запаса, и этимъ, вѣроятно объяснялось ихъ человѣчное отношеніе къ намъ, совершенно непохожее на безчеловѣчное отношеніе бурбоновъ-солдатъ и прочихъ истыхъ военныхъ чиновъ дѣйствительной службы.

Вспомню любопытный случай, характеризующій отношенія къ намъ фельдфебеля.

Вскорѣ по переѣздѣ нашемъ въ „Кайзеръ-павильонъ", мѣстная экспедиціонная контора нѣкоего Фика (которой мы поручили розыскъ нашего багажа, сданнаго въ день отъѣзда изъ Берлина большинствомъ изъ насъ прямо на Копенгагенъ и тамъ, послѣ нашего плѣненія, оставшагося) стала частями доставлять намъ этотъ багажъ. Получилъ и я свой сундукъ. Досмотръ вещей происходилъ за воротами „Кайзеръ-павильона", куда по-одиночкѣ выпускались владѣльцы вещей и откуда они сами должны были тащить свой багажъ во внутрь сада. Поднять тяжеловѣсный сундукъ было мнѣ не по силамъ. Экспедиторъ Фикъ, видя мою безпомощность, кивкомъ головы указалъ извозчику, чтобы тотъ мнѣ помогъ. Но извозчикъ, брюханъ, съ наглымъ выраженіемъ толстомордой физіономіи, съ явнымъ пренебреженіемъ отвернулся— „стану я, дескать, помогать русскому шпіону". Тогда ко мнѣ быстро подошелъ фельдфебель, въ то время мнѣ еще незнакомый, и, подмѣтивъ происшедшую мимическую сценку, кинулъ въ сторону извозчика сердитый взглядъ, ни слова не го-

Павильонъ, въ которомъ содержались плѣнные въ ресторанѣ „Кайзеръ-павильонъ“.

Обстановка жизни плѣнныхъ въ „Кайзеръ-павильонѣ“.

Фотографія эта, снятая на спѣхъ и съ большими предосторожностями однимъ изъ плѣнныхъ, весьма несовершенная, въ виду скуднаго освѣщенія во время съемки, все же, до нѣкоторой степени, даетъ понятіе объ условіяхъ жизни русскихъ въ плѣну. Слѣва на нарахъ сидитъ староста-казначей князь Кугушевъ (1); за нимъ стоятъ: староста докторъ Розенцвейгъ (2) и старшина г. Каценельсонъ (3).

воря, подхватилъ мой сундукъ, помогъ мнѣ внести его въ садъ, и, въ отвѣтъ на мою благодарность, дружелюбно улыбаясь, любезно откозырялъ. Это была, въ сущности, пустяшная услуга, но она сразу обрисовала съ хорошей стороны этого человѣка— мѣстнаго военнаго моего начальства. А подобнымъ человѣчнымъ отношеніемъ нашихъ военныхъ властей мы до того отнюдь не были избалованы. Когда, однажды, въ Бель-вю я обратился къ проходившему мимо съ сигарой въ зубахъ Пупсику, съ просьбой дать мнѣ закурить, Пупсикъ надменно процѣдилъ: „не имѣю права“ и круто повернулся ко мнѣ спиной. Мелочь, но тоже характерная.

Кстати—по поводу доставки нашихъ вещей и экспедитора Фика. Сей г. Фикъ, владѣлецъ крупной транспортной конторы, а, слѣдовательно, лицо болѣе или менѣе значительное въ маленькомъ городѣ, какой представлялъ собой Ростокъ, оказался плутомъ крупной марки. За доставку вещей онъ бралъ съ насъ, что ему вздумается. Такъ, напр., за доставку изъ Копенгагена въ Ростокъ, т. е. въ „Кайзеръ-павильонъ“, небольшого чемодана и дамской картонки онъ предъявилъ владѣлицѣ вещей счетъ въ 30 марокъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ провозъ этого мелкаго багажа на протяженіи 4—5 часовъ ѣзды могъ стоить не болѣе 6—7 марокъ. Владѣлица этихъ вещей, дама состоятельная, безпрекословно уплатила требуемую сумму, но когда очередь дошла до одного малоимущаго студента, тотъ категорически заявилъ, что болѣе половины поставленной въ счетъ суммы онъ не заплатитъ, и Фикъ согласился. Такъ-же поступилъ и я. Когда же Фикъ пытался артачиться, мы обращались къ содѣйствію нашего унтеръ-офицера, Кеслера, и тотъ, къ чести его сказать, всегда отстаивалъ наши интересы, рѣшительно сокращая аппетитъ своего алчнаго и явно недобросовѣстнаго соотечественника.

Я разсказалъ объ отношеніяхъ къ намъ въ „Кайзеръ-павильонѣ“ непосредственнаго нашего военно-административнаго начальства—Кеслера и фельдфебеля. Далеко не столь человѣчно было отношеніе къ намъ караульныхъ унтеръ-офицеровъ, смѣнявшихся посуточно. Бурбоны среди нихъ попадались отчаянные. При исполненіи своихъ обязанностей караульныхъ начальниковъ они не подчинялись Кеслеру; тотъ, видимо, пытался вліять на нихъ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, но это ему не всегда удавалось. Эти бурбоны относились къ намъ явно враждебно и выискивали всяческіе способы досадить намъ: неожиданно запрещали ложиться отдыхать послѣ обѣда, ночью разставляли внутри нашего помѣщенія и даже въ уборной солдатъ съ заряженными ружьями, то и дѣло будили насъ частыми обходами, безцеремонно входили въ помѣщеніе дамъ и очень часто не уходили утромъ изъ него до тѣхъ поръ, пока всѣ

дамы не вставали, т. е., другими словами, присутствовали при первомъ ихъ туалетѣ. Но всѣхъ своихъ сотоварищей превзошелъ грубостью и цинизмомъ одинъ унтеръ-баварецъ, явившійся къ исполненію обязанностей совершенно пьянымъ и въ теченіе круглыхъ сутокъ не перестававшій пьянствовать въ „Кайзеръ-павильонѣ“. Весь день, не разставаясь съ вонючей трубкой, съ типичнымъ расписнымъ фарфоровымъ чубукомъ, онъ поминутно шатался къ намъ и къ дамамъ, изводилъ насъ мелкими придирками и ненужными строгостями, приказалъ лечь спать раньше времени и запретилъ разговаривать на сонъ грядущій, обѣщавъ арестовать и подвергнуть строгому наказанію всякаго, кто осмѣлится ослушаться этого приказа, и, пока дамы укладывались спать, то и дѣло шатался въ ихъ комнаты. Но верхъ наглости этотъ негодяй проявилъ утромъ. Ровно въ 6 часовъ раздался приказъ: „aufstehen“! Обыкновенно, ожидая, пока освободится очередь у умывальника, мы не торопились вставать, ибо торопиться было некуда, и начальство, разбудивъ насъ, обычно оставляло насъ въ покоѣ. На этотъ же разъ произошло нѣчто необычайное. Обождавъ 5 минутъ, баварецъ явился вновь въ сопровожденіи вооруженной стражи, которой приказано было расталкивать продолжавшихъ лежать, что солдаты исполняли неохотно, смущенно приговаривая: „мы тутъ не при чемъ“. Еще 5 минутъ спустя, не успѣвшіе вскочить были всѣ переписаны. А спустя еще 5 минутъ, баварецъ явился съ ведромъ холодной воды, которой сталъ поливать нашихъ соней, продолжавшихъ покоиться безмятежнымъ сномъ. Эффектъ этотъ пріемъ произвелъ необычайный. Заспавшіеся вскакивали и съ непомѣрнымъ удивленіемъ таращили сонные глаза на баварца съ ведромъ въ рукахъ, не отдавая себѣ отчета, что за причина столь неожиданнаго душа. А мы, долженъ сознаться, хохотали отъ души, къ великой ярости нашего строгаго блюстителя порядка: ужъ очень потѣшны были и его звѣрски свирѣпое лицо, и недоумѣнныя выраженія лицъ нашихъ провинившихся соней.

Но все, что грубый баварецъ продѣлалъ надъ нами, было пустяками въ сравненіи съ тѣми гнусностями, которыя онъ позволилъ себѣ въ отношеніи нашихъ дамъ.

Поднявъ насъ въ 6 часовъ, онъ направился въ помѣщеніе дамъ и велѣлъ имъ немедленно встать. Дамы оказались болѣе послушными, и всѣ безпрекословно мгновенно подчинились этому приказу. Но въ сторонѣ одиноко лежала простолюдинка—польская крестьянка, не послѣдовавшая приказанію начальства: бѣдняга была сильно больна, наканунѣ температура поднялась свыше 39°, и докторъ Сальке приказалъ ей лежать до его пріѣзда, не вставая. Войдя вторично и увидавъ, что какая-то простая женщина осмѣлилась ослушаться приказанія, баварецъ примѣнилъ и по отно-

шенію къ ней тотъ же пріемъ, что и у насъ: притащилъ кружку студеной воды и окатилъ больную. При этомъ присутствовали мужъ несчастной—жалкій, тщедушный крестьянинъ, и славный мальченокъ-сынишка, лѣтъ 7, пришедшіе утромъ навѣстить больную. Крестьянинъ, не зная нѣмецкаго языка, растерянно залопоталъ по-польски, стараясь объяснить негодяю, что жена его больна и встать не можетъ, а мальченокъ, увидавъ, что солдатъ обижаетъ его мать, жалобно расплакался. Дамы, желая образумить унтера, шумно заговорили всѣ разомъ. Этотъ протестъ окончательно лишилъ самообладанія не разобравшаго, въ чемъ дѣло, ретиваго унтера.

Разсвирѣпѣвъ, онъ схватилъ крестьянина за горло, пригнулъ къ полу и началъ его душить. Но тутъ дамы подняли такой визгъ, что унтеръ опѣшилъ и выскочилъ на дворъ. Былъ приглашенъ Кеслеръ, который, узнавъ, въ чемъ дѣло, сильно возмутился. Онъ унялъ было не въ мѣру ретиваго баварца, но тотъ, на зло дамамъ (онъ съ утра былъ пьянъ), вскорѣ явился къ нимъ снова и, вѣроятно, въ отместку за жалобу прошелъ прямо въ умывальную, гдѣ въ это время, обнаженная до пояса, мылась одна изъ плѣнницъ, извѣстная наша піанистка. Наглецъ, спокойно покуривая трубку, стоялъ не сводя глазъ съ несчастной женщины, до тѣхъ поръ пока она наскоро накинула на себя одежду и выбѣжала изъ умывальной.

Лишь только мы узнали обо всемъ этомъ, наши старосты написали рапортъ, который вручили Кеслеру, съ просьбой представить рапортъ коменданту. Кеслеръ съ полной готовностью и видимымъ удовольствіемъ взялся исполнить нашу просьбу. А баварецъ продолжалъ невозмутимо тянуть пиво, пока его, окончательно пьянаго, не смѣнилъ въ полдень другой караульный начальникъ. Какой результатъ возымѣлъ на этотъ разъ нашъ рапортъ и возымѣлъ ли онъ вообще какой-нибудь результатъ,—мы свѣдѣній не получили. Возможно, что комендантъ не придалъ особаго значенія нашей жалобѣ, судя по тому, что въ послѣднее время, послѣ полученной изъ Альтоны нахлобучки за опрометчиво данное плѣннымъ разрѣшеніе селиться въ городѣ, онъ относился къ намъ въ высокой степени безразлично.

Въ „Бель-вю“ грозное наше высшее начальство ни разу не появилось, а въ „Кайзеръ-павильонѣ“ оно удостоило насъ своимъ посѣщеніемъ однажды и всего лишь на нѣсколько мгновеній, причемъ это появленіе носило въ высокой степени комическое впечатлѣніе: какъ-то подъ вечеръ неожиданно распахнулись ворота, и грозный нашъ опереточный старикъ-полковникъ, величественно пріосанившись на статномъ конѣ, торжественно въѣхалъ въ садъ, въ

сопровожденіи адъютанта, молча проѣхалъ по аллеѣ вдоль павильона, повернулъ обратно и скрылся. Оказалось, какъ намъ въ тотъ же вечеръ было объявлено, что высокое наше начальство осталось крайне недовольно нашимъ безучастнымъ отношеніемъ къ его появленію, и намъ переданъ былъ приказъ коменданта при слѣдующихъ его появленіяхъ снимать шляпы и вставать. Къ счастью, вторичнаго посѣщенія мы не удостоились.

VIII.

Патріотическіе концерты, „Коль славенъ" и „Червячки".

Ко времени нашего переселенія въ „Кайзеръ-Павильонъ", т. е. въ серединѣ августа по старому стилю, стояли погожіе солнечные, теплые дни и нехолодныя ночи. Единственной отрадой нашей была возможность гулять по длинному, хотя и узкому пространству отъ въѣздныхъ воротъ, мимо павильона до забора въ глубинѣ парка. На воздухѣ мы проводили цѣлые дни: въ 6 часовъ утра, выбѣжавъ изъ нашего стойла-павильона съ его неимовѣрно спертой, душистой и душной атмосферой, мы спѣшили на площадку въ концѣ аллеи, чтобы заняться тамъ шведской гимнастикой подъ руководствомъ одного изъ нашихъ врачей, на воздухѣ обѣдали и пили чай, тутъ же проводили и вечера, при свѣтѣ багрово-красныхъ садовыхъ фонарей, зажигавшихся вдоль нашей аллеи. Вечерами мы чувствовали себя привольнѣе: улегались треволненія дня, можно было уединиться на упомянутую выше площадку въ глубинѣ аллеи, если караульный стражъ попадался милостивый и не гналъ оттуда, посидѣть въ темнотѣ вдали отъ возбуждавшаго нервы краснаго свѣта фонарей и говора толпы. Супружескія и дружескія пары уединялись сюда, чтобы наединѣ, не на людяхъ, подѣлиться своими интимными мыслями, тихо поболтать, другъ-друга ободрить для предстоявшаго новаго дня, сулившаго новыя треволненія, приносившаго новыя сплетни и глупые слухи о вымышленныхъ нашихъ неудачахъ на войнѣ, которые все больше пытали измученные нервы. Тутъ, въ этомъ относительно укромномъ уголку парка, среди низко нависшихъ вѣтвей густо разросшихся деревьевъ, пахло мхомъ, сыростью лѣса, грибами, опадавшей листвой—тѣмъ своеобразнымъ свѣжимъ ароматомъ осени, который напоминалъ родную осень, родную деревню, русскую дачу, будилъ радости воспоминаній и умиротворялъ ими душу.

Но по мѣрѣ того, какъ осень вступала въ свои права, цвѣтисто раскрашивая въ пестрый нарядъ листву нашего парка, съ каждымъ днемъ все больше рѣдѣвшую, дни замѣтно становились короче, ночи — значительно холоднѣе, началъ перепадать дождикъ. вскорѣ превратившійся въ затяжной,

нудный осенній ливень. Въ нашей жизни наступила тяжелая череда. Цѣлые дни приходилось проводить въ павильонѣ съ его ужаснымъ воздухомъ, ночью, какъ говорится, зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода и жестокой сырости, проникавшей во все существо. Кто могъ—пріобрѣталъ себѣ вязанныя издѣлія изъ шерсти и теплыя тужурки, другіе напяливали всю имѣвшуюся съ собой одежду. Я лично, напр., пока не пріобрѣлъ вязаной фуфайки, круглыя сутки носилъ двѣ пиджачныя пары, дорожную куртку и лѣтнее пальто и согрѣться не могъ, въ особенности ночью: павильонъ нашъ, конечно, не отапливался, а, между тѣмъ, въ виду зловонія, распространявшагося отъ уборныхъ, приходилось весь день держать окна открытыми. Подъ вліяніемъ холода, сырости и мрачной погоды, и на душѣ становилось невыразимо тяжело и тоскливо, тѣмъ болѣе, что будущее было такъ же безпросвѣтно, какъ безпросвѣтенъ былъ окутавшій нашъ паркъ тяжелый осенній туманъ.

Лишь въ одномъ отношеніи мы были рады наставшей непогодѣ: она избавляла насъ отъ докучливаго любопытства ростокскихъ гражданъ, до того ежедневно собиравшихся въ паркѣ и съ глупымъ любопытствомъ глазѣвшихъ на насъ, словно на дикихъ звѣрей. Дѣло въ томъ, что та полоса парка, которая была отведена въ наше пользованіе вдоль павильона, отдѣлялась нарочито для насъ проведенной проволокой отъ общей площади ресторапнаго парка, гдѣ стояли во множествѣ садовые столы и стулья и куда ростокцы пріѣзжали пить пиво и разглядывать насъ. Особенно назойливымъ бывало это разглядываніе въ воскресные дни, когда хозяинъ ресторана, для большаго привлеченія публики, устраивалъ въ саду „патріотическіе концерты“, собиравшіе чрезвычайно многочисленную толпу. Съ непріятнымъ чувствомъ душевной тревоги ждали мы перваго концерта: мы боялись со стороны нѣмцевъ взрыва оскорбительныхъ демонстрацій по нашему адресу. Но мекленбуржцы—народъ по природѣ спокойный, сдержанный. Скверный оркестръ отвратительно фальшиво игралъ свои патріотическія пѣсни, нѣмцы подпѣвали и попивали пиво, съ чувствомъ нравственнаго самоудовлетворенія и явнаго презрѣнія разглядывали насъ, знакомились съ нашимъ бытьемъ-житьемъ. Бывали случаи, что закутившія парочки, проведя безпутно ночь въ злачныхъ увеселительныхъ учрежденіяхъ Ростока подъ звуки шансонетокъ, пріѣзжали рано утромъ доканчивать пиръ въ садъ Кайзеръ-Павильона, гдѣ, попивая шампанское, они наблюдали зрѣлище не менѣе любопытное, чѣмъ представленія въ недавно покинутыхъ ими шантанахъ,—зрѣлище вставанія, одѣванія и умыванія русскихъ плѣнныхъ, а также зрѣлище „кормленія звѣрей“—раздачи намъ хлѣба и кофейнаго пойла, такъ какъ сквозь огромныя парниковыя окна нашего сарая-павильона

вся наша жизнь была на виду. И ростокцы съ огромнымъ любопытствомъ изучали бытъ плѣнныхъ, изучали русскихъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что по поводу русскихъ или, по крайней мѣрѣ, наружности русскихъ, у нихъ, къ слову сказать, составилось совершенно превратное впечатлѣніе: изъ числа общаго количества плѣнныхъ, собственно русскихъ-православныхъ была всего одна пятая часть, а подавляющее въ процентномъ соотношеніи количество составляли евреи [1]). Наблюдая евреевъ, изучая ихъ наружность, прислушиваясь къ ихъ говору, подмѣчая ихъ привычки, и т. д., нѣмцы были въ полномъ убѣжденіи, что они знакомятся съ представителями чистѣйшихъ русаковъ; въ памяти ростокца русскій запечатлѣлся, въ видѣ темнаго брюнета съ курчавыми волосами, крючковатымъ носомъ, говорящаго картаво, на распѣвъ, и т. д. Такое представленіе о русскихъ было настолько прочно, что, когда однажды мнѣ довелось побывать въ мѣстномъ банкѣ, директоръ банка рѣшилъ, что я его обманываю, называя себя русскимъ, что я либо французъ, либо англичанинъ. А когда жена, послѣ нашего освобожденія, пошла въ заведеніе ваннъ, то прислужница въ разговорѣ убѣжденно замѣтила, что жена моя, очевидно, не русская, т. к. у всѣхъ русскихъ женщинъ черные волосы и смуглый цвѣтъ лица.

Но вернусь къ разсказу о „патріотическихъ концертахъ". Во время перваго концерта насъ ждалъ неожиданный сюрпризъ: послѣ традиціонныхъ „Deutschland, Deutschland über alles", „Wacht am Rhein" и проч., вдругъ раздались величаво-торжественные звуки нашего родного „Коль Славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ". Мы были поражены. Многіе наивно готовы были предположить, что нѣмцы, желая доставить концертомъ и намъ пріятное, играютъ нашъ духовный гимнъ. Велико же было наше удивленіе, когда мы узнали, что это наше искони русское произведеніе, написанное, если не ошибаюсь, Д. С. Бортнянскимъ еще въ 70 годахъ XVIII столѣтія, нынѣ сопричислено нѣмцами къ числу національныхъ своихъ „патріотическихъ произведеній" подъ названіемъ „Die Macht der Liebe" („Сила любви").

Правда, этотъ нашъ духовный гимнъ издавна пришелся по душѣ нѣмцамъ, и, какъ мнѣ пришлось слышать, они давно уже исполняли его въ киркахъ во время вѣнчанія и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, но въ тѣ времена они добросовѣстно называли его въ нотахъ „духовной пѣсней Bortnianski". Теперь же нѣмцы по-просту присвоили себѣ это наше національное произведеніе, дали ему новую кличку

---

[1]) Всего въ это время насъ было 308 человѣкъ плѣнныхъ, изъ коихъ: 136 евреевъ, 62 православныхъ, 48 лютеранъ, 47 католиковъ, 5 армянъ, 4 менонита, 3 караима, 2 англичанина.

и рѣшили считать своимъ. Впрочемъ, что жъ мудренаго, если даже музыку нашего народнаго гимна нѣмцы когда-то приписывали пруссаку Гаазе. Сей Гаазе, состоя капельмейстеромъ гвардейскихъ полковъ въ Петроградѣ, написалъ маршъ, въ который включилъ основной мотивъ гимна Львова. Маршъ этотъ былъ исполненъ 30 августа 1834 г. въ Петроградѣ при открытіи Александровской колонны, въ присутствіи прусскихъ генераловъ, участниковъ боевъ 1812—1814 г.г. Онъ пришелся имъ по вкусу, былъ включенъ въ число маршей, допущенныхъ къ исполненію въ прусской арміи, и это-то дало впослѣдствіи нѣмцамъ основаніе доказывать, что мотивъ русскаго народнаго гимна заимствованъ Львовымъ изъ прусскаго марша. Наглая ложь была документально опровергнута извѣстнымъ нашимъ композиторомъ, Н. Ѳ. Соловьёвымъ, ѣздившимъ для разслѣдованія этого дѣла въ Германію. Исторія весьма поучительная!

Итакъ, разглядываніе русскихъ плѣнныхъ подъ звуки патріотическихъ гимновъ было для ростокцевъ развлеченіемъ весьма пикантнымъ, и въ воскресные дни ресторанъ нашего хозяина торговалъ на славу, въ то время, какъ остальные рестораны Ростока влачили, по случаю войны, весьма жалкое существованіе. Ловкій коммерсантъ учелъ выгоды привлеченія въ свое заведеніе плѣнныхъ и сдѣлалъ по тѣмъ плохимъ временамъ блестящее дѣло. Любопытно отмѣтить, что въ цѣляхъ привлеченія во внутрь сада возможно большаго количества публики, хозяинъ распорядился затянуть толемъ рѣшетку у воротъ, гдѣ ежедневно, а въ воскресные дни въ особенности, толклись зѣваки, нарочито пріѣзжавшіе для этого изъ города, которые „на-даровщинку“ пользовались удовольствіемъ разглядывать русскихъ плѣнныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ворота оказались задѣланными, этимъ, такъ сказать, безбилетнымъ „зайцамъ“ пришлось проникать во внутрь сада и за удовольствіе насъ разглядывать — платить контрибуцію хозяину, въ видѣ требованія пива и проч.

Хотя, такимъ образомъ, мы представляли выгодную доходную статью, но сквалыга хозяинъ продовольствовалъ насъ изо дня въ день все хуже. Пища стала, наконецъ, до того недоброкачественна, что насъ стали кормить мясомъ съ червями. Первый подобный случай, когда въ суповомъ ведрѣ была изловлена цѣлая семья червей, отъ большихъ до малыхъ включительно, вызвалъ большой переполохъ. Кеслеръ былъ возмущенъ чрезвычайно и представилъ объ этомъ возмутительномъ случаѣ рапортъ по начальству. Результатомъ этого рапорта явился срочный пріѣздъ штабсъ-арцта Сальке, которому были предъявлены черви, собранные нами въ банку и запечатанные печатью нашего казначея, князя Кугушева. Глубоко возмущенный, Сальке сдѣлалъ строгое внушеніе хозяину ресторана, но тотъ, нисколько не смущен-

ный, оправдывался, что ему-де за всѣмъ не доглядѣть, что виноватъ недобросовѣстный мясникъ, и т. д. Сальке рапортовалъ коменданту, но на того случай этотъ, повидимому, впечатлѣнія не произвелъ. И только стараніями того же Сальке были приняты нѣкоторыя мѣры контроля надъ доброкачественностью нашей пищи: ежедневно, ко времени нашего обѣда, стали пріѣзжать помощники Сальке, пробовавшіе пищу. Но это дѣлу не помогло: черви продолжали попадаться по-прежнему и въ мясѣ, и въ супѣ. Ну, и подтвердилась справедливость поговорки „привычка вторая натура“: мы болѣе или менѣе привыкли къ „червячкамъ“ и хотя, вылавливая ихъ, роптали, но этотъ ропотъ становился все благодушнѣе, надъ „червячками“ начинали острить, подобно нашему хозяину, какъ-то обмолвившемуся: „не фазанами же мнѣ васъ кормить, въ самомъ дѣлѣ, за полторы марки въ день!“

IX.

Счастье „стариковъ“ и дамъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней унылой осенней мокропогодицы, снова прояснѣло, и на душѣ стало легче. Вмѣстѣ съ ласковыми лучами вновь выглянувшаго изъ-за тучъ солнца, насъ озарили первые проблески надежды. Начали проявляться благопріятные признаки, сулившіе намъ свободу.

Кеслеръ по нѣсколько разъ въ день строилъ, перестраивалъ, считалъ, пересчитывалъ насъ, считалъ отдѣльно мужчинъ, отдѣльно женщинъ, дѣлалъ подсчеты по національности, по религіи, составлялъ отдѣльныя группы и перемѣщалъ ихъ изъ одного конца аллеи въ другой, и т. д. Каждый день въ этомъ отношеніи приносилъ что-нибудь новенькое, каждая перегруппировка вызывала цѣлый рядъ ободряющихъ догадокъ и надеждъ, быстро, однако, смѣнявшихся разочарованіемъ. Съ этими построеніями Кеслеръ не давалъ намъ скучать, но и нервы онъ намъ издергалъ основательно.

Затѣмъ, каждый день приносилъ необычайное обиліе „послѣднихъ новостей“ основанныхъ по-просту на кѣмъ-либо высказанной догадкѣ, превращавшейся черезъ нѣсколько минутъ въ „достовѣрный фактъ“, обсуждаемый на всѣ лады. Шутники изощрялись во всю. Сплетня, кѣмъ-либо пущенная въ одномъ концѣ аллеи, возвращалась черезъ нѣсколько минутъ обратно къ пустившему ее въ новой редакціи. Пріятель мой однажды, въ видѣ опыта, серьезнѣйшимъ образомъ сообщилъ случайному по столику сосѣду подъ „величайшимъ секретомъ“ „послѣднюю новость“, что насъ всѣхъ отправляютъ на время войны въ германскія колоніи въ Африку, для чего уже зафрахтованъ норвежскій пароходъ. Черезъ нѣсколько минутъ кто-то отозвалъ моего пріятеля въ сторону

и въ свою очередь столь же серьезнымъ образомъ сообщилъ ему тоже „подъ величайшимъ секретомъ“ самую послѣднюю „достовѣрную новость“, что насъ всѣхъ отправляютъ на время войны въ Норвегію, для каковой цѣли отъ береговъ Африки спѣшно отозванъ германскій военный пароходъ... Не было того нелѣпаго слуха, въ особенности, если онъ былъ сколько-нибудь благопріятенъ для насъ, къ которому мы, извѣрившіеся во всѣхъ слухахъ и „достовѣрныхъ новостяхъ“, не отнеслись бы, хотя на мгновеніе, съ довѣріемъ.

Но вотъ стали появляться извѣстія уже, дѣйствительно, болѣе или менѣе достовѣрныя: наши плѣнные стали получать отъ знакомыхъ изъ Берлина письма, пропущенныя цензурой (цензоромъ нашимъ былъ тотъ же Кеслеръ, пропускавшій письма безъ излишней придирчивости), въ которыхъ сообщалось, что многіе плѣнные отпущены уже въ Берлинѣ на свободу, что въ ближайшемъ времени рѣшено отпускать на родину стариковъ,—т. е. лицъ старше 50-тилѣтняго возраста, женщинъ и дѣтей, а затѣмъ постепенно всѣхъ остальныхъ. Слухи эти нашли подтвержденіе въ газетахъ, которыя съ громадными предосторожностями приносили намъ наши дамы, пользовавшіяся правомъ выхода въ городъ для покупокъ (чтеніе газетъ, временно намъ разрѣшенное, снова находилось подъ строгимъ запретомъ). „Старики“ наши заволновались: у большинства въ паспортахъ возрастъ не былъ указанъ, а по наружности многіе выглядѣли моложаво.

Наконецъ, однажды, послѣ обычнаго построенія по парамъ, Кеслеръ выдѣлилъ въ отдѣльную группу женщинъ, дѣтей и лицъ, заявившихъ себя старше 50 лѣтъ. Группа получилась очень пестрая: наравнѣ съ явно пожилыми людьми, стояли люди, явно недостигшіе и 40-лѣтняго возраста. Слѣдующій день принесъ еще новость: въ особую группу были выдѣлены больные, а затѣмъ всѣ лица, въ томъ числѣ и молодежь, имѣвшія на рукахъ бѣлые билеты, т. е. удостовѣренія русскаго военнаго начальства о совершенной непригодности для военной службы. Повидимому, всѣхъ такихъ лицъ, которыхъ оказалось множество, имѣлось въ виду вмѣстѣ со стариками отпустить на родину. Среди нихъ были лица, хотя и обладавшія бѣлыми билетами, но не имѣвшія ихъ при себѣ. Начались новыя треволненія. Наконецъ, какъ-то поздно вечеромъ Кеслеръ неожиданно сообщилъ необычайную новость: онъ объявилъ, что, по имѣющимся достаточно достовѣрнымъ даннымъ, всѣхъ будто бы рѣшено отпустить на свободу, причемъ въ первую очередь получатъ свободу тѣ изъ насъ, за кѣмъ не будетъ числиться денежной недоимки за все время продовольствія въ плѣну. Поэтому, во избѣжаніе недоразумѣній, Кеслеръ предлагалъ лицамъ, не расплатившимся, покончить счеты, т. к. вѣсть объ освобожденіи ожидалась, якобы, съ минуты на минуту. Несмотря на поздній часъ, онъ тот-

часъ открылъ сборъ денегъ. Тутъ ужъ волненія достигли крайняго напряженія: хотѣлось и радоваться близкой свободѣ, но въ то-же время многихъ смущала мысль, не ловкій-ли это маневръ, чтобы выудить деньги. Надо замѣтить, что, несмотря на достаточную корректность Кеслера, въ отношеніи стяжательности въ немъ все же сказывался нѣмецъ: бывали случаи, что у жалкаго бѣдняка-студента, получавшаго съ родины переводъ въ 10 марокъ,—5 марокъ удерживалось въ счетъ платы за „червячковъ"; бывали даже случаи, что лицъ, подозрѣваемыхъ въ утайкѣ денегъ, Кеслеръ приказывалъ попросту обыскивать, и эти сцены, происходившія на глазахъ у всѣхъ насъ (правда, онѣ бывали не часты), производили отвратительное впечатлѣніе.

Оптимистовъ, однако же, оказалось много, и они поторопились встать въ очередь передъ столомъ Кеслера, чтобы поскорѣе расплатиться; скептики благоразумно воздержались, предполагая, что сенсаціонный слухъ пущенъ Кеслеромъ въ видѣ уловки. И скептики не ошиблись. Касса Кеслера въ этотъ вечеръ значительно пополнилась, ночь мы провели въ волненіи, безъ сна, а утромъ... утромъ всѣ слухи смолкли и на нѣсколько дней наступило полное затишье.

Пріуныли даже наши „старики" и дамы, въ отношеніи которыхъ, по словамъ Кеслера, вопросъ о свободѣ былъ предрѣшенъ совершенно опредѣленно.

Но вотъ прошло еще 2—3 дня, и въ „Кайзеръ-Павильонъ" зачастили сыщикъ Папстъ (начальникъ сыскного отдѣленія) и полицейскіе чины. Началась провѣрка нашихъ паспортовъ, хранившихся у Кеслера. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Папстъ сталъ вызывать „стариковъ", въ паспортахъ которыхъ не имѣлось отмѣтокъ о возрастѣ, для установленія ихъ возраста по наружному осмотру. Многіе оказались забракованными. „Старички"-самозванцы легко примирились съ своей неудачей, дѣйствительные-же старики заволновались: переубѣдить нѣмцевъ, путемъ „честнаго слова" и другихъ совѣстливыхъ доказательствъ, разумѣется, нечего было и думать.

Изъ числа этихъ несчастныхъ двое волновались особенно сильно: то были купецъ г. Я—сонъ изъ Москвы и управляющій ливадійской фермой г. Я—въ. У обоихъ на родинѣ остались семьи, о которыхъ они не имѣли никакихъ извѣстій, и оба поэтому сильно тосковали. Теперь, по возрасту, они имѣли полное основаніе разсчитывать на свободу и, вдругъ, возможность этой столь долго жданной свободы ускользала, благодаря случайной оплошности паспортиста. Было отъ чего придти въ отчаяніе! Г. Я—сонъ, страдавшій грудной жабой въ серьезной формѣ (онъ лѣчился лѣтомъ въ Наугеймѣ), задыхался отъ болей въ груди, не дававшихъ ему спать. Г. Я—въ, недавно могучій здоровякъ, какъ говорится, таялъ на нашихъ глазахъ. Въ

началѣ плѣна жизнерадостный балагуръ, онъ сталъ угрюмъ, мраченъ, и этой мрачностью положительно пугалъ насъ. Онъ посѣдѣлъ за время плѣна, и внѣшность его не оставляла, казалось бы, сомнѣній въ томъ, что ему не меньше 50 лѣтъ. Но нѣмцы почему-то заупрямились. Къ счастью, въ горѣ этихъ нашихъ неудачниковъ принялъ участіе штабсъ-арцтъ Сальке. Только благодаря его усиленнымъ настояніемъ, оба были признаны имѣющими право на свободу. При этомъ, съ г. Я-мъ произошелъ слѣдующій любопытный случай. Нашъ, такъ сказать, старшій врачъ г. Розенцвейгъ, ведшій съ докторомъ Сальке всѣ переговоры по поводу больныхъ плѣнныхъ и въ полной мѣрѣ снискавшій довѣріе своего нѣмецкаго коллеги, просилъ штабсъ-арцта обратить на г. Я—ва особенное вниманіе, въ виду, якобы, не совсѣмъ нормальнаго психическаго его состоянія, и похлопотать объ его освобожденіи. Узнавъ объ этомъ, г. Я—въ столь безумно вытаращилъ глаза на штабсъ-арцта, когда тотъ, вызвавъ его для осмотра, сталъ слушать его пульсъ, и столь внушительно мычалъ въ отвѣтъ на вопросы Сальке, что тотъ вполнѣ удостовѣрился въ психическомъ нездоровьѣ своего паціента и сдѣлалъ по этому поводу рѣшительный докладъ полицейской власти. Впослѣдствіи, г. Я—въ отъ души смѣялся, разсказывая о своемъ мнимомъ сумасшествіи, но тогда ему было не до смѣха. Бѣдняга до того волновался при частыхъ допросахъ полиціи, что, несмотря на свое могучее здоровье, дважды падалъ въ обморокъ. Его душевныя страданія, его непомѣрное горе передавалось другимъ. И когда, наконецъ, полицейскій чинъ объявилъ ему, что онъ въ числѣ прочихъ стариковъ будетъ отпущенъ на свободу, г. Я—въ снова потерялъ сознаніе, на этотъ разъ уже отъ радости, а присутствовавшій при этомъ нашъ фельдфебель, сочувствовавшій горю г. Я—ва и теперь искренно за него порадовавшійся, прослезился. Это было очень трогательно. Среди окружавшихъ насъ грубыхъ жестокосердыхъ тевтонцевъ, этотъ славный человѣкъ представлялъ, съ штабсъ-арцтомъ Сальке и до извѣстной степени съ Кеслеромъ, счастливое исключеніе.

Близкое рѣшеніе участи нашихъ дамъ вызвало большое волненіе среди тѣхъ плѣнниковъ-мужчинъ, которые были въ плѣну съ женами и которые по возрасту не подлежали освобожденію. Съ одной стороны, они всячески убѣждали женъ воспользоваться возможностью свободы, рисуя картины тѣхъ крайнихъ лишеній, которыя, въ самомъ дѣлѣ, могли ожидать дамъ въ случаѣ, если бы насъ постигла злая участь провести зиму въ плѣну, да еще вдобавокъ въ „Кайзеръ-павильонѣ“. Съ другой же стороны, уговаривая женъ уѣхать, плѣнники-супруги въ душѣ страдали, страшась той неизвѣстности, на которую обречены были женщины въ предстоящемъ далекомъ пути, полномъ опасностей въ воен-

ное время, и для самихъ себя боясь разлуки, полнаго одиночества, на которое ихъ обрекали жены, если бы онѣ согласились уѣхать: вѣдь счастье многихъ плѣнныхъ и заключалось именно въ томъ, что они были въ плѣну вмѣстѣ съ женами, и плѣнные, оторванные отъ семей, сильно имъ завидовали.

Дня два томились душевной пыткой наши женатые товарищи. Однѣ жены готовы были послушаться голоса холоднаго разсудка и уѣхать; другія, послушныя голосу сердца, самоотверженно рѣшали остаться. Былъ приглашенъ изъ города нотаріусъ для составленія довѣренностей на имя тѣхъ женъ, которыя рѣшали уѣхать. Даже въ то время, когда нотаріусъ уже составлялъ въ канцеляріи „депо русскихъ“ черновики довѣренностей, многія жены, уже рѣшившіяся уѣхать, готовы были еще раздумать.

Это были тяжелыя минуты. Одинокіе, присматривавшіеся къ готовымъ разлучиться супругамъ, страдали за нихъ душой. Въ это время, между прочимъ, мы стали свидѣтелями слѣдующей любопытной сцены.

Къ одному изъ мужей подошелъ студентъ-еврей, молодой энтузіастъ, и обратился къ нему съ вопросомъ, предполагаетъ ли его жена уѣхать или остаться.

— Не знаю,—хмуро отвѣтилъ мужъ.—Колеблется. Повидимому, мнѣ удастся склонить ее уѣхать. Да и лучше. По крайней мѣрѣ, дѣла наладитъ дома, похлопочетъ, можетъ быть, о моемъ освобожденіи...

— Ну, знаете,—горячо перебилъ его студентъ:—если бы я былъ женатъ, и мнѣ удалось бы склонить жену покинуть меня при такихъ условіяхъ, я бы съ ней больше никогда не встрѣтился. Я бы зналъ, что она меня не любитъ...

— Но, дома—дѣла,—нерѣшительно возразилъ мужъ.—всяческія дѣловыя осложненія...

— Ахъ, какія дѣла могутъ заставить бросить любимаго человѣка въ такія минуты, когда вся жизнь ставится на карту!—искренно возмутился студентъ, сердито оборвалъ разговоръ и отошелъ.

Молодой энтузіастъ, съ душой, не оскверненной прозой жизни, былъ искренно огорченъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ. Ему, конечно, можно было только позавидовать...

Но вотъ наступилъ часъ, когда для супруговъ настала пора рѣшительно покончить со всѣми сомнѣніями: явился сыщикъ Папстъ, объявившій давно жданную вѣсть, что военное начальство разрѣшаетъ всѣмъ мужчинамъ, признаннымъ достигшими 50-тилѣтняго возраста, и всѣмъ дамамъ вернуться въ ближайшемъ будущемъ на родину. Папстъ потребовалъ, чтобы дамы по этому поводу высказались вполнѣ опредѣленно.

Для супруговъ наступили послѣднія минуты волненій, колебаній... Однѣ жены, взявъ подъ руки своихъ мужей,

крѣпко вцѣпились въ нихъ, какъ бы боясь, чтобы ихъ насильно не разлучили... Лица этихъ мужей сіяли торжествомъ побѣды... Другія твердо направились къ группѣ рѣшившихся уѣхать... Третьи, уже было примкнувшія къ ней, шмыгнули обратно...

— Кто изъ дамъ желаетъ еще уѣхать?

Молчаніе. Борьба съ сомнѣніями кончена.

Мы оглядываемся, подсчитываемъ и убѣждаемся, что женъ уѣзжающихъ больше, чѣмъ остающихся. Послѣднихъ— четыре-пять. Уѣзжающія—жены преимущественно дѣловыхъ людей, присяжныхъ повѣренныхъ, коммерсантовъ.

На очередъ выступаютъ новые, волнующіе всѣхъ уѣзжающихъ вопросы: Папстъ объявилъ, что всѣ, получающіе разрѣшеніе уѣхать, смогутъ осуществить это право лишь при томъ условіи, если имущіе уплатятъ сполна, какъ продовольственныя недоимки неимущихъ, такъ и за проѣздъ ихъ въ Россію. Сумма, подлежащая уплатѣ за объявившихъ себя неимущими, оказывается крупной. Между тѣмъ, среди этихъ яко бы неимущихъ имѣются лица, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они приберегли изрядную толику денегъ. Поднимается шумъ голосовъ, готовы вспыхнуть горячіе споры. Но властное мановеніе руки Папста заставляетъ шумъ смолкнуть.

— Завтра, въ 9 час. утра я долженъ получить окончательный отвѣтъ,—говоритъ онъ.—Займитесь обсужденіемъ вопроса. Пусть остающіеся не мѣшаютъ отъѣзжающимъ подготовиться къ отъѣзду. Прошу не волноваться.

Папстъ уѣзжаетъ. Но о томъ, чтобы не волноваться— рѣчи быть не можетъ. На очереди рѣшеніе жгучихъ вопросовъ: объ уплатѣ имущими отъѣзжающими за проѣздъ мнимыхъ неимущихъ, и еще болѣе важный для всѣхъ плѣнныхъ вопросъ—объ обезпеченіи имущими уѣзжающими неимущихъ остающихся.

Въ павильонъ, несмотря на поздній часъ вечера, сзываются всѣ плѣнные на дозволенное начальствомъ общее собраніе. По обычаю, совѣтъ старостъ, во главѣ со старшиной, занимаетъ мѣста на эстрадѣ, гдѣ въ былое время въ ненастные дни, когда дождь загонялъ бражничавшихъ ростокцевъ изъ сада въ павильонъ, играла музыка. Съ нашимъ водвореніемъ въ „Кайзеръ-Павильонѣ“ эстрада превращена въ трибуну для ораторовъ, а въ свободное отъ парламентскихъ занятій время—въ парикмахерскую, гдѣ съ утра суетится юркая фигура, въ бѣломъ балахончикѣ, нашего неизмѣннаго Фигаро, перекочевавшаго вслѣдъ за нами сюда изъ Бель-вю.

Засѣданія „общаго собранія“ ведутся у насъ по всѣмъ правиламъ парламентскаго искусства. Порой говоримъ дѣло, а больше „шумимъ, братцы, шумимъ“.

Въ этотъ вечеръ собраніе было особенно многолюдно. Въ составъ президіума были приглашены наиболѣе почтенныя лица изъ числа отъѣзжавшихъ. Начались рѣчи. По временамъ изъ толпы, по обычаю, выскакивалъ юркій еврейчикъ, лейпцигскій студентъ, извѣстный своей безтолковой болтливостью. Онъ былъ у насъ вождемъ партіи всѣми и всѣмъ недовольныхъ.

— Я требую слова!—поднимался его пискливо-пронзительный голосъ, сыпавшій слова, какъ горохъ.— Во имя элементарныхъ требованій этики, я утверждаю, что лишь полный объективизмъ и реализація начала общей справедливости...

Спокойный голосъ предсѣдателя рѣшительно останавливаетъ безпокойнаго болтуна.

Сбоку выглядываетъ каска дежурнаго караульнаго унтера, пришедшаго наблюсти за порядкомъ. Дабы не смущать его, рѣчи ораторовъ, произносимыя на русскомъ языкѣ, тотчасъ повторяются въ нѣмецкомъ переводѣ.

Засѣданіе становилось шумнымъ. Страсти ораторовъ разгорались. Буфетъ, находившійся въ томъ же помѣщеніи, бойко торговалъ дряблыми сосисками и кислымъ пивомъ: мужья, покидаемые женами, и молодежь, потерявшая надежду на скорое освобожденіе, не жалѣли послѣднихъ пфенниговъ, или, какъ мы ихъ прозвали,—„финиковъ".

Лишь въ полночь разбрелись мы по нашимъ нарамъ. А лица, выбранныя изъ состава совѣта старостъ для обсужденія послѣднихъ, наиболѣе спѣшныхъ вопросовъ, до утра шопотомъ совѣщались на эстрадѣ и что-то писали. „Старики" въ волненіи провели ночь безъ сна: предстоявшая, долго жданная свобода, мысли о родинѣ, которую имъ теперь скоро суждено было увидать—не давали уснуть.

X.

На свободу въ Ростокъ!

Итакъ, отъѣздъ „стариковъ" и дамъ былъ принципіально окончательно рѣшенъ и сомнѣнію не подлежалъ. Вопросъ заключался лишь во времени: Папстъ объявилъ, что срокъ отъѣзда будетъ установленъ высшимъ начальствомъ въ Альтонѣ, куда представлены были списки отъѣзжающихъ, и что отвѣтъ ожидается со дня на день. Такимъ образомъ, треволненія „стариковъ" прекратились. Помирившись съ нашей горькой участью, успокоились и мы всѣ остальные, потерявъ всякую надежду на скорое освобожденіе. Жена утѣшила меня, высказывая соображеніе, что во вторую очередь, несомнѣнно, отпустятъ лицъ женатыхъ, при которыхъ оставались жены, а тѣмъ болѣе больныхъ и неспособныхъ

къ военной службѣ, къ числу каковыхъ сопричисленъ былъ, повидимому, и я. Но надежды на это пока не было никакой. И, скрѣпя сердце, мы смирились, желая лишь одного— скорѣйшаго отъѣзда счастливыхъ нашихъ сотоварищей. Ихъ понятная эгоистическая радость, разговоры о предстоящемъ путешествіи, сборы къ нему и заботы о путевыхъ покупкахъ невольно доставляли намъ, остающимся, большую душевную боль. Конечно, мы радовались за нихъ, возлагали на нихъ надежды, что, пріѣхавъ въ Россію, они похлопочутъ за насъ, навѣстятъ нашихъ близкихъ, уладятъ наши дѣла, и все же сердце ныло при мысли, что они такъ скоро увидятъ родину, а намъ, быть можетъ, суждено и кости свои сложить здѣсь. Въ самъ дѣлѣ, если бы намъ довелось зимовать въ „Кайзеръ-Павильонѣ", какъ это и было предположено, многіе, вѣроятно, не выбрались бы отсюда живыми и, во всякомъ случаѣ, сколько-нибудь здоровыми и по прежнему трудоспособными людьми.

Однако, время шло, а „стариковъ" нашихъ что-то забыли. Снова пріуныли они. И общее настроеніе стало подавленнымъ: опять наступила осенняя слякоть, моросилъ безпросвѣтный дождь, начинались заморозки (стоялъ вѣдь уже сентябрь въ половинѣ по новому стилю), мы отчаянно мерзли по ночамъ, начались заболѣванія. Жутко было на душѣ.

И, вдругъ, въ нашей судьбѣ наступила неожиданная перемѣна. Я никогда не забуду этого неимовѣрно радостнаго дня—дня 14-го (по нашему стилю 1-го) сентября.

Это было воскресенье. Съ утра шелъ дождь. Въ виду невозможности гулять, многіе изъ насъ собрались въ дамской комнатѣ, куда, съ разрѣшенія Кеслера, было перенесено ресторанное піанино, освободившееся, въ виду прекратившихся, по случаю ненастной погоды, патріотическихъ концертовъ. Профессоръ Петроградской Консерваторіи, г-жа Б., играла намъ. Мы пѣли хоромъ русскія пѣсни, спѣли, къ великому удовольствію Кеслера и фельдфебеля, пришедшихъ послушать насъ, „Коль славенъ", потрунили надъ нашимъ сотоварищемъ, ѣхавшимъ изъ Италіи и утверждавшимъ, что онъ извѣстный пѣвецъ, приглашенный пѣть зимній сезонъ въ одномъ изъ крупныхъ оперныхъ столичныхъ театровъ, но рѣшительно и гордо не желавшій, несмотря на всѣ наши упрашиванія, явить намъ своего голоса (каковымъ онъ, повидимому, вовсе не обладалъ), уныло пообѣдали и уже собрались размѣститься по своимъ нарамъ, чтобы въ дремѣ скоротать долгій воскресный день, какъ, вдругъ, пріѣхалъ Папстъ. „Старики" всполошились. Мы же, остальные, предполагая, что Папстъ пріѣхалъ по поводу отъѣзда „стариковъ" и что насъ пріѣздъ его, очевидно, касаться ни мало не можетъ, равнодушно ожидали результата визита сыщика. Но, къ нашему удивленію, послѣдовалъ приказъ всѣмъ плѣн-

нымъ мужчинамъ и дамамъ собраться въ павильонѣ, чтобы выслушать рѣчь Папста.

— Новости, новости! Папстъ привезъ для всѣхъ хорошія новости,—быстро разнесся слухъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ мы всѣ были въ полномъ сборѣ. Сыщикъ торжественно красовался на эстрадѣ. Наэлектризованная волненіемъ толпа замерла. Окинувъ ее, изъ подъ насупленныхъ бровей, властнымъ взглядомъ, учитывая эффектъ, какой произведетъ его рѣчь, Папстъ поднялъ руку и, немного ломаясь, началъ говорить.

— Господа!

Послѣдовала долгая ораторская пауза. Глаза всѣхъ были прикованы къ эстрадѣ.

— Господа! Мнѣ поручено сообщить вамъ пріятную для васъ новость...

Снова послѣдовала томительная пауза.

— Я уполномоченъ сообщить вамъ, что высшая военная власть рѣшила предоставить вамъ всѣмъ свободу. Пока вы всѣ будете отпущены для свободнаго жительства въ городъ...

Мы не вѣрили своимъ ушамъ. Сердце замерло отъ радости.

— Съ той минуты, какъ я сойду съ этой эстрады,—торжественно провозглашалъ Папстъ,—вы перестаете считаться военно-плѣнными и, впредь до дальнѣйшей перемѣны въ вашей судьбѣ, поступаете въ вѣдѣніе полиціи, на которую возлагаются заботы и попеченія о вашей безопасности. Вамъ предоставляется поселиться въ городѣ, гдѣ вамъ угодно. Вы можете тамъ проводить время, какъ вамъ угодно. Словомъ, съ сегодняшняго дня вы совершенно свободны въ своихъ поступкахъ. На васъ налагаются лишь три обязанности: жить въ предѣлахъ города, зарегистрировавъ въ полицейскомъ бюро ваши новые адреса, пребывать ежедневно между 4 и 5 часами дня дома, на случай посѣщенія васъ полицейской властью, и вести себя во всѣхъ отношеніяхъ благопристойно. Полиція доброжелательно охранитъ васъ, но и вы должны пойти навстрѣчу заботамъ о васъ полиціи.

Слѣдовалъ рядъ указаній о томъ, какъ мы обязаны вести себя въ городѣ.

— Итакъ,—заключилъ Папстъ,—съ той минуты, какъ я сойду съ этой эстрады, вы болѣе не плѣнники. Вы сейчасъ же можете отправиться въ городъ, чтобы подыскать себѣ квартиры, а завтра утромъ вы переѣдете въ Ростокъ.

Онъ сошелъ съ эстрады. По манію его руки, солдаты съ ружьями удалились, съ воротъ былъ снятъ замокъ и они были настежъ распахнуты.

Мы не вѣрили своему счастію. Такъ, вѣроятно, чувствуетъ себя невинно подвергнутый суду, когда предсѣдатель объявитъ вердиктъ присяжныхъ:—„нѣтъ, не виновенъ“,—и стража удаляется.

На душѣ былъ истинно-большой праздникъ. Мы горячо поздравляли другъ-друга, жали другъ-другу руки.

Собраться въ городъ—было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Жена оставалась въ „Кайзеръ-павильонѣ“, чтобы заняться сборомъ вещей къ отъѣзду, а я съ пріятелемъ, г. П-те, съ которымъ мы рѣшили вмѣстѣ поселиться, направились въ городъ.

Какое неизъяснимо-чудесное чувство — чувство свободы! Въ такой мѣрѣ ранѣе я никогда его не испытывалъ. Мы не шли, а почти бѣжали: ноги, истомившіяся въ неволѣ въ однообразномъ топтаніи по аллеѣ нашего „Кайзеръ-павильона“,—сами теперь несли насъ. Мы забыли о томъ, что пока намъ дарована свобода весьма относительная; мы жили радостью настоящаго, не заботясь о будущемъ. Предстоявшая возможность по-людски вымыться, выспаться въ кровати, пріобрѣсти приличный видъ—казалась счастьемъ необычайнымъ.

Дождь пересталъ. Словно радуясь нашему счастью, выглянуло солнце. Быстро шли мы по прекрасному лѣсу-парку, стоявшему во всей красѣ осенняго наряда, вдыхая всей силой легкихъ бодрившій осенній воздухъ, дѣлясь мыслями о томъ, какъ мы устроимся. Отель не прельщалъ насъ: слишкомъ наскучило быть постоянно на людяхъ, хотѣлось уединиться, дать отдохнуть нервамъ. Мы рѣшили поэтому нанять въ частной квартирѣ три комнаты—двѣ спальни и одну общую въ качествѣ столовой, устроиться поуютнѣе, чтобы въ возможно сносныхъ условіяхъ прожить то неопредѣленное количество времени, которое намъ предстояло провести въ Ростокѣ. За совѣтомъ, какъ намъ найти комнаты, мы рѣшили обратиться къ знакомой семьѣ моего пріятеля—нашимъ сотоварищамъ по плѣну въ школѣ, сумѣвшимъ во время воспользоваться разрѣшеніемъ коменданта и давно жившимъ на свободѣ.

Минутъ 10 ѣзды въ трамваѣ—и мы въ городѣ. Въ семьѣ г. Г-е (нашихъ земляковъ по Петрограду) насъ ждалъ самый радушный пріемъ. Г-жа Г-е и ея дочь, милая барышня лѣтъ 16-ти, засыпали насъ вопросами.

— Вотъ неожиданность! Неужели васъ освободили? Вотъ славно! До насъ доходили ужасные слухи о вашей жизни въ „Кайзеръ-павильонѣ“. Такъ это все правда?

Вкратцѣ пришлось подѣлиться наиболѣе яркими впечатлѣніями изъ пережитаго, въ частности, разсказали, какъ наканунѣ баварецъ-унтеръ будилъ насъ при помощи холодной воды и облилъ водой больную женщину. Г-жа Г-е приходила въ ужасъ.

— Вы слышите?—обратилась она къ вошедшей квартирной хозяйкѣ:—это правда, что ихъ кормили червями, и ваши солдаты обливали даже женщинъ холодной водой.

— Ахъ, это неслыханно!—возмущалась почтенная нѣмка.—Эти унтеръ-офицеры—настоящіе звѣри. Они вѣдь даже со своими солдатами обращаются безъ всякой жалости.

Квартирную хозяйку г-жа Г-е очень хвалила. Она относилась къ своимъ жильцамъ, какъ къ роднымъ, радушно, участливо. Вообще, на жизнь въ Ростокѣ г-жа Г-е не могла пожаловаться. Тяжело жилось лишь въ первое время. Затѣмъ отношенія полиціи и мѣстныхъ жителей стали вполнѣ корректными.

— Но тоска, тоска!—жаловалась г-жа Г-е.—Цѣлые дни слоняемся безъ дѣла, а главное—гнететъ неизвѣстность, сколько времени продлится это неопредѣленное положеніе. Теперь, слышно, скоро будутъ отпускать стариковъ. По возрасту и мужъ могъ бы уѣхать, но по паспорту онъ статскій совѣтникъ, а говорятъ, что плѣнныхъ въ чинѣ статскаго совѣтника и выше нѣмцы отпускать не будутъ. Мужъ тоскуетъ невыразимо. Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, онъ рисуетъ въ мастерской хозяина этого дома,—живописца по ремеслу. Сейчасъ мужъ придетъ. Вы непремѣнно должны выпить съ нами кофе.

Съ непривычки, послѣ ужасныхъ условій нашей полуторамѣсячной жизни въ плѣну, я чувствовалъ себя положительно растерянно въ этой уютной комнатѣ съ бархатной мебелью, ковромъ, картинами, бездѣлушками. Конечно, вся эта роскошь въ квартирѣ скромной нѣмки была весьма убогая, но на меня она произвела такое же впечатлѣніе, какое, вѣроятно, производитъ мало-мальски опрятное жилье на бродягу, опустившагося до жизни въ грязныхъ притонахъ и неожиданно попавшаго въ обстановку жизни приличныхъ людей. Движенія стали неувѣренны, стѣснялъ износившійся пиджакъ, висѣвшій мѣшкомъ на исхудавшемъ тѣлѣ.

Пришелъ г. Г-е, и его радости не было конца. Пришло еще нѣсколько плѣнныхъ—товарищей по жизни въ школѣ. Ихъ было теперь не узнать. Въ сравненіи съ нами, они выглядѣли франтами.

Времени терять, однако, было нельзя; мы рѣшительно отказались отъ приглашенія радушныхъ хозяевъ выпить съ ними кофе и направились на поиски квартиры, въ чемъ намъ взялась помочь барышня Г-е, хорошо уже изучившая Ростокъ. Съ ея помощью мы поблизости быстро нашли нужныя три комнаты въ довольно убогой квартирѣ, носившей громкое названіе „пансіона фрейлейнъ Марты Вульфъ“. Скудно обмеблированныя, но довольно помѣстительныя, эти комнаты насъ вполнѣ удовлетворили. Хозяйка ихъ, здоровенная дѣвица, съ цѣлымъ цвѣтникомъ на головѣ въ видѣ шляпы, съ багровымъ румянцемъ во всю щеку и бараньимъ выраженіемъ бѣлёсыхъ глазъ („Дубинушка“!—рѣшилъ мой пріятель), запросила съ насъ какую-то нелѣпую сумму. Оказалось,

что до насъ эти комнаты снималъ московскій милліонеръ, тоже бывшій въ плѣну, который не зналъ предѣла своимъ прихотямъ. Объяснивъ, что мы отнюдь не милліонеры, мы начали энергично торговаться и, въ результатѣ, столковались на баснословно-дешевой платѣ: несмотря на предупрежденіе, которое мы сочли долгомъ сдѣлать, что мы русскіе и, слѣдовательно, враги отечества фрейлейнъ Марты Вульфъ, „дубинушка" съ величайшимъ удовольствіемъ принимала насъ въ качествѣ нахлѣбниковъ и за полный пансіонъ, т. е. за помѣщеніе съ утреннимъ кофе, обѣдомъ въ 2—3 блюда и ужиномъ, брала всего по 2 марки съ человѣка. Давъ задатокъ, подъ вліяніемъ котораго наша дѣвица-гренадеръ окончательно расположилась въ нашу пользу, и пожавъ ея лапообразную длань, мы поторопились вернуться въ нашъ постылый „Кайзеръ-павильонъ".

Поспѣли мы во время: въ павильонѣ начиналось послѣднее засѣданіе общаго собранія. Оно было непродолжительно; обсуждалось предложеніе старостъ о томъ, чтобы институтъ старостъ функціонировалъ и впредь въ Ростокѣ, въ цѣляхъ объединенія плѣнныхъ и оказанія имъ помощи, причемъ прежніе старосты, во главѣ со старшиной, оказались единогласно переизбранными; одобрили предложеніе, внесенное совѣтомъ старостъ, по прежнему періодически отчислять извѣстные взносы въ пользу неимущихъ; торжественно благодарили старшину и старостъ за хлопоты ихъ и заботы о насъ, и, наконецъ, просили старшину выразить Кеслеру и фельдфебелю нашу единодушную благодарность за ихъ гуманное къ намъ отношеніе. Пригласили наше бывшее военное начальство къ эстрадѣ. Видимо, они были тронуты и смущены.

— За что вы благодарите насъ, господа?—замѣтилъ, между прочимъ, Кеслеръ.—Наше отношеніе къ вамъ было вполнѣ естественнымъ. Развѣ раньше къ вамъ относились иначе?

Но это, конечно, былъ вопросъ неискренній, продиктованный излишней скромностью: отношеніе къ намъ другихъ унтеръ-офицеровъ было слишкомъ хорошо извѣстно Кеслеру, и не далѣе минувшаго дня ему былъ врученъ рапортъ по поводу мерзкихъ поступковъ унтера-баварца.

Первый вечеръ свободы наиболѣе близкіе пріятели рѣшили ознаменовать скромнымъ ужиномъ въ ресторанѣ „Кайзеръ-павильона". Хозяину данъ былъ заказъ, громко выражаясь, „сервировать" столъ на 12—15 персонъ. Чрезвычайно странно чувствовали мы себя на свободѣ въ ресторанѣ за опрятно накрытымъ столомъ, странно было, съ отвычки, имѣть дѣло съ чистой салфеткой, сидѣть на стулѣ, а уходя—не спрятать въ карманъ ложку, вытеревъ ее предварительно бумажкой, и остатки хлѣба. Вспоминалось не-

давнее время жизни въ школѣ, когда ѣсть приходилось, попросту сидя на полу.

— Смотри за мной, когда мы, вернувшись въ Петроградъ, попадемъ въ гости, — шутливо сказалъ я женѣ: — какъ бы, вставая изъ-за стола, не положить, по привычкѣ, прибора въ карманъ. И не удивись, если, вернувшись домой, я предпочту улечься въ спальнѣ на полу, разучившись имѣть дѣло съ кроватью.

Ужинъ нашъ состоялъ изъ крайне скромнаго меню: единственное изысканное блюдо, какое нашлось въ ресторанѣ, была яичница-глазунья съ жаренымъ картофелемъ, но на свободѣ незатѣйливое блюдо это показалось куда какъ вкусно. Было оживленно и весело. Смѣшно было глядѣть на лакея Франца въ кургузомъ фрачишкѣ, суетливо шмыгавшаго въ надеждѣ на щедрую подачку, и на недавно спѣсиво-надменнаго хозяина, который теперь сбился съ ногъ, проворно прислуживая и предлагая отборные сорта нѣмецкихъ сигаръ, винъ и ликеровъ, оказавшихся дрянью преестественной. Въ серединѣ ужина пришли Кеслеръ и фельдфебель, которые, въ виду столь торжественнаго случая, выписали изъ города своихъ „шацовъ“ *). Сдобныя, какъ булочки, шацы, попивая пиво, съ любопытствомъ насъ разглядывали. А Кеслеръ и фельдфебель подняли предложенныя имъ рюмки съ коньякомъ и пожелали намъ всякаго благополучія. Пожимая другъ другу руки, мы забыли, что мы враги, которые рано или поздно могутъ встрѣтиться на полѣ брани: среди насъ вѣдь было не мало запасныхъ.

Уже поздно вечеромъ стукъ въ стѣну, которая отдѣляла насъ отъ дамской комнаты, напомнилъ намъ, что мы нарушаемъ покой дамъ.

Необыденно-странно было возвращаться въ этотъ поздній часъ изъ ресторана „домой“ — въ нашъ постылый павильонъ, впервые не охраняемый часовыми. Хаотическій безпорядокъ въ павильонѣ передъ отъѣздомъ, пронизывающая сырость, благодаря вновь начавшемуся дождю, зловоніе — все было нипочемъ: оставалась послѣдняя короткая ночь въ неволѣ.

XI.

Въ пансіонѣ фрейлейнъ Марты.

Итакъ, мы на свободѣ, въ городѣ. Зарегистрировавъ адреса въ полиціи, — скорѣе въ ванну, скорѣе переодѣться, принять человѣческій обликъ, закупить все необходимое, начиная съ шляпы и кончая обувью, прибрать поуютнѣе жилье,

---

*) Schatz — сокровище, милочка; такъ нѣмцы нѣжно называютъ своихъ подругъ, а тѣ своихъ властелиновъ.

которое, несмотря на пресловутую нѣмецкую аккуратность, оказалось прегрязнымъ, закрыть открытыми письмами сальныя пятна, которыми пестрятъ обои, разобраться въ вещахъ, и вечеромъ пораньше спать.

Первые дни были полны отрадными впечатлѣніями. Сонъ, не прерываемый утромъ ненавистнымъ лающимъ окрикомъ „aufstehen", утренній кофе, а затѣмъ обѣдъ въ болѣе или менѣе семейной обстановкѣ, возможность читать газеты, книги французскія и даже русскія (которыя мы получали изъ библіотеки), долгія скитанія по незнакомому городу, полный физическій отдыхъ, вся эта новизна впечатлѣній на свободѣ послѣ ужасовъ подневольной жизни положительно представлялась счастьемъ.

Хозяйка наша, фрейлейнъ Марта, оказавшаяся особой очень привѣтливой, не знала, какъ намъ угодить. Благодаря ея старательности, мы прощали ей и довольно-таки нелѣпыя блюда, которыми она кормила насъ въ обѣдъ, въ родѣ сладкаго шоколаднаго супа съ плавающими въ немъ сбитыми бѣлками, и совершенно безвкусное приготовленіе другихъ блюдъ. Кличку „дубинушка", данную ей при первомъ знакомствѣ моимъ пріятелемъ, г. П—те, фрейлейнъ Марта совершенно оправдала. Тупа она была поразительно. Такъ, напр., „дубинушка" искренно удивилась, когда увидала русскія деньги: глупая нѣмка была въ полномъ убѣжденіи, что и у насъ, въ Россіи,—марки и пфенниги, а не рубли и копейки. Родные Марты — старикъ-отецъ, бывшій содержатель деревенскаго кабачка, цѣлый день чадившій ужасными сигарами, и братъ-солдатъ, раненый на французскомъ фронтѣ и вернувшійся для лѣченія домой, также относились къ намъ, хотя и съ нѣкоторымъ холодкомъ, но вполнѣ вѣжливо. А „шацъ" Марты, усатый малый-крѣпышъ, ежедневно навѣщавшій ее подъ видомъ родственника и тутъ-же столовавшійся, лѣзъ изъ кожи вонъ, стараясь, въ чемъ можно, намъ угодить и расположить въ пользу хозяйки, для которой мы являлись кладомъ: въ наступившія тяжелыя времена, когда половина квартиръ въ городѣ пустовала, найти жильцовъ для трехъ комнатъ было не такъ-то легко, въ особенности послѣ того, какъ всѣ плѣнные, выпущенные изъ „Кайзеръ-павильона", обзавелись жильемъ. Въ сравненіи съ другими квартирами нашихъ товарищей, „пансіонъ" фрейлейнъ Вульфъ не выдерживалъ критики ни въ отношеніи меблировки, ни въ отношеніи чистоты, и къ тому же расположенъ онъ былъ на шумной торговой улицѣ, благодаря чему грохотъ громадныхъ телѣгъ по булыжной мостовой не давалъ покою, но намъ жаль было огорчать уходомъ нашу „дубинушку": дѣвица она была, повидимому, очень нуждающаяся и къ тому же работящая удивительно. Какъ мы узнали, съ началомъ войны ей пришлось отпустить прислугу, и теперь

она одна несла всю черную работу по дому: убирала квартиру, стряпала, стирала.

— Какъ это вы справляетесь одна, фрейлейнъ Марта?— выскажешь ей, бывало, удивленіе.

— Что же подѣлать!—печально отвѣчала она.—Дѣла плохи стали. А у меня—отецъ, братья на рукахъ.

— Вѣдь скучно, поди, день-деньской не знать для себя минуты покоя?

— Еще бы не скучно! Разъ въ году сходишь въ театръ—вотъ и все развлеченіе.

— Ну, не всегда же такъ будетъ. Обзаведетесь семьей, мужъ будетъ помогать, дѣти пойдутъ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—вдругъ, до слезъ сконфузилась наша дѣвица-гренадеръ.—У меня... у меня не можетъ быть семьи, дѣтей...

И, еще сильнѣе смутившись отъ этой неожиданной для нея самой откровенности, быстро вышла. Невольно, такимъ образомъ, мы неосторожно затронули роковую тайну сердца нашей Марты. По всей вѣроятности, коварный „шацъ"-усачъ былъ не безъ грѣха въ драмѣ ея сердца: что-то ужъ очень по-хозяйски велъ онъ себя въ ея „пансіонѣ"...

На улицахъ Ростока мы чувствовали себя свободно; ростокцы привыкли къ плѣннымъ и на нашу русскую рѣчь не обращали вниманія. Въ магазинахъ, главными покупателями которыхъ мы теперь являлись, насъ встрѣчало, конечно, самое предупредительное отношеніе: хозяева охотно вступали въ бесѣду, сочувствовали бѣдамъ, пережитымъ въ плѣну, разспрашивали о родинѣ. Предупредительность порою доходила до смѣшного; такъ, напр., однажды въ магазинѣ обуви, когда я съ трудомъ справлялся со сниманіемъ примѣряемаго тѣснаго ботинка, какой-то унтеръ-офицеръ, къ великому моему удивленію, кинулся мнѣ помочь. Картина получилась довольно любопытная: старшій германскій унтеръ-офицеръ снималъ сапогъ русскому плѣнному. Оказалось, то былъ старшій приказчикъ магазина, призванный днемъ ранѣе на военную службу и еще не сдавшій своихъ обязанностей.

Словомъ, насколько въ началѣ ростокцы отнеслись къ намъ кичливо и вызывающе-враждебно, настолько теперь они были предупредительны и любезны. Дѣло объяснялось просто: первый мѣсяцъ войны уже показалъ нѣмцамъ, съ какимъ доблестнымъ врагомъ имъ приходится имѣть дѣло, въ лицѣ русскихъ, о которыхъ они были совершенно превратнаго мнѣнія, благодаря беззастѣнчивому лганью своего правительства. И если въ первыя недѣли войны ростокцы, на радостяхъ, звонили во всѣ колокола и украшали дома флагами, то теперь они, видимо, повѣсили носы, много поубавили спѣси, и мѣстная народная газета уже вполнѣ опредѣленно высказывалась, что рано-де правительство хватилось

звонить въ колокола и слишкомъ опрометчиво сунулось оно воевать, мечтая шапками закидать противника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, газеты настойчиво указывали на неприличное глумленіе надъ русскими, проявлявшееся въ неостроумныхъ, пошлыхъ каррикатурахъ на открытыхъ письмахъ, которыми во множествѣ украшены были окна магазиновъ. И, съ теченіемъ времени, солидные ростокскіе магазины, понявъ неприличіе такихъ открытыхъ писемъ, совершенно убрали ихъ со своихъ витринъ.

Итакъ, жилось намъ въ Ростокѣ довольно сносно. Къ тому же возстановилась отличная, теплая осенняя погода, и прогулки по городу съ его красивыми бульварами и огромнымъ пригороднымъ паркомъ доставляли большое удовольствіе. Кстати, скажу нѣсколько словъ о самомъ городѣ.

Ростокъ—древняго славянскаго происхожденія. Въ качествѣ славянскаго города, онъ упоминается уже въ половинѣ XII столѣтія, получивъ свое названіе отъ славянскаго „растечи": городъ расположенъ на рѣкѣ Варнѣ, которая въ этомъ мѣстѣ особенно широко растекается, превосходя по ширинѣ Рейнъ у Кобленца.

Ростокъ началъ быстро расти съ половины XIII столѣтія, въ особенности послѣ присоединенія его къ Ганзѣ или, такъ называемому, ганзейскому союзу (германскихъ, датскихъ и шведскихъ городовъ), въ которомъ на долю Ростока выпала роль стать во главѣ „союза венденскихъ*) городовъ". Въ XIV столѣтіи значеніе города растетъ, благодаря ряду удачныхъ кровопролитныхъ войнъ съ датчанами. Въ XV столѣтіи внутреннія и внѣшнія распри приводятъ богатый и значительный городъ къ постепенному упадку. Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія, по такъ называемому „наслѣдственному договору" съ герцогомъ Иваномъ-Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, Ростокъ, признавъ герцогское владычество въ отношеніи податей и воинской повинности, сохранилъ, однако, за собою значительную самостоятельность. Современныя отношенія Ростока къ германскому правительству вытекаютъ изъ наслѣдственнаго договора съ герцогомъ Фридрихомъ Мекленбургскимъ (состоявшагося въ концѣ XVIII столѣтія и подтвержденнаго въ XIX), въ силу котораго за городомъ сохранилось право чеканить свою монету и имѣть собственный флагъ (черный грифъ на желтомъ фонѣ). Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія послѣдовало новое городовое положеніе, согласно которому Ростокъ съ уѣздомъ продол-

---

*) Венды—нѣкогда обширное племя полабскихъ сербовъ (т. е. сербовъ, жившихъ по Лабѣ—Эльбѣ—въ мѣстности между этой рѣкой, Одеромъ и Балтійскимъ моремъ). Нынѣ остатки пол. сербовъ (около 150 тысячъ), онѣмечившихся, но говорящихъ особымъ языкомъ, населяютъ Лузацію—область, входящую въ составъ Саксоніи и Пруссіи и соприкасающуюся съ Чехіей, по рѣкамъ Шпрее и Рейсу.

жаетъ считаться „свободнымъ“ городомъ великаго Мекленбургъ-Шверинскаго герцогства, почти независимымъ въ дѣлахъ самоуправленія.

Теперь Ростокъ—крупнѣйшій (въ немъ до войны насчитывалось 70.000 жителей) и главный городъ богатаго Мекленбургъ-Шверинскаго герцогства и славится своимъ стариннымъ университетомъ, который по давности существованія занимаетъ, въ ряду германскихъ университетовъ, третье мѣсто: знаменитый гейдельбергскій университетъ былъ основанъ въ 1386 г., лейпцигскій—въ 1409 г. и ростокскій—въ 1419. Кромѣ университета, Ростокъ славится, какъ родина поэта-писателя Фрица Рейтера (1810-1874 г.г.), пріобрѣвшаго широкую извѣстность своими стихами и разсказами на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи, нарѣчіи, къ слову сказать, столь тарабарскомъ, что я тщетно пытался оцѣнить въ подлинникѣ красоты поэзіи Рейтера: въ этомъ нарѣчіи даже истому нѣмцу не разобраться (въ русскомъ переводѣ извѣстны разсказы Рейтера: „Наполеоновское время“ и „Разсказы изъ 1813 г.“).

Въ торговомъ отношеніи Ростокъ, видимо, довольно бойкій городъ. Онъ расположенъ на крупномъ желѣзно-дорожномъ узлѣ и связанъ удобнымъ сообщеніемъ съ главнѣйшими центрами—Берлиномъ, Лейпцигомъ, Любекомъ, Гамбургомъ, Штеттиномъ и Копенгагеномъ. Въ десяти минутахъ ѣзды по жел. дорогѣ лежитъ, у мѣста впаденія Варны въ море, принадлежащій Ростоку курортъ Варнемюнде, извѣстный своимъ хорошимъ пляжемъ. Благодаря близости къ морю, климатъ въ Ростокѣ мягкій, ровный, въ чемъ мы и убѣдились. Ранняя осенняя слякоть въ этомъ году была, по словамъ ростокцевъ, явленіемъ исключительнымъ. Смѣнившая ее прекрасная, солнечная погода держалась почти вплоть до середины октября.

Старая часть города очень любопытна своими своеобразными постройками и древней Marienkirche, напоминающей, по красотѣ богатой оконной мозаики съ изображеніемъ святыхъ, Кельнскій соборъ. Новую часть города украшаютъ нарядные дома, опрятно содержимые бульвары, сады со множествомъ цвѣтовъ, обширное зданіе театра.

Въ отношеніи культуры Ростокъ отсталъ отъ многихъ другихъ своихъ сосѣдей: въ немъ, напр., какъ я раньше упомянулъ, до сихъ поръ нѣтъ канализаціи, почему вечеромъ, возвращаясь домой, приходится наблюдать довольно странную картину: отбросы на ночь по просту выставляются хозяйками на улицу возлѣ парадныхъ дверей, распространяя основательное зловоніе. Электрическое освѣщеніе въ городѣ, конечно, имѣется, но газъ до сихъ поръ успѣшно съ нимъ конкурируетъ: въ квартирахъ чаще встрѣтишь, по старинкѣ, газъ.

Для повидавшаго крупные культурные центры интерес-

наго въ Ростокѣ мало. Музей не богатъ научнымъ содержаніемъ, а, если встрѣчаются отдѣльные любопытные предметы, въ родѣ снарядовъ средневѣковыхъ пытокъ, то вообще все содержимое музея какъ-то безцвѣтно и въ систему не приведено. Нѣтъ даже каталога, какъ нѣтъ его и въ картинной галлереѣ, помѣщающейся въ томъ-же зданіи. Коллекціи ея не богаты: много посредственныхъ копій съ полотенъ мастеровъ-классиковъ; среди произведеній мѣстныхъ художниковъ-мекленбуржцевъ встрѣчаются, правда, вещи талантливыя, но онѣ наперечетъ. Магазины съ огромными витринами не привлекаютъ своимъ содержимымъ. Ресторановъ, какъ въ Германіи вообще, множество, и въ обычное время они, видимо, процвѣтаютъ. Вообще же Ростокъ — городокъ скучный, сами ростокцы народъ тупой, жизнь ихъ безцвѣтна, одѣваются они безвкусно, ѣдятъ плохо. Безвкусіемъ отличаются и туалеты мѣстныхъ дамъ, среди которыхъ маломальски интересное личико и стройная фигура встрѣчаются въ видѣ исключенія, зато огромныхъ плоскихъ ногъ и огромныхъ рукъ — сколько угодно. Нрава жительницы Ростока, однако весьма фривольнаго. Обширная армія приказчицъ магазиновъ (и, въ особенности, отдѣленія пресловутаго универсальнаго Вертхейма) и ресторанныхъ кельнершъ полна, если не особенно милыми, то, несомнѣнно, погибшими созданіями. Среди этихъ плосконогихъ прелестницъ наша холостая молодежь не замедлила завести себѣ „шацовъ", которыя охотно дарили враговъ нѣжнымъ вниманіемъ: любовь, вѣдь, политики не знаетъ. Такимъ образомъ, наши легкомысленные молодые сотоварищи развлекались усердно и не скучали, забывая въ обществѣ нѣжныхъ сердцемъ, хотя и не особенно прекрасныхъ, росточанокъ тяготы плѣна. Мы же, степенные семейные люди, изучивъ Ростокъ, который можно пройти въ часъ времени вдоль и поперекъ, съ его однообразными мало привлекательными магазинами, отоспавшись вволю, но мало отъѣвшись на скудныхъ кормахъ нашихъ Мартъ и другихъ пансіонныхъ хозяекъ, начитавшись преисполненныхъ лжи и самовосхваленія нѣмецкихъ газетъ и наигравшись до одури въ шашки и карты, начали попрежнему преисправно скучать и томиться невѣдѣніемъ дальнѣйшей судьбы. Надежды на скорое освобожденіе не было никакой; мы сидѣли въ Ростокѣ, повидимому, прочно, и перспектива прозимовать въ немъ рисовалась вполнѣ опредѣленно. Наши же „старики" и дамы, которымъ сыщикъ Папстъ еще въ „Кайзеръ-павильонѣ" насулилъ скорое освобожденіе, томились духомъ и изнывали окончательно. Ихъ продолжали кормить надеждами, полиція ссылалась на комендатуру, комендатура на Альтону, но движенія нигдѣ не было никакого. Наконецъ, „старики" не вытерпѣли и послали слезную телеграмму въ Берлинъ и Альтону. Отвѣтъ не замедлилъ; онъ

былъ вполнѣ утѣшительный: день отъѣзда нашихъ счастливыхъ сотоварищей былъ назначенъ высшимъ начальствомъ опредѣленно.

Начались радостныя волненія. Дамы забѣгали по магазинамъ, мужчины засновали въ полицію и на квартиру нашихъ старостъ, встрѣчались кучками на улицахъ, собирали деньги на отъѣздъ, обсуждали вопросъ о наймѣ парохода: имъ было объявлено, что желаніе переѣхать въ Швецію черезъ приморскій нѣмецкій городъ Засницъ въ Треллеборгъ на паромѣ-пароходѣ признано не подлежащимъ удовлетворенію и что имъ самимъ слѣдуетъ озаботиться наймомъ парохода, который доставилъ бы ихъ въ Швецію непосредственно изъ Ростока. Послѣ цѣлаго ряда хлопотъ и переговоровъ старостъ съ однимъ изъ мѣстныхъ судовладѣльцевъ, небольшой пароходикъ рѣчного типа былъ по дорогой цѣнѣ—что-то за 1000 съ чѣмъ-то марокъ—зафрахтованъ, наши счастливые сотоварищи, снабженные полиціей пропускными билетами и нагруженные нашими порученіями, письмами и поклонами близкимъ на родинѣ, простились съ нами и рано утромъ пустились на своемъ утломъ суденушкѣ въ морской путь, подъ охраной сыщика Папста и одного изъ завѣдывавшихъ нами въ послѣднее время полицейскихъ, нѣкоего Розенберга, славнаго малаго, относившагося къ своимъ подопечнымъ питомцамъ вполнѣ доброжелательно. Папстъ и Розенбергъ, во избѣжаніе недоразумѣній на случай встрѣчи съ германскими военными судами, провожали уѣзжавшихъ до береговъ Швеціи.

XII.

Своеобразные паціенты.

И вотъ, мы осиротѣли. И по мѣрѣ того, какъ приходили письма отъ нашихъ счастливыхъ сотоварищей, сообщавшихъ, что они благополучно прибыли въ Треллеборгъ, затѣмъ въ Стокгольмъ, и, наконецъ, на границу Россіи—въ Торнео,—тоска по родинѣ все сильнѣе щемила сердце. Впрочемъ, стали намѣчаться просвѣты и въ нашей тусклой жизни: еще дня за четыре до отъѣзда „стариковъ“, пошли слухи, будто въ слѣдующую очередь будутъ отпускать больныхъ. За два дня до отъѣзда „стариковъ“, я направился вечеромъ на квартиру старостъ, чтобы провѣрить эти слухи. По дорогѣ встрѣчаю нашего старосту—доктора Розенцвейга, и задаю ему вопросъ, правда ли, будто многіе изъ нашихъ плѣнныхъ ходятъ къ доктору Сальке и частнымъ образомъ получаютъ отъ него удостовѣренія о болѣзни, надѣясь, на основаніи такихъ удостовѣреній, выхлопотать право возврата на родину. Я узналъ объ этомъ случайно нѣсколькими часами ранѣе.

— А развѣ вамъ не сообщили опредѣленно, что всѣмъ плѣннымъ необходимо продѣлать это?—удивился докторъ Розенцвейгъ. — Завтра я веду къ Сальке послѣднюю партію. Приходите въ 8 часовъ утра къ намъ на квартиру, выпейте предварительно три чашки крѣпкаго кофе, пару хорошихъ рюмокъ коньяку и выкурите крѣпкую нѣмецкую сигару.

— Помилуйте! Да я никогда ничего подобнаго утромъ...

— Тѣмъ лучше: эффектъ будетъ ярче. Хотя штабсъарцтъ выслушиваетъ поверхностно, но неврозъ сердца симулировать не мѣшаетъ.

— И подобный визитъ обходится, конечно, не дешево?

— Удовольствіе стоитъ всего 10 марокъ. Да и тѣ, кажется, Сальке передаетъ на дѣла благотворительности.

— И удостовѣренія эти дѣйствительны?

— Повидимому, вполнѣ. Говорятъ, что всѣ, признанные больными, будутъ отпущены.

Невыразимое чувство радости охватило все существо.

— Но, чѣмъ же объяснить эти неожиданныя милости?

Докторъ Розенцвейгъ развелъ руками, простился и торопливо направился на квартиру своихъ коллегъ. Я не сталъ его задерживать, зная, какъ онъ обремененъ нашими дѣлами. Какъ я тотчасъ же узналъ, оказалось, что докторъ, по скромности, скрытничалъ: это онъ, главнымъ образомъ, а также нашъ старшина, г. Каценельсонъ, пользуясь добрыми отношеніями съ докторомъ Сальке и его довѣріемъ, уладили это трудное дѣло. Они убѣдили штабсъарцта выдать удостовѣренія о непригодности для военной службы всѣмъ, заявившимъ себя больными, и начали хлопоты о томъ, чтобы плѣнные, получившіе такіе свидѣтельства старшаго военнаго врача, были признаны военной властью подлежащими отпуску на родину. Докторъ Сальке, человѣкъ порядочный и гуманный, знавшій всѣ наши мытарства и понимавшій всю нелѣпость нашего плѣненія, согласился намъ помочь, а военная администрація пошла навстрѣчу хлопотамъ нашихъ заправилъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, весьма непріятнаго для нѣмцевъ казуса: одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ, тайный совѣтникъ З. (о немъ я упоминалъ въ началѣ записокъ), страдавшій болѣзнью печени, рѣзко ухудшившейся въ теченіе жизни въ школѣ съ ея ужаснымъ режимомъ, былъ въ это время, какъ говорили, наканунѣ смерти. Объ отъѣздѣ его въ Россію не могло быть и рѣчи; даже въ Берлинъ, куда ростокскіе врачи нашли необходимымъ отправить больного для лѣченія, признано было опаснымъ его везти. Этотъ случай заставлялъ много о себѣ говорить, и ходили слухи, что одно изъ медицинскихъ свѣтилъ мѣстнаго университета будто бы открыто возмущенно заявляло, что смерть г. З. ляжетъ позоромъ на

военную власть, проявившую по отношенію къ плѣннымъ совершенно излишнюю жестокость. Говорили также, что по поводу нашего освобожденія усиленно хлопотала еврейская община въ Берлинѣ, насчитывавшая въ своей средѣ многихъ вліятельныхъ членовъ.

Какъ бы то ни было, вѣсти, мною въ этотъ вечеръ полученныя, были очень отрадны, и я поторопился передъ тѣмъ, какъ вернуться домой, пріобрѣсти должную порцію коньяку, кофе и сигаръ.

Фрейлейнъ Марта, видимо, чрезвычайно была удивлена просьбой разбудить меня въ 6 часовъ утра. Удивленіе ея еще больше возросло, когда, вставъ (послѣ безсонной отъ волненій ночи), я собрался самъ заняться варкой кофе.

— Ахъ, мейнъ Готтъ, хэръ Зергьевски,—всплеснула „дубинушка" руками:—но какъ же это можно, чтобы вы сами варили себѣ кофе!

— Ничего, ничего, фрейлейнъ,—успокоилъ я ее.—Я, знаете, иной разъ люблю доставить себѣ это маленькое развлеченіе. Не лишайте же меня его и отправляйтесь, съ Богомъ, на рынокъ.

Моя настойчивость объяснялась просто: варка четверти фунта кофе для трехъ чашекъ вызвала бы неимовѣрное удивленіе „дубинушки", обращавшей вниманіе на каждую мелочь въ нашемъ быту. Ее и такъ ужъ неимовѣрно смутило мое необыденно раннее вставаніе.

— Можетъ быть, хэръ Зергьевски, вы собрались уѣзжать?—неувѣренно спросила она.

— Пока—отнюдь нѣтъ,—возразилъ я.—У меня просто дѣла въ городѣ, и поэтому я такъ рано поднялся. Будьте спокойны: не простясь съ такой милой хозяйкой, не уѣду.

Она ушла, все же, видимо, сбитая съ толку.

Угостившись тремя чашками невѣроятно горькаго по крѣпости кофе, отъ котораго у меня сердце сразу заёкало, тремя основательными рюмками коньяку и сигарой, вершка въ три длиною, я, совершенно ошалѣлый, направился на квартиру нашихъ старостъ. Тамъ уже собралось человѣкъ пятнадцать „больныхъ". Видъ у нихъ былъ довольно-таки странный: кто былъ блѣденъ и молчаливо-мраченъ, кто—чрезмѣрно экспансивенъ и болтливъ. Одинъ молодой товарищъ, съ неестественно расширенными зрачками, увѣрялъ, что у него сердце совершенно остановилось и пульса нѣтъ. Однако, своеобразное „лѣченіе" оказало не на всѣхъ должное вліяніе и, чтобы добиться его, одинъ изъ старостъ былъ командированъ за покупкой бутылки коньяку и сигаръ.

Выслушавъ меня въ числѣ другихъ, докторъ Розенцвейгъ неожиданно приказалъ:

— Снимите сапоги. Мнѣ нужны ваши ноги.

— Но, позвольте, докторъ, — изумился я:—какое отношеніе ноги имѣютъ къ сердцу? Вѣдь я же сердце „лѣчилъ"!

— Разуйтесь,—послѣдовалъ короткій приказъ.

Недоумѣвая, я снялъ ботинки и носки. Докторъ прижалъ ступни моихъ ногъ къ полу, повернувъ ихъ нѣсколько пальцами внутрь.

— Когда штабсъ-арцтъ будетъ васъ свидѣтельствовать,—сказалъ онъ,—вы придадите ногамъ такое положеніе. Можно придраться къ плоской ступнѣ.

— А сердце?

— Ерунда! „Лѣченіе" не пошло вамъ въ прокъ.

— Да, вѣдь, я слышу, ёкаетъ?

— Недостаточно. У васъ слѣдующіе недостатки и болѣзни: плоская ступня, суставной ревматизмъ, катарръ желудка и подагра.

— Покорнѣйше благодарю!

— Пожалуйста, съ штабсъ-арцтомъ не разговаривайте: я буду говорить за васъ.

Скоро мы тронулись въ путь. Докторъ Салькe былъ занятъ своими очередными паціентами; ждать пріема пришлось довольно долго. Въ небольшой пріемной, наполнившейся русскими „больными", было душно. Подъ вліяніемъ этой духоты, выкуренной натощакъ сигары и волненія, сердце билось неимовѣрно, кровь приливала къ головѣ. Вдругъ, произошло общее движеніе: одинъ изъ нашихъ паціентовъ—еврей, переборщивъ съ „лѣченіемъ", лишился чувствъ, упалъ замертво на полъ, а затѣмъ, къ великому конфузу сидѣвшей тутъ почтенной нѣмки, ожидавшей очереди, его стало тошнить.

Воздухъ сталъ невыносимымъ. Я вышелъ на площадку лѣстницы. Тамъ, съ мрачнымъ выраженіемъ блѣднаго, какъ мѣлъ, лица, стоялъ другой еврейчикъ и, видимо, такъ же страдая, готовъ былъ послѣдовать примѣру своего единоплеменника.

— Выйдите поскорѣй на воздухъ,—посовѣтовалъ я.

Но было поздно: еврейчикъ, безнадежно махнувъ рукой, стремительно подбѣжалъ къ периламъ и... съ высоты третьяго этажа на поднимавшуюся въ это время по лѣстницѣ нѣмку-торговку овощами полился бурный дождь коньяку и кофе.

— Пфуй! Aber so eine Schweinerei!... *) — возмущалась грузная торговка, быстро взлетая по лѣстницѣ, опасливо обходя еврейчика и аккуратно стряхивая съ корзинки съ овощами слѣды неожиданнаго изверженія.—So ein versoffener Saukerl! **).

— Но это совершенно больной человѣкъ,—счелъ я долгомъ заступиться за своего компатріота, во избѣжаніе скандала, который могла поднять неистово разозленная нѣмка.—

*) „Фу, какое свинство!"
**) „Эдакій пьяный скотъ!"

Онъ пришелъ къ доктору, болѣзнь проявилась, и его невольно стало тошнить.

— Стало тошнить, стало тошнить! — передразнивая меня, уже на весь домъ орала фурія.—Порядочные люди не тошнятъ вамъ на голову, когда вы несете овощи, а выходятъ для этого на улицу. Или васъ нужно этому учить?

Инцидентъ грозилъ обостриться. Къ счастью, раскрывшаяся ближайшая дверь поглотила торговку, которая поторопилась умолкнуть: огласка происшествія могла невыгодно отразиться на сбытѣ пострадавшаго товара...

Со страху передъ докторскимъ осмотромъ переборщившій съ коньякомъ и теперь до смерти напуганный еврейчикъ поспѣшилъ ретироваться на улицу. Въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ бы сдѣлать это раньше!

Я попалъ къ доктору въ числѣ первыхъ. Сальке осматривалъ больныхъ внимательно, выслушивалъ объясненія доктора Розенцвейга и заносилъ свое заключеніе въ записную книжку. Я разулся, старательно придалъ ногамъ то положеніе, которому научилъ меня докторъ Розенцвейгъ, старательно прижалъ мои „плоскія" ступни къ холодному полу и ждалъ очереди. Скоро она наступила. Сальке не удовлетворился, какъ въ отношеніи другихъ паціентовъ, однѣми разутыми ногами: онъ велѣлъ мнѣ раздѣться до нага, окинулъ меня критическимъ взглядомъ, тщетно попытался просунуть подъ мою ставшую, дѣйствительно, плоской ступню палецъ и разрѣшилъ одѣться.

— Ваша профессія? — спросилъ онъ, занеся въ книжку запись о моихъ годахъ, мѣстѣ рожденія, постояннаго жительства и т. д.

— Редакторъ, — необдуманно отвѣтилъ я.

Сальке насупился.

Стоявшій рядомъ со мной московскій журналистъ пронзилъ меня укоризненнымъ взглядомъ. Но докторъ Розенцвейгъ уже подоспѣлъ на помощь.

— Редакторъ всеобщаго историческаго журнала,—догадливо подчеркнулъ онъ.

Сальке подумалъ, остался, повидимому, удовлетвореннымъ этимъ поясненіемъ и кивкомъ головы отпустилъ меня.

Съ томительнымъ напряженіемъ ждали мы въ пріемной рѣшенія нашей участи. Пріемъ продолжался съ часъ времени. По окончаніи его, докторъ Розенцвейгъ вышелъ съ довольнымъ, сіяющимъ лицомъ.

— Удостовѣренія будутъ выданы, за исключеніемъ двухъ лицъ, всѣмъ сегодня свидѣтельствовавшимся, — обрадовалъ онъ насъ.—Сальке сдастъ ихъ мнѣ всѣ вмѣстѣ, а я раздамъ вамъ ихъ вечеромъ.

Двумя неудачниками оказались оба еврея, не въ мѣру увлекшіеся коньякомъ.

Облегченно вздохнули мы, горячо поблагодарили нашего предстателя и съ нетерпѣніемъ стали ждать наступленія вечера: хотя вопросъ о выдачѣ намъ свидѣтельствъ былъ рѣшенъ въ благопріятнымъ смыслѣ, а все же до фактическаго полученія ихъ душа была неспокойна. Мало ли, что могло до вечера случиться! И, благодаря нелѣпой, сумасбродной выходкѣ одного изъ плѣнныхъ, мы въ самомъ дѣлѣ едва не лишились обѣщанныхъ намъ спасительныхъ свидѣтельствъ. Поясню въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ дѣло.

Въ числѣ плѣнныхъ былъ нѣкій К—овъ, москвичъ по происхожденію, человѣкъ неопредѣленной профессіи, живавшій до плѣна, кажется, чаще въ Берлинѣ, чѣмъ на родинѣ. Наружности весьма обыденной, невысокій ростомъ, К—въ, если и обращалъ на себя вниманіе, то развѣ лишь необычными для заграницы высокими голенищами, которыя онъ носилъ наружу. Велъ онъ себя въ плѣну очень скромно, усиленно занимался, по московскому обычаю, чаепитіемъ, постоянно, бывало, сновалъ въ буфетъ съ чайникомъ за кипяткомъ, а пива вовсе не пилъ. Но лишь только мы попали на свободу въ городъ, съ К—мъ произошла разительная перемѣна: онъ запилъ мертвую, буянилъ, дрался съ ростокцами и, въ концѣ концовъ, кажется, угодилъ однажды на ночевку въ полицію. Всѣ попытки товарищей урезонить его ни къ чему не привели, онъ продолжалъ пьянствовать круглыя сутки напролетъ.

Подъ вечеръ, въ день освидѣтельствованія насъ штабсъ-арцтомъ, К—въ, ни съ того ни съ сего, явился къ нему на квартиру и потребовалъ свиданія. Горничная попросила обождать въ пріемной, сказавъ, что докторъ очень занятъ. Нѣкоторые изъ находившихся здѣсь нашихъ плѣнныхъ, увидавъ, что К—въ, по обыкновенію, безнадежно пьянъ, попытались отговорить его отъ свиданія со штабсъ-арцтомъ. Но К—въ, ни слова не говоря, направился къ двери, ведшей въ кабинетъ и, безъ спроса, вошелъ туда. Въ кабинетѣ въ это время сидѣлъ одинъ изъ мѣстныхъ паціентовъ доктора Сальке. Въ присутствіи этого нѣмца, К—въ выпалилъ доктору приблизительно слѣдующее:

— Я возмущенъ выдачей вами всѣмъ безъ разбору удостовѣреній о болѣзни. Ваше поведеніе нечестно. Какъ нѣмецкій военный врачъ, вы не имѣете права торговать подобными свидѣтельствами. Да и русскіе вовсе не цѣнятъ вашей доброты. Они надъ вами только издѣваются.

Сальке, взбѣшенный, выбѣжалъ въ пріемную.

— Господа, что же это такое? — обратился онъ къ плѣннымъ, еле владѣя собой: — вмѣсто благодарности за мое доброе отношеніе къ русскимъ, вашъ товарищъ оскорбляетъ меня, говоритъ, что я торгую свидѣтельствами, что вы издѣваетесь надо мной!

Крайне возмущенные и смущенные, наши плѣнные стали горячо объяснять незаслуженно оскорбленному штабсъ-арцту, что пьяница К—въ лжетъ, что мы, напротивъ, безгранично благодарны доктору за его гуманное и доброе къ намъ отношеніе.

Это объясненіе удовлетворило штабсъ-арцта.

— Ну, такъ возьмите вашего товарища и раздѣлайтесь съ нимъ сами,—сказалъ онъ.—Если слухи объ этомъ случаѣ дойдутъ до полиціи, вамъ не видать свободы. Заприте-же этого субъекта покрѣпче, пока онъ не протрезвится. А я лично считаю вопросъ исчерпаннымъ.

Такимъ образомъ, докторъ Сальке лишній разъ доказалъ свою порядочность.

Получивъ въ тотъ же вечеръ свидѣтельства, мы въ теченіе ближайшаго дня все же чувствовали себя неспокойно. Слухи о пьяной выходкѣ К—ва легко могли дойти до полиціи, хотя бы чрезъ посредство того нѣмца, который оказался невольнымъ свидѣтелемъ объясненія К—ва съ штабсъ-арцтомъ. А Папстъ былъ бы только радъ воспользоваться удачнымъ случаемъ, чтобы и штабсъ-арцту насолить (порядочное отношеніе къ намъ Сальке пришлось очень не по вкусу сыщику), и лишить большинство изъ насъ возможности выбраться на свободу. Къ счастью, однако, бѣда насъ миновала, и дня черезъ два мы узнали, что списокъ всѣхъ плѣнныхъ, получившихъ свидѣтельства штабсъ-арцта, полиціей составленъ и направляется на благоусмотрѣніе высшей военной власти въ Альтону.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, до насъ дошла и крайне тревожная вѣсть, надѣлавшая среди насъ не малый переполохъ: оказалось, что въ списокъ попали лишь тѣ лица, которымъ Сальке выдалъ удостовѣреніе о болѣзни съ опредѣленнымъ указаніемъ: „Feld-und Garnison-dienstunfähig“ *). Тѣ же лица, которыя свидѣтельствовались у Сальке въ послѣдній день, т. е. вмѣстѣ со мною, и въ удостовѣреніяхъ которыхъ значилось только „militärdienstuntauglich“ **), въ списокъ включенными не оказались.

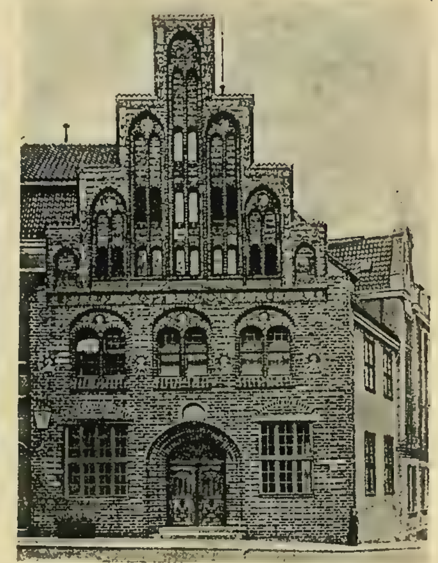
Забили мы тревогу. Въ долгомъ ожиданіи свободы душа изныла, нервы были окончательно измучены, а тутъ новое испытаніе. Просто отчаяніе охватывало! Побѣжали къ Сальке, а его, какъ на зло, не оказалось въ городѣ. Начались мучительныя догадки—объяснять ли это недоразумѣніе случайной оплошностью штабсъ-арцта, или умышленнымъ желаніемъ его выдѣлить, для очистки совѣсти, въ особую категорію десятка два плѣнныхъ, чтобы показать полиціи, что не всѣмъ свидѣтельства выдавались безъ разбору.

*) „Неспособенъ къ строевой и гарнизонной службѣ“.
**) „Неспособенъ къ военной службѣ“.

ЗАСЛУЖИВАЮЩІЯ ВНИМАНІЯ ЗДАНІЯ РОСТОКА.

Посреди — Университетъ. Слѣва — типичная старинная постройка (1601 г.). Направо — старая ратуша.

Но наши тревоги оказались напрасными. Сальке на слѣдующій день вернулся, старшина поспѣшилъ переговорить съ нимъ, и любезный штабсъ-арцтъ не только изъявилъ готовность исправить неумышленно допущенную оплошность, но еще и разсыпался въ извиненіяхъ. Оказалось, что второпяхъ, заготовляя кучу послѣднихъ свидѣтельствъ, онъ для ускоренія дѣла сталъ вписывать болѣе обобщенное „militärdienstuntauglich", не допуская мысли, что полиція мелочно придирется къ этому вполнѣ опредѣленному выраженію.

Списокъ былъ полиціей пересоставленъ и дополненъ, а затѣмъ, дня черезъ три, стало извѣстно, что списокъ въ Альтонѣ утвержденъ и что вопросъ объ отпускѣ на родину всѣхъ, въ немъ перечисленныхъ, принципіально разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Попали въ этотъ списокъ, между прочимъ, и тѣ два еврея, и нѣкоторыя другія лица, которымъ Сальке въ выдачѣ свидѣтельствъ отказалъ: имъ удалось раздобыть таковыя у другого покладистаго мѣстнаго врача. Вообще, плѣнные, получившіе медицинскія свидѣтельства о болѣзни и непригодности для военной службы, оказались въ большинствѣ; не получили удостовѣреній люди молодые, завѣдомо здоровые, у которыхъ при всемъ желаніи врачей нельзя было выискать даже намека на какую-нибудь болѣзнь.

Въ послѣднихъ числахъ сентября списокъ нашъ вернулся обратно съ разрѣшеніемъ всѣмъ, въ немъ перечисленнымъ, ѣхать на родину. Срокъ отъѣзда указывался вполнѣ опредѣленно—18-го, кажется, октября, причемъ намъ разрѣшалось избрать наиболѣе скорый и удобный путь для переѣзда въ Швецію: по желѣзной дорогѣ до Сасницъ и далѣе безпересадочно на фэрѣ *) до Треллеборга и Стокгольма. Но необходимость ждать цѣлыхъ двѣ недѣли насъ устрашила: мало ли, что могло случиться въ теченіе этого долгаго времени. Поэтому мы предпочли избрать болѣе рискованный способъ переѣзда — на пароходѣ непосредственно изъ Ростока въ Треллеборгъ, съ тѣмъ, что мы сами принимали на себя хлопоты по пріисканію парохода. Полиція снова снеслась съ Альтоной, и военная власть отвѣтила согласіемъ, подъ условіемъ, что выборъ парохода, въ смыслѣ его безопасности для нашего переѣзда, долженъ быть санкціонированъ начальникомъ ростокской полиціи.

Найти вполнѣ надежный пароходъ оказалось, въ виду прекращенія навигаціи по случаю войны, дѣломъ очень труднымъ. Шведскій пароходъ, отвозившій первую партію плѣнныхъ, обратно не вернулся, а на мѣстѣ, въ ростокскомъ порту, стояло всего лишь два жалкихъ суденышка

---

*) Т. е. на пароходѣ особаго устройства, на которомъ перевозятся въ полномъ составѣ поѣзда, направляющіеся изъ Германіи въ Швецію и обратно.

прогулочнаго типа, примитивнаго устройства и очень мелкой посадки, на которыхъ пускаться въ море, начавшее уже сильно бушевать, было далеко не безопасно. Впрочемъ, мы готовы были рискнуть и, запросивъ полицію о согласіи, вошли въ переговоры съ владѣльцемъ одного изъ этихъ пароходовъ, но тотъ заломилъ очень крупную плату, да и полиція, въ виду начавшихся сильныхъ штормовъ, рѣшительно отклонила наше ходатайство.

Приходилось, въ полномъ смыслѣ слова, ждать у моря погоды. А ждать было томительно трудно. По нѣсколько разъ въ день ходили мы на берегъ Варны смотрѣть, не появится ли со стороны моря хотя бы грузовой пароходъ, но дни проходили, а даль морская продолжала оставаться пустынной.

Наконецъ, однажды утромъ насъ ждалъ пріятный сюрпризъ: мы узнали, что ночью въ портъ пришелъ большой шведскій пароходъ. Мы побѣжали его осматривать. Это былъ настоящій морской основательный грузовикъ, привезшій изъ Швеціи камень. Мы вошли въ переговоры съ капитаномъ, и тотъ согласился насъ перевезти за плату, что то въ полторы тысячи кронъ, но при условіи полученія отъ насъ рѣшительнаго отвѣта не далѣе слѣдующаго утра. Старосты обратились въ полицію, и та обѣщала дать утромъ отвѣтъ. Счастье казалось совсѣмъ близко! Но на этотъ еще разъ оно не было суждено намъ.

Проснувшись на слѣдующій день часовъ въ 7 утра, я услышалъ рѣзкій пароходный гудокъ, троекратно повторившійся. Мелькнула тревожная мысль, не нашъ ли грузовикъ напоминаетъ о себѣ. Наскоро одѣвшись и напившись кофе, я побѣжалъ на берегъ и засталъ тамъ толпу товарищей, которые безнадежно глядѣли въ туманную даль вослѣдъ ушедшему пароходу: капитанъ не дождался отвѣта, снялся съ якоря и ушелъ.

Снова пришлось пережить тяжелое разочарованіе, и снова медлительно потянулись часы томительнаго ожиданія. Нашему горю взялась помочь полиція: начальникъ полицейскаго бюро вошелъ по телефону въ переговоры съ портовымъ начальствомъ Гамбурга и Штеттина, прося раздобыть для насъ подходящій пароходъ, хотя бы грузовой. Вскорѣ изъ Штеттина былъ полученъ благопріятный отвѣтъ: небольшой, но надежный нѣмецкій грузовой пароходъ кончалъ разгрузку, уходилъ черезъ двое сутокъ къ берегамъ Швеціи и изъявлялъ готовность зайти въ Ростокъ, чтобы доставить насъ въ Треллеборгъ. Плата назначалась сравнительно скромная—1000 кронъ. Пароходъ этотъ былъ извѣстенъ нашему полицейскому начальству, и на зафрахтованіе его оно препятствій не встрѣтило.

Такимъ образомъ, счастливыя минуты отъѣзда были, наконецъ, дѣйствительно близки. Въ хлопотахъ и волненіяхъ прошелъ послѣдній день. Надо было снарядиться для пред-

стоящаго морского путешествія: хотя путь былъ не далекій, но наступилъ холодъ при сильномъ вѣтрѣ, а у большинства изъ насъ были лишь лѣтніе пальто и костюмы. Пришлось закупать шерстяное бѣлье, фуфайки, плащи. Запасались провизіей, мѣняли нѣмецкія деньги на шведскія. Старосты собирали съ насъ плату за проѣздъ, добывали изъ „Кайзеръ-павильона" наши матрацы-соломенники, которые въ послѣдній разъ должны были сослужить намъ службу: каютъ на пароходѣ и въ поминѣ не было, предстояло совершить путешествіе въ трюмѣ.

Наконецъ, сборы и расчеты съ фрейлейнъ Мартой кончены, въ приподнятомъ настроеніи прошелъ послѣдній ужинъ, на славу приготовленный „дубинушкой", постаравшейся на прощанье намъ угодить, минула безсонная отъ волненій короткая ночь, и въ пять часовъ утра мы были уже на ногахъ.

XIII.

Отъѣздъ.

Чуть свѣтало. По молчаливымъ улицамъ Ростока издали загромыхали колеса тяжелой кареты, съ вечера заказанной нами. Нѣсколько минутъ послѣднихъ торопливыхъ сборовъ, дружеское прощаніе съ глупой, но доброй фрейлейнъ Мартой, искренно пожелавшей намъ счастливаго пути, и, громыхая на весь Ростокъ, наша допотопная колымага медленно труситъ къ пристани.

Погода спокойная. Разыгравшійся къ вечеру сильный вѣтеръ улегся. Мои спутники, утѣшая себя, высказываютъ увѣренность, что море будетъ спокойно. Но я въ это не вѣрю, я по опыту знаю, что осеннее море капризно и что послѣ нѣсколькихъ дней сильнаго вѣтра оно успокоиться сразу не можетъ. Впрочемъ, на случай качки, съ нами лимонъ и коньякъ, издавна считающіеся чудодѣйственнымъ средствомъ противъ морской болѣзни—мнѣніе, къ слову сказать, совершенно ошибочное.

Тихія сумеречныя улицы соннаго Ростока, древнія средневѣковыя зданія, мимо которыхъ насъ везетъ наша древняя карета, гармоничный бой церковныхъ часовъ, какое то особенное настроеніе настороженности, молчаливая толпа плѣнныхъ возлѣ пристани подъ надзоромъ полиціи—все это какъ то необыденно-своеобразно, даже, пожалуй, немного таинственно.

У пристани насъ ждалъ во-время прибывшій очень небольшой грузовой пароходъ. Осмотрѣть его намъ не позволили, мы должны были ждать сбора всѣхъ нашихъ сотоварищей: получить пропускные билеты на право свободнаго выѣзда заграницу и подвергнуться контролю полиціи. Мы узнали непріятную новость: начальство рѣшило отпустить насъ однихъ, безъ сопровожденія полицейскаго Розенберга и сыщика

Папста, сопровождавшихъ первую партію плѣнныхъ. Папста во время того переѣзда на смерть укачало, и онъ категорически отказался путешествовать вторично.

— Да, вы, несомнѣнно, встрѣтите военныя суда,—обрадовалъ насъ Папстъ,—и, вѣроятно, они васъ остановятъ и опросятъ. Но вѣдь я же снабжу васъ пропусками, съ которыми вы будете чувствовать себя совершенно спокойно.

Но послѣ этого сообщенія мы отнюдь не почувствовали себя спокойно. Наше общество состояло преимущественно изъ людей призывного возраста, здоровыхъ, рослыхъ, видныхъ. Было среди насъ не мало и молодежи. Зная произволъ нѣмецкой военной власти, мы вовсе не были увѣрены, что морская власть придастъ значеніе полицейскимъ бумажкамъ и, болѣе чѣмъ сомнительнымъ, нашимъ болѣзнямъ, въ родѣ хроническаго ревматизма и катарра желудка, удостовѣреннымъ доброжелательнымъ штабсъ-арцтомъ. Представлялось поэтому вполнѣ естественнымъ, что насъ могутъ задержать и направить обратно въ болѣе надежное мѣсто, чѣмъ Ростокъ, съ его покладистымъ начальствомъ. Вѣдь мы хорошо помнили случай, какъ, въ началѣ плѣна, военная власть въ Гюстровѣ отпустила насъ на свободу, снабдивъ пропусками, а часомъ позже военная власть Ростока насъ задержала. Словомъ, настроеніе наше было отнюдь не спокойное.

Но вотъ мы всѣ въ сборѣ. Собрались проводить насъ и остающіеся въ Ростокѣ товарищи. Тяжело прощаться съ ними; тяжело радоваться предстоящей свободѣ и думать, что эти бѣдняги снова вернутся сейчасъ въ постылые „пансіоны“, гдѣ ихъ ждетъ унылая череда жизни въ плѣну, быть можетъ, нескончаемо-долгая.

Послѣднія рукопожатія, послѣднія объятья. Мы проходимъ гуськомъ мимо Папста, который, вызывая насъ поименно и впиваясь въ лицо каждаго изъ намъ своими острыми, пытливыми глазами, выдаетъ намъ пропускныя удостовѣренія. Эти удостовѣренія гласятъ слѣдующее: „русскій подданный N. N. (званіе, имя, фамилія, возрастъ, мѣсто рожденія или постояннаго жительства) былъ здѣсь задержанъ, отпущенъ, и къ его отъѣзду черезъ Швецію въ Россію никакихъ препятствій не имѣется. Ростокъ, 7 октября 1914 г. Полицей-инспекторъ“...

Пропускные билеты получаютъ отдѣльно и мужья, и жены.

Явился проводитъ насъ и самъ полицей-инспекторъ, добродушный старичокъ въ торжественномъ мундирѣ, привѣтливо козыряющій въ отвѣтъ на наши поклоны...

Но на пароходъ насъ все еще не пускаютъ: старосты, во главѣ со старшиной (который тоже ѣдетъ съ нами) хлопочутъ съ размѣщеніемъ въ трюмѣ нашей поклажи и только что привезенныхъ изъ „Кайзеръ-павильона“ нашихъ старыхъ друзей—матрацовъ-соломенниковъ. Наконецъ, всѣ хлопоты кончены, капитанъ парохода получаетъ отъ Папста

удостовѣреніе на право провоза насъ и инструкціи на случай остановки насъ военными судами, и, наконецъ, намъ разрѣшаютъ войти на пароходъ. Остающіеся товарищи машутъ намъ платками и шляпами. Старшина, нарядившійся въ дорожный кожанъ и теплую кепку и принявшій поэтому бравый видъ истаго мореходца, все еще бесѣдуетъ на пристани съ Папстомъ, видимо, получая отъ него послѣднія наставленія. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ его.

Но вотъ происходитъ нѣчто непонятное и чрезвычайно странное: Папстъ машетъ капитану рукой, сходни мгновенно сняты, свистокъ, пароходъ еле замѣтно отчаливаетъ, а старшина остается на берегу. Среди насъ поднимается ропотъ недоумѣнія, тревоги. Становится яснымъ, что г. Каценельсонъ неожиданно задержанъ.

— Что это значитъ? Почему вы остаетесь? Мы не уѣдемъ безъ васъ!—возбужденно кричимъ мы, ничего не понимая.

Старшина обмѣнивается нѣсколькими словами съ Папстомъ, тотъ утвердительно киваетъ головой; г. Каценельсонъ киваетъ князю Кугушеву, тотъ стремительно соскакиваетъ на пристань, старшина въ двухъ словахъ, лишенный возможности что-либо объяснить въ присутствіи Папста, передаетъ князю свои старшинскія полномочія, затѣмъ—молчаливое, но многоговорящее крѣпкое объятье, князь Кугушевъ, совершенно разстроенный, обратно вскакиваетъ на пароходъ, снова, было, причалившій къ пристани, свистокъ—и мы трогаемся.

Мы полны негодованія, недоумѣнія, мы ропщемъ, протестуемъ, волнуемся. Г. Каценельсонъ поднимаетъ руку.

— Still! *)—коротко-повелительно говоритъ онъ и, по нѣмецки же, добавляетъ:—не волноваться, ѣхать. Still, still!

Ропотъ смолкаетъ. Очевидно, мы безсильны заступиться за нашего старшину, которому мы столькимъ обязаны, который наладилъ нашъ отъѣздъ, въ послѣднюю минуту оказался задержаннымъ и оставался въ плѣну жертвой за насъ искупительной.

— Какая низость!—глухо ропщемъ мы:—задержать, не предупредивъ, въ послѣднюю минуту—за минуту до обѣщанной свободы!

Пароходъ медленно отчаливаетъ. Въ черномъ своемъ кожанѣ, рѣзко оттѣняющемъ блѣдное взволнованное лицо, стоитъ съ отчаяніемъ въ глазахъ, тоскливо на насъ глядящихъ, но спокойно владѣющій собой, нашъ бѣдняга-старшина. Онъ снялъ шляпу, стоитъ на вытяжку, только глазами прощается съ нами, силится улыбнуться, но не можетъ. Намъ жаль его невыразимо, до слезъ, которыя въ самомъ дѣлѣ навертываются на глазахъ. Тяжелыя, тяжелыя минуты!...

Долго глядѣли мы въ сторону пристани, пока фигура

---

*) Спокойно!

нашего старшины не слилась съ толпой. Мы терялись въ догадкахъ. Приходило на умъ единственное сколько-нибудь обосновное объясненіе, заключавшееся въ томъ, что г. Каценельсонъ числился унтеръ-офицеромъ въ запасѣ и, хотя отмѣтки въ паспортѣ объ этомъ у него не было, но Папстъ легко могъ объ этомъ провѣдать: старшина не разъ высказывалъ въ кругу плѣнныхъ, что онъ радъ будетъ вернуться на родину, чтобъ исполнить долгъ гражданина. Объ этомъ могъ донести Папсту тотъ же Ф-кинъ (ранѣе мною упомянутый), бывшій у насъ въ отношеніи доносовъ на большомъ подозрѣніи. Хотя г. Каценельсонъ и получилъ отъ штабсъ-арцта удостовѣреніе о непригодности для военной службы, но этому удостовѣренію полиція, вѣроятно, придала значеніе менѣе, чѣмъ всякому другому, ибо одинъ внѣшній бравый видъ старшины, человѣка богатырскаго сложенія и здоровья, явно исключалъ возможность предположенія о непригодности для военной службы. Но, если полиція и была освѣдомлена о томъ, что г. Каценельсонъ числился на учетѣ, въ качествѣ запаснаго унтеръ-офицера, она, имѣя формальное доказательство его болѣзненнаго состоянія, въ видѣ удостовѣренія штабсъ-арцта, во всякомъ случаѣ, обязана была освободить его изъ чувства элементарной благодарности за тотъ огромный трудъ, который несъ старшина, облегчая полиціи и военной власти обязанности по администрированію нами. Надо отдать справедливость г. Каценельсону, онъ оказался умѣлымъ администраторомъ и, благодаря его энергіи, порядокъ у насъ за все время плѣна былъ образцовый. Папстъ предусмотрительно предоставилъ ему возможность довести свои обязанности до конца, даже разыгралъ комедію съ выпиской на его имя пропускного свидѣтельства и, за минуту до полученія такъ долго жданной свободы, предательски схватилъ свою жертву. Поступокъ низкій, вполнѣ, впрочемъ, соотвѣтствовавшій всему образу дѣйствій негодяя сыщика Папста.

Какъ ни были мы поражены этимъ тяжелымъ случаемъ, новыя впечатлѣнія и личныя переживанія поневолѣ заставили насъ на время забыть нашего злосчастнаго старшину.

Когда пароходъ на версту отошелъ отъ Ростока, одинъ изъ нашихъ старостъ настойчиво посовѣтовалъ намъ разойтись или спуститься въ трюмъ.

— Почему?—полюбопытствовалъ я.

— Небольшой грузовой пароходъ, везущій толпу людей по виду явно не германскаго происхожденія, можетъ привлечь вниманіе прибрежнаго люда,—послѣдовалъ отвѣтъ.—А въ Варнемюнде происходитъ стрѣльба въ цѣль и пристрѣлка орудій. Ну, такъ вотъ... По крайней мѣрѣ, и полиція намекала, что намъ слѣдуетъ соблюдать осторожность...

Оставалось послѣдовать благоразумному совѣту.

Варнемюнде мы миновали благополучно. При выходѣ

въ море, военный крейсеръ покружился, было, вокругъ насъ, но оставилъ въ покоѣ.

Несмотря на мизерный видъ нашего грузовичка, онъ оказался посудиной довольно быстроходной. На первыхъ порахъ мы шли преисправно, узловъ по 12-ти въ часъ, и можно было надѣяться, что при такомъ ходѣ мы, выйдя изъ Ростока въ 8 часовъ утра, попадемъ въ Треллеборгъ около 3 часовъ пополудни. Но надеждамъ нашимъ не суждено было оправдаться. Море, въ началѣ спокойное, постепенно становилось все бурливѣе, вѣтеръ крѣпчалъ, небо покрывалось свинцовыми тучами. Началась качка. Ее встрѣтили шутками, даже дамы храбрились. Но прошелъ часъ-другой, мы минули защищавшую насъ справа косу, и картина рѣзко измѣнилась. Море разыгралось по настоящему, поднимался штормъ, къ носовой качкѣ прибавилась бортовая, и начался положительно адъ. Нашъ грузовичокъ кидало невѣроятно, винтъ то и дѣло высовывался наружу, почти не работалъ, мы подвигались черепашьимъ шагомъ. Начались приступы морской болѣзни. Пошли въ ходъ лимоны. Одинъ за другимъ исчезали пассажиры. Вскорѣ большинство лежало навзничь на соломенникахъ въ трюмѣ, тутъ же подвергаясь отвратительнымъ приступамъ морской болѣзни. Волны хлестали черезъ палубу, трюмъ пришлось закрыть, и воздухъ тамъ сталъ отчаянный.

Нѣсколько дамъ, а въ числѣ ихъ и моя жена, уже лежали замертво въ единственной маленькой душной каюткѣ, любезно уступленной капитаномъ. Я самъ, бывалый мореходецъ, испытавшій всякія морскія передряги и никода не хворавшій морской болѣзнью, страдалъ невыносимо, можетъ быть, благодаря пережитымъ за послѣднее время треволненіямъ, измучившимъ нервы и ослабившимъ организмъ. Этотъ ужасный морской переходъ явился достойнымъ финаломъ нашихъ трехмѣсячныхъ мытарствъ. Ни сидѣть, ни лежать, ни ходить, я не могъ. Весь день, часовъ до 8 вечера, я простоялъ на ногахъ, измученный потугами рвоты. Непреоборимая, типичная во время морской болѣзни, холодная тоска наполняла все существо.

А на горизонтѣ, то удаляясь, то приближаясь, все время кружили крейсера и броненосцы. Съ наступленіемъ темноты, ихъ боевые фонари стали обшаривать насъ снопами лучей, которые то красиво освѣщали клокотавшую бездну морскую, то пытливо-зорко перекидывались на тяжело-нависшія громады свинцовыхъ тучъ. Невыносимо угнетала мысль, что, къ довершенію физическихъ страданій, нѣмцы, пожалуй, остановятъ насъ, станутъ осматривать, допрашивать. Возможность снова увидать противную военную нѣмецкую рожу, услыхать лающіе командные окрики, снова попасться въ лапы наглыхъ бурбоновъ казалась чѣмъ-то чудовищно-отвратительнымъ. Безъ преувеличенія, смерть представлялась милѣе. Вспоминались раз-

сказы о минахъ, плававшихъ въ этихъ мѣстахъ, и томилась душа страстнымъ желаніемъ того или иного конца, лишь бы онъ скорѣе наступилъ. А гдѣ то вблизи меня все время слышался изводившій душу нервный разговоръ двухъ еще крѣпившихся товарищей, внимательно слѣдившихъ за военными судами:

— Приближается?

— Подходитъ.

— Крейсеръ?

— Пожалуй, броненосецъ.

— Отошелъ!

— Нѣтъ, снова нацѣлился.

Если военныя суда и оставили насъ въ покоѣ, то исключительно благодаря бурной погодѣ и нѣмецкому флагу, подъ которымъ мы шли. Иначе, врядъ ли бы мы сдобровали.

Вечеромъ, совершенно измученный, я свалился на палубу и, несмотря на жестокій вѣтеръ и холодъ, заснулъ мертвымъ сномъ. Проспалъ я часа два. Когда я проснулся, было 9 часовъ. Видимо, мы приближались къ берегу: море значительно утихло, качка уменьшилась. Я взглянулъ по направленію движенія судна—далеко впереди слабыми точками маячили огни береговыхъ фонарей.

— Теперь недолго,—замѣтилъ проходившій мимо помощникъ капитана, сочувственно относившійся ко мнѣ.—Часа черезъ два будемъ въ Треллеборгѣ.

Тоски какъ не бывало. Порывъ радости и бодрости наполнилъ душу, вернулась способность передвигаться, хотя еще не особенно увѣренно, и я побрелъ въ капитанскую каюту, гдѣ дамы лежали въ совершенномъ изнеможеніи. Ихъ даже не обрадовала вѣсть о близкомъ берегѣ. Возможность скоро попасть въ чистую постель казалась несбыточной мечтой.

Но вотъ, наконецъ, и Треллеборгъ. Вмѣсто трехъ часовъ дня, мы доползли до него къ 11 часамъ вечера. Но все хорошо, что хорошо кончается!

Весело играютъ, то потухаютъ, то вновь вспыхиваютъ, ярко переливаясь, точно во время иллюминаціи, сотни сигнальныхъ разноцвѣтныхъ огней на стѣнкахъ порта. До порта минутъ десять хода, но войти въ него безъ помощи лоцмана мы не можемъ: портъ минированъ. Помощникъ капитана вооружается фонаремъ и сигнализируетъ, вызывая лоцмана. Но нашъ вызовъ остается безъ отвѣта. Машина застопорена, мы лавируемъ на мѣстѣ. Полчаса длится сигнализація, сирена реветъ, но отвѣта нѣтъ. Капитанъ усталъ, онъ сердится и приказываетъ отдать якорь.

— Мы будемъ ночевать въ морѣ,—рѣшительно говоритъ онъ.

Но перспектива провести ночь на холоду, въ грязи, кажется, послѣ всѣхъ пережитыхъ испытаній, чудовищной. Мы протестуемъ.

— Какъ хотите, я васъ въ портъ не поведу, — злится капитанъ: — я не желаю подвергать судно опасности.

Помощникъ капитана пытается еще сигнализировать. И на этотъ разъ наши безмолвныя мольбы услышаны: изъ порта быстро идетъ къ намъ навстрѣчу моторная шлюпка, привѣтливо мигающая желтымъ огонькомъ фонаря. Шлюпка подходитъ, брошенъ веревочный трапъ, доносится короткій шведскій говоръ съ типичнымъ „я со" *), кажущійся намъ такимъ милымъ послѣ постылой нѣмецкой рѣчи. Лоцманъ взбирается на капитанскій мостикъ и твердой рукой ведетъ нашъ утлый пароходъ, измученный выпавшей на его долю тяжелой передрягой, въ тихое пристанище.

— Сходить на берегъ до прихода полиціи ist nicht gestattet **), — раздается команда капитана, и мы въ послѣдній разъ слышимъ это ненавистное „nicht gestattet", набившее намъ оскомину въ плѣну.

Прихода полиціи и таможенныхъ чиновниковъ приходится ждать съ полчаса: портовое начальство давно уже мирно спитъ. Наконецъ, полиція является, какъ всегда, корректная, вѣжливая. Таможенный досмотръ вещей — простая формальность — проходитъ быстро, и вотъ мы свободны, совершенно свободны! Какая радость! Какая бодрость въ душѣ, какой приливъ энергіи! Ожили наши дамы. Всѣ пережитыя невзгоды, усталость, сонливость — какъ рукой сняло.

Слышатся веселый говоръ, шутки, смѣхъ.

Возлѣ насъ толчется какой-то досужій почтенный треллеборжецъ, настойчиво пытающійся что-то объяснить на шведскомъ языкѣ. Призываю на помощь весь скудный запасъ всплывающихъ въ памяти шведскихъ словъ, знакомыхъ по прежнимъ посѣщеніямъ Швеціи, пытаюсь объясниться, но ничего не выходитъ. Тогда треллеборжецъ начинаетъ орудовать невѣроятнымъ ломанымъ французскимъ языкомъ. Оказывается, онъ старательно желаетъ втолковать намъ, что въ городѣ имѣется хорошая гостинница, гдѣ онъ рекомендуетъ намъ остановиться, и обѣщаетъ найти возницу. Является вопросъ: кто онъ? Комиссіонеръ, желающій получить на водку? Боже избави! Почтенный шведъ просто входитъ въ наше положеніе и хочетъ оказать посильную услугу. Узнаю славный, доброжелательный шведскій народъ!

Но подрядить возницу оказывается не такъ-то просто: налицо одинъ извозчикъ (какъ потомъ мы узнали — едва ли не единственный во всемъ городѣ), а желающихъ подрядить его — нѣсколько десятковъ. Извозчикъ начинаетъ курсировать

---

*) Ia so — буквально — „ахъ, такъ", „именно". Любимое выраженіе шведовъ, имѣющее, въ сущности, множество значеній, въ зависимости отъ интонаціи, съ которой оно произносится.

**) Не разрѣшено.

отъ пристани къ гостинницѣ и обратно. Чудомъ намъ, въ числѣ первыхъ, удается взять его приступомъ, нѣсколько минутъ ѣзды, и мы въ уютномъ номерѣ опрятной шведской гостинницы. Расторопная свѣтловолосая фрекенъ быстро стелитъ постели. Какое блаженство вымыться и растянуться на удобномъ пружинномъ матрацѣ: отъ этой роскоши мы давно отвыкли. Спать, спать! Спать до поздняго утра, пока мы сами не проснемся. Отдыхъ нами заслуженъ, а торопиться некуда: ближайшій поѣздъ на Стокгольмъ отходитъ, правда, въ 6 утра, но Богъ съ нимъ! Мы рѣшили хорошенько отдохнуть и тронуться въ путь со слѣдующимъ поѣздомъ, отходящимъ вечеромъ.

День въ Треллеборгѣ, посвященный покупкѣ билетовъ, сытному и вкусному завтраку (шведы любятъ и умѣютъ покушать, не то, что нѣмцы) съ традиціонной „секса" и шведскимъ пуншемъ, прогулка по тихому маленькому городу, единственной достопримѣчательностью котораго являются гостинница, гдѣ мы остановились, и башня-водокачка, ночь въ удобномъ спальномъ вагонѣ—и мы въ Стокгольмѣ.

Тутъ мы рѣшили пробыть двое сутокъ: надо было набраться силъ для предстоящаго еще не малаго пути, да и наши путники, не бывавшіе еще въ Стокгольмѣ, жалѣли упустить случай поближе съ нимъ познакомиться.

XIV.

Въ „Сѣверной Венеціи". Черезъ Торнео домой.

„Сѣверная Венеція", подъ какимъ прозвищемъ заслуженно слыветъ окруженная дивными фіордами столица Швеціи, была необыденно оживлена, благодаря множеству русскихъ, возвращавшихся изъ плѣна. На улицахъ, въ ресторанахъ и гостинницахъ то и дѣло слышалась русская рѣчь: точно уже на родину попалъ.

Люблю я этотъ прекрасный городъ, соединяющій въ себѣ роскошь европейской культуры со своеобразной красотой старины.

Стокгольмцевъ называютъ еще „парижанами сѣвера". И это прозвище, до извѣстной степени, вѣрно. Стокгольмки и стокгольмцы элегантны, изящны, умѣютъ одѣваться со вкусомъ и своеобразнымъ шикомъ, любятъ жизнь кафе и ресторановъ, которыхъ въ Стокгольмѣ очень много. Свѣтлобѣлокурыя съ темными глазами и чуднымъ цвѣтомъ лица, не нуждающимся въ косметикѣ, стокгольмки красивы, стройны. На улицахъ, въ ресторанахъ, театрахъ я положительно ни разу не встрѣтилъ уродливаго лица. Правда, онѣ не такъ экспансивны, какъ легкомысленныя гражданки Парижа, но подъ холодной, свѣжей и ясной, какъ студеная вода фіордовъ, красотой ихъ кипятъ,—такъ говорятъ опытные люди,—порывы увлеченій, которымъ онѣ умѣютъ отдаваться:

стокгольмки умѣютъ любить по настоящему, но умѣютъ и... по настоящему капризничать. Бѣдовый народъ, говорятъ!

Стокгольмцы—подъ пару своимъ прекраснымъ подругамъ: корректны, изящны и въ костюмѣ, и въ обращеніи. Здоровяки-спортсмены, по типу нѣсколько напоминающіе англичанъ, они умѣютъ пользоваться здоровыми радостями жизни, жить весело, не то что мы, больные нервами, хилые жители сумрачнаго Петрограда. Изящно-стройны военные. Форма ихъ, не блещущая побрякушками, отличается красивой расцвѣткой мундировъ. Глядя на офицеровъ, гарцовавшихъ на лихихъ скакунахъ по бульвару, ведущему вдоль фіорда къ красѣ Стокгольма „Скансену",—огромному гористому паркузоологическому саду, гдѣ собраны живущіе въ естественныхъ условіяхъ представители всѣхъ породъ звѣрья и птицъ страны,—я думалъ: живите мирно, прекрасные сыны Марса, служите украшеніемъ вашей красивой столицы, и да хранитъ Господь васъ и вашу счастливую страну отъ ужасовъ войны. Вамъ нечего дѣлить съ сосѣдями, вамъ незачѣмъ воевать".

Въ самомъ дѣлѣ, не дай Богъ, чтобы злой геній войны смутилъ политическій покой этой мирной, замкнутой, ни въ чемъ не нуждающейся, счастливой, культурной страны.

Не думаю, чтобъ Швеція пустилась въ бранныя авантюры. По крайней мѣрѣ, изъ бесѣдъ со многими шведами я вынесъ впечатлѣніе, что они отнюдь не желаютъ войны. Не знаю, таково-ли настроеніе политическихъ вождей страны, но рядовые граждане настроены были очень мирно.

Замѣчу еще, что, несмотря на бойкую жизнь въ Стокгольмѣ, живется тамъ удивительно спокойно и уютно. Самое уличное движеніе отличается какой-то особенной порядливостью. Ни толкотни, ни сутолоки. Вамъ любезно уступаютъ дорогу, вамъ любезно покажутъ путь, если вы не знаете города. Шведы вообще отличаются предупредительностью, вѣжливостью, благожелательностью. Это особенно подмѣчалось послѣ пережитыхъ нами злоключеній въ странѣ бурбоновъ-нѣмцевъ. И въ теченіе тѣхъ трехъ дней, что мы прожили въ Стокгольмѣ, нервы отдохнули, мы, какъ говорится, отошли душой въ атмосферѣ предупредительнаго и благожелательнаго къ намъ отношенія.

Не могу сказать, чтобы отмѣнная предупредительность встрѣтила русскихъ, возвращавшихся изъ плѣна, въ нашемъ русскомъ посольствѣ. Холодная, сдержанная корректность—и только.

Мнѣ лично пришлось обратиться къ содѣйствію нашихъ дипломатовъ по слѣдующему случаю. Заказывая билеты въ „Сѣверномъ бюро", я узналъ, что мы можемъ попасть въ Финляндію, совершенно минуя морской путь. Для этого надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ до станціи Карунги, а оттуда нѣсколько часовъ на автомобилѣ до Хапаранды, пограничнаго шведскаго городка, лежащаго въ нѣсколькихъ ми-

нутахъ ходьбы отъ Торнео. Путь не только удобный, но даже пріятный и интересный. Но „Сѣверное бюро" выдавало подобные прямые билеты лишь при условіи согласія на то правительственнаго автомобильнаго бюро, а послѣднее давало разрѣшеніе на проѣздъ этимъ путемъ при условіи удостовѣренія посольствомъ или консульствомъ уважительныхъ причинъ, въ силу которыхъ данное лицо рѣшило избрать для возвращенія въ Россію именно этотъ путь. Подобная формальная процедура объяснялась, кажется, тѣмъ, что на этомъ пути лежитъ крѣпость Боденъ, охраняемая шведами отъ любопытства чужеземцевъ. Побывавъ въ автомобильномъ бюро, любезно заявившемъ мнѣ, что уладить все это формальное дѣло очень просто, я отправился въ наше посольство. Тамъ я изложилъ причину, въ силу которой я желалъ избрать именно этотъ путь. Причина была вполнѣ опредѣленная и понятная: переживъ ужасы морского переѣзда изъ Ростока въ Треллеборгъ и желая оградить жену отъ новыхъ волненій, неизбѣжно связанныхъ съ переѣздомъ черезъ Ботническій заливъ изъ Гефле (шведскаго порта) въ Раумо (Финляндію), гдѣ еще недавно нѣмецкія военныя суда арестовали и чуть-ли не взорвали шведскій пароходъ, я избиралъ, хотя и кружный путь, но путь спокойный и, по способу передвиженія, удобный и скорый. Молодой чиновникъ, къ которому я обратился, отвѣтилъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ.

— Настойчиво рекомендую ѣхать черезъ Гефле,—сказалъ онъ.—Я вамъ гарантирую полную безопасность. Случай со шведскимъ пароходомъ, на который вы ссылаетесь, повториться больше не можетъ. Впредь нѣмцы обязались свободно пропускать шведскіе пароходы, перевозящіе русскихъ.

— Я знаю по горькому опыту своеобразную корректность нѣмцевъ и цѣну ихъ обѣщаніямъ,—возразилъ я,—а поэтому ваша гарантія для меня малоубѣдительна. Во всякомъ же случаѣ, я не желаю подвергать жену и себя и физическимъ неудобствамъ морского переѣзда, и тѣмъ волненіямъ, которыя неизбѣжны при одной мысли о возможной встрѣчѣ съ германскими судами. Пережили мы въ плѣну не мало, нервы наши достаточно потрепаны, и не хотѣлось бы подвергать ихъ новымъ испытаніямъ. Я не настаивалъ бы на своей просьбѣ, если бы не зналъ достовѣрно, что намѣченнымъ мною путемъ ежедневно переѣзжаютъ десятки русскихъ.

— Хорошо,—согласился чиновникъ,—я дамъ вамъ разрѣшеніе, если вы соберете компанію и наймете до Карунги цѣлый вагонъ перваго класса.

— Почему?

— Иначе согласіе дано быть не можетъ.

Отвѣтъ показался мнѣ страннымъ, но спорить не приходилось. Однако, черезъ Гефле мы не поѣхали, а избрали весьма длительный путь—по желѣзной дорогѣ до приморскаго городка Люлео, а оттуда на пароходѣ до Хапаранды.

Этотъ путь представлялся удобнѣе въ томъ отношеніи, что переѣздъ по крайнему сѣверному пространству Ботническаго залива между шхерами, внѣ всякаго сомнѣнія, гарантировалъ отсутствіе качки и полную безопасность, такъ какъ германскія военныя суда вглубь залива проникнуть не могли. Раздумывать долго нельзя было,—билеты брались нарасхватъ, и я поспѣшилъ ими запастись.

Только что я купилъ ихъ, какъ встрѣтился въ банкѣ съ знакомымъ.

— Напрасно вы избрали этотъ путь,—сказалъ онъ.— Путь, правда, безопасный, но вы измучаетесь. Пароходы изъ Люлео отвратительны, и крейсируютъ они неисправно. Вообще, все это чрезвычайно сложно.

— Что же дѣлать!—возразилъ я.—Я хотѣлъ ѣхать черезъ Карунги, но въ посольствѣ мнѣ не дали разрѣшенія.

— Почему?

— Не знаю.

— Но это же одна пустая формальность! Моя мать и сестра ѣдутъ сегодня на Карунги. Да и не онѣ однѣ.

— И получили разрѣшеніе?

— Совершенно просто—изъ консульства. Напрасно вы туда не обратились.

Почемъ я могъ знать, что въ двухъ учрежденіяхъ существуютъ на одинъ и тотъ же предметъ діаметрально противоположные взгляды! А благодаря нелюбезности посольскаго чиновника и незнанію имъ порядка выдачи упомянутыхъ выше разрѣшеній, намъ, измученнымъ всѣми пережитыми мытарствами, пришлось подъ конецъ пути подвергнуться дѣйствительно большимъ неудобствамъ.

До Люлео мы ѣхали сутки. Въ одномъ съ нами вагонѣ ѣхали русскіе, направлявшіеся на Карунги и легко получившіе разрѣшеніе избрать этотъ путь. Они попали въ Россію двумя сутками раньше насъ, такъ какъ въ ожиданіи ближайшаго парохода намъ пришлось провести въ Люлео двѣ ночи и день. Пароходъ изъ Люлео на Хапаранду оказался, дѣйствительно, очень сквернымъ и тихоходнымъ. Выйдя на немъ въ 10 часовъ утра, мы доползли лишь къ вечеру, да и то не до Хапаранды: тихоходъ нашъ запоздалъ, наступила тьма, и капитанъ высадилъ насъ на какой-то пристани въ 10 километрахъ отъ Хапаранды. Тутъ мы очутились въ совершенно безпомощномъ положеніи: наступилъ вечеръ, начался густой туманъ, пристань оказалась безлюдной, ближе Хапаранды лошадей и автомобилей достать было нельзя. Правда, по телефону мнѣ удалось заказать автомобиль изъ Хапаранды, но его взяли съ бою, и я едва-едва смогъ посадить жену, а самъ остался съ вещами въ пріятномъ ожиданіи. Когда, часъ спустя, подоспѣли откуда-то маленькія чухонскія двуколки, такъ называемыя у насъ „бѣды“, мнѣ опять-таки съ бою удалось занять одну изъ нихъ,

да и то пришлось уламывать возницу, который вещей вести не хотѣлъ. Ѣхалъ я верхомъ на сундукѣ.Благодаря непроглядному туману, трусили мы еле-еле: поминутно приходилось выскакивать въ грязь, когда сбивались съ дороги или когда на встрѣчу летѣлъ автомобиль, при видѣ яркихъ фонарей котораго лихая шведка всякій разъ настойчиво норовила свернуть въ канаву. Пришлось побывать и въ канавахъ, и добрался я до мѣста назначенія промокшимъ и грязнымъ. По дорогѣ, чтобы скоротать время, я попытался разговориться съ моимъ возницей, видимо, очень словоохотливымъ шведомъ, разумѣвшимъ, конечно, лишь свой родной языкъ. Призывая на память весь скудный запасъ шведскихъ словъ, приспособляя корни подходящихъ нѣмецкихъ и англійскихъ словъ, я въ концѣ концовъ, при помощи мимики, выразительныхъ жестовъ и причмокиваній, разговорился недурно. Результатъ бесѣды оказался неутѣшительнымъ: судя по тѣмъ отчаяннымъ причмокиваніямъ и сокрушеннымъ покачиваніямъ головы, съ которыми возница указывалъ на циферблатъ часовъ, освѣщенныхъ карманнымъ фонарикомъ, я понялъ, что, ежели мы къ 8 часамъ въ Хапаранду не поспѣемъ, то меня ждетъ тамъ какая-то крупная непріятность. И мои мимико-лангвистическія познанія меня не обманули: дѣйствительно, крупной непріятности я избѣгъ только потому, что мы прибыли въ Хапаранду въ восемь часовъ безъ десяти минутъ; этихъ десяти минутъ хватило ровно на то, чтобы расплатиться съ возницей, нанять носильщика и быстрымъ маршемъ пройти длинный мостъ черезъ пограничную рѣчку, отдѣляющую Хапаранду отъ Торнео. Опоздай я на 10 минутъ, калитка на нашей границѣ оказалась бы закрытой, и мнѣ, къ довершенію всѣхъ удовольствій, пришлось бы вернуться въ Хапаранду.

Съ какимъ умиленіемъ, загодя, думали мы съ женой о томъ счастливомъ мгновеніи, когда послѣ трехмѣсячнаго скитанія, мы увидимъ на границѣ первое родное лицо русскаго жандарма, встрѣтимъ русскую предупредительность, ласковое, доброжелательное отношеніе къ плѣнникамъ, возвращающимся въ родныя палестины. Пришлось и на сей разъ горько разочароваться.

Когда я подошелъ къ калиткѣ въ концѣ моста, то, къ величайшему моему изумленію, встрѣтилъ на мосту жену. Пріѣхавъ много раньше меня, она, измученная, часа полтора ждала меня подъ дождемъ, на холоду. Почему на мосту, а не въ караульной избѣ, хотя бы? Подобное гостепріимство пограничнаго начальства было бы болѣе, чѣмъ понятно. Да по той простой причинѣ, что, еле успѣвъ усадить жену на пристани въ автомобиль, я не успѣлъ передать ей паспорта, въ которомъ она была прописана вмѣстѣ со мной, а безъ предъявленія паспорта строгій стражъ, несмотря на всѣ мольбы и увѣренія жены и ея спутниковъ, что я ѣду слѣдомъ, не позволилъ ей перешагнуть порога калитки.

Ровно въ 8 часовъ калитка была заперта. Бѣдный нашъ сопутчикъ, сожитель по пансіону фрейлейнъ Марты, г. П—те, съ которымъ мы совершили вмѣстѣ весь долгій путь, ѣхавшій съ пристани слѣдомъ за мной, оказался лишеннымъ счастья перешагнуть границу.

— А какъ же будетъ со всѣми остальными нашими русскими, возвращающимися изъ плѣна?—полюбопытствовалъ я.—Вѣдь ихъ много. И среди нихъ—дамы, дѣти, больные и старики.

— Такъ что, придется вернуться въ Хапаранду,—послѣдовалъ спокойный отвѣтъ.—Раньше пущали всю ночь. Теперь не велѣно.

— Почему?

— Не велѣно. Сколько уже васъ десятковъ тысячъ прошло. Теперь остатки.

— Что жъ, жаль стало для остатковъ-то держать калитку подольше отворенной?

— Наше дѣло подневольное.

Легко себѣ представить тяжелое разочарованіе и недоумѣніе нашихъ злосчастныхъ товарищей, когда, дойдя до родной границы, они, усталые, голодные, продрогшіе, должны были убѣдиться, что входъ на русскую землю имъ заказанъ потому, что пробило 8 часовъ, что раньше „сколько десятковъ тысячъ прошло“, а теперь просто „не велѣно“...

А все-таки, какъ пріятно было увидать родное, русское лицо въ знакомой формѣ, какъ невыразимо сладостно было, послѣ долгаго плѣна, переступить границу милой, родной земли. Переступая ее, я невольно благоговѣйно снялъ шляпу. Да, воистину: „и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“...

На вокзалѣ, гдѣ мы поспѣшили запастись спальными мѣстами, обогрѣлись и обсушились и затѣмъ въ мѣстной гостинницѣ, куда мы поѣхали скоротать за ужиномъ тѣ нѣсколько часовъ, что оставались до отхода поѣзда,—мы встрѣтили знакомыхъ, прибывшихъ въ этотъ день засвѣтло на автомобилѣ изъ Карунги. Они не могли нахвалиться удобствомъ и пріятностью этого своего путешествія.

Но къ намъ судьба оказалась еще милостивой. Тутъ же мы встрѣтили товарищей по Ростоку, которые двумя днями раньше насъ вышли на пароходѣ изъ Люлео и лишь теперь добрались въ Торнео. Оказалось, что пароходъ развозилъ по шхерамъ товары и удосужился поэтому доползти до Торнео лишь на исходѣ вторыхъ сутокъ.

Въ ожидательной комнатѣ на вокзалѣ, куда мы пріѣхали за часъ до отхода поѣзда, мы застали тяжелую картину: на голомъ полу, подложивъ, вмѣсто подушекъ, локти подъ головы, спало польское семейство, состоявшее изъ мужа, жены и троихъ ребятъ малъ-мала меньше. Такъ спали они тутъ уже цѣлую недѣлю. Несчастные возвращались кружнымъ

путемъ черезъ Англію. По пути изъ Англіи въ Швецію пароходъ ихъ наткнулся на нѣмецкую мину. Всѣ пассажиры кромѣ нихъ погибли. Сами они чудомъ уцѣлѣли, дождавшись на медленно погружавшемся суднѣ прихода рыбацкихъ шлюпокъ, которыя ихъ и сняли.

Поѣздъ нашъ отошелъ въ 3 часа ночи. До Петрограда путь изъ Торнео не близкій: намъ предстояло ѣхать почти двое сутокъ; но въ бесѣдахъ съ попутчиками время это промелькнуло незамѣтно. Изъ путевыхъ бесѣдъ мы постепенно узнавали такія новости, о которыхъ въ плѣну и понятія не имѣли. Такъ оказалось, что нѣмцы не только не одерживали надъ нами тѣхъ непрерывныхъ героическихъ побѣдъ, о которыхъ съ начала войны трубили нѣмецкія газеты, а что, напротивъ, именно мы преисправно все время колотили нѣмцевъ. Оказалось также, что, вопреки настойчивымъ сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ, въ Россіи не только не было революцій, возмущеній, террористическихъ актовъ, а, напротивъ, вся страна пережила небывалый духовный подъемъ, сплотилась въ единодушномъ порывѣ, забывъ всѣ партійные счеты и раздоры. И по мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжали къ Петрограду, новые пассажиры, въ особенности изъ числа военныхъ, подсѣвшихъ въ Выборгѣ, дѣлились послѣдними полученными новостями о славныхъ нашихъ бранныхъ дѣлахъ, и, слушая ихъ, сердце радовалось чрезвычайно, тревоги стихали, охватывало непередаваемое воодушевленіе.

Въ Бѣлоостровѣ, когда, послѣ таможеннаго досмотра вещей, мы направились въ буфетъ, насъ ждалъ тамъ особенно пріятный сюрпризъ.

Вопреки обыкновенію, возлѣ стойки не видно было густой толпы пассажировъ, жадно протягивающихъ руки къ „пивку“ и „водочкѣ“, со стойки исчезла традиціонная баттарея бутылокъ, и пивные краны бездѣйствовали. Не было обычной давки, немногочисленные пассажиры чинно и скромно жевали бутерброды, запивая ихъ содовой водой или клюквеннымъ квасомъ.

— Что сей сонъ обозначаетъ?— спросилъ я буфетчика, краснорѣчивымъ жестомъ указывая на пустую стойку.

— Запрещено, — былъ мрачный отвѣтъ.

— Да, ну! Давно ли?

— Съ начала войны.

— И что же, совсѣмъ, навсегда?

Угрюмо пожавъ плечами и затаивъ тяжелый вздохъ, буфетчикъ отвернулся. Но стоявшій рядомъ со мной словоохотливый полковникъ, съ которымъ я только что познакомился въ вагонѣ, поторопился — и, видимо, съ большимъ удовольствіемъ — удовлетворить мое любопытство.

— Да развѣ вы еще не знаете? Запретъ положенъ полный, казенныя лавки закрыты.

Этого я, признаться, не ожидалъ! Правда, еще въ Сток-

гольмѣ приходилось мелькомъ слышать, будто въ Россіи предположено прекратить торговлю спиртными напитками, но я никакъ не предполагалъ, что побѣда надъ зеленымъ зміемъ свершится такъ неожиданно-быстро. Эту великую побѣду, равно, какъ и другія наши побѣды, нѣмецкія газеты, разумѣется, старательно замалчивали. И невольно подумалось о тѣхъ колоссальныхъ послѣдствіяхъ, которыми чревато было это событіе неимовѣрно-важнаго культурнаго значенія въ исторіи нашей родины.

Еще короткій часъ ѣзды — и мы въ Петроградѣ. На вокзалѣ встрѣча съ близкими, радостныя поздравленія, разспросы, разсказы.

И вотъ, наконецъ, мы дома. Дома!.. Какія непередаваемо-отрадныя впечатлѣнія!

Какъ кажется страннымъ, что я такъ много пережилъ, измѣнился, а тутъ, въ этомъ „дома", составляющемъ какъ бы часть моего существа, ничто, ничто не измѣнилось. Вотъ кабинетъ, гдѣ — будто я только вчера отсюда вышелъ — ждетъ меня обычный

. . . . плѣнительный, любимый
За письменнымъ столомъ вседневный трудъ . . .

Знакомая стопка приготовленныхъ для просмотра дѣловыхъ бумагъ и рукописей, книга, недочитанная передъ отъѣздомъ, заложенная карандашомъ и, вдругъ, дѣловой телефонный звонокъ. Все по-старому, точно я не уѣзжалъ, точно не промелькнули эти страшные три мѣсяца.

И невольно подумалось: такъ же быстро промелькнетъ вся жизнь, такъ же незамѣтно уйдемъ мы и уйдутъ многія наши нисходящія поколѣнія, а міръ по прежнему будетъ стоять въ своей спокойной вѣчной неизмѣняемости. Мгновеніемъ, въ сравненіи съ вѣчностью, мелькнетъ и эта страшная война, забудутся когда-нибудь ея кровавыя оргіи. Но забудутся внѣшнія ужасы войны, слѣдъ же значенія моральнаго она въ жизни міра оставитъ вѣчный, ибо война наша — борьба не за бытіе физическое, а за духовное преобладаніе націи, могучей духомъ, совѣстью, честью, надъ ничтожнымъ въ этомъ смыслѣ врагомъ, съ котораго уже совлечены пресловутыя культурныя одежды, обнажившія его духовную нищету. Война эта, великая по своему моральному значенію и сопряженнымъ съ нею событіямъ, показала, что будущее — наше, ибо мы отнынѣ и до вѣка народъ-богоносецъ, народъ — хранитель Христовыхъ завѣтовъ, этихъ единыхъ извѣчныхъ основъ дѣйствительной культуры, которые германцы, въ погонѣ за мишурными благами внѣшней культуры, забыли и дерзко попрали.

Во вступленіи къ настоящимъ запискамъ я сказалъ, что факты, въ нихъ излагаемые, блѣднѣютъ въ сравненіи съ ужасами войны. Конечно, это такъ. Но все имѣетъ свою мѣру. То, что пережили мы, мирные люди, курортные гости германцевъ, въ плѣну у нихъ, не менѣе доказательно въ отношеніи познанія нашего врага съ его своеобразной культурой, чѣмъ кровавые ужасы, переживаемые нашими братьями на полѣ брани. Тутъ познается „культурный" нѣмецъ—„рыцарь"-воинъ, тамъ познали мы его въ обстановкѣ болѣе или менѣе мирной жизни. Сопоставленіе тѣхъ и другихъ впечатлѣній дорисовываетъ картину.

Въ своихъ запискахъ я не привелъ разительныхъ фактовъ, мои наблюденія, можетъ быть, мелочны, но они правдивы и объективны. Въ этомъ отношеніи они, быть можетъ, представятъ нѣкоторый интересъ.

Въ заключеніе, нѣсколько строкъ послѣсловія. Нѣмцы говорятъ: не только русскіе страдали въ плѣну въ Германіи, не легко, молъ, живется и нѣмцамъ, разселеннымъ по окраиннымъ русскимъ городамъ. Возражу слѣдующее: во первыхъ, мы, съ врожденной намъ „жалостливостью", никогда не смогли бы проявить по отношенію къ мирнымъ нѣмцамъ той холодной жестокости, того безсердечія, которыя они проявляли въ отношеніи насъ. Мы знаемъ, какъ живется нѣмцамъ въ нашихъ окраинныхъ городахъ, какъ сердобольные мѣстные жители ухаживаютъ за ними, увеселяютъ, утѣшаютъ. Возможно, конечно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ внѣшнія условія жизни нѣмцевъ, выселенныхъ изъ центральныхъ городовъ на окраины, суровы. Но надо вспомнить, что вѣдь мы были курортными гостями германцевъ. Наѣзжая къ нимъ на курортную побывку, мы ежегодно неимовѣрно ихъ обогащали. Передъ войной мы бѣжали, но насъ предательски схватили. Нѣмцы же, т. е., разумѣю,—германскіе подданные, нарочито пріѣзжали къ намъ, чтобы обогащаться за нашъ счетъ, прочно селились въ Россіи, жили припѣваючи, какъ могли эксплоатировали насъ, являясь тайными агентами германскаго правительства, шпіонами, щедрыми жертвователями на нужды германской арміи, членами знаменитаго пангерманскаго союза, подготовлявшими войну. И когда, съ началомъ войны, намъ пришлось честью просить ихъ вернуться въ свой фатерляндъ, многіе изъ нихъ уѣхать отъ насъ не поторопились: ужъ больно хорошо прижилось имъ въ радушной Россіи.

Вотъ въ чемъ разница, которую не мѣшаетъ помнить...

———

Der russische Reichsangehörige, Redakteur,
Nicolaus Sergiewsky,
41 Jahre alt, aus Wilna,
war hier angehalten, ist entlassen und es
steht seiner Abreise über Schweden nach
Russland nichts entgegen

Rostock i/M., den 7. Oktober 1914.

-Inspektor * Rostock *

Kaiser
Polizei-Inspektor.

Свидѣтельство, выданное ростокской полиціей на право выѣзда черезъ Швецію въ Россію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

